Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 10

2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Марат ХАГВЕРДИЕВ. **Легенда трёх морей.** *Драма* 3
Натиг РАСУЛЗАДЕ. **Стоявший за дверью.** *Рассказ* 54
Марат ШАФИЕВ. **Сказание об отце.** *Маленькая повесть* 77
Этимад БАШКЕЧИД. **Велосипед.** *Рассказ* 98
Ефим АБРАМОВ. **Ноктюрн.** *Рассказ для кино* 112

ПОЭЗИЯ

Нуренгиз ГЮН. *Стихи* 43
Ляман БАГИРОВА. *Стихи* 76
Николай ХАТУНЦЕВ. *Стихи* 88
Алина ЛИТОВЧЕНКО. *Стихи* 110
Юрий МАМЕДОВ. *Стихи* 131

ПУБЛИЦИСТИКА

Вилаят ГУЛИЕВ. **Халил Мусаев – художник «Моллы Насреддина»** 35
Рустам КЯМАЛ. **Путешествие в Тебриз с Мирзой Ибрагимовым** 73
Марат ШАФИЕВ. **На его могилу не приносят цветов** 87
Айтен РУСТАМЗАДЕ. **Яркая страница в истории азербайджанской литературы** 105
Аида ФЕЙЗУЛЛАЕВА. **Страницы жизни Бальзака или немеркнущая слава титана** 119

ГГлавный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-75-81
Сдано в печать 20.09.2019г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2019 г.

«АЗЕРБАЙДЖАН ВЗОЙДЕТ, КАК СОЛНЦЕ, В ЭТОМ МИРЕ»

Посвящается памяти великого сына нашего народа Гейдара Алиева, политического деятеля с мировой славой, создателя и архитектора современного независимого Азербайджанского государства

МАРАТ ХАГВЕРДИЕВ

Перевод Ханлара Зиязаде

Легенда трёх морей

Драма в двух частях

Действующие лица:

Расим Зейналов	– начальник строительного участка
Гогия Абашидзе	– инженер
Билал	– инженер
Наргиз Азизова	– переводчица
Раджабов	– представитель местной власти
Эльчин	– бригадир строителей
Гасан	– водитель
Гюнель	– его дочь
Наташа	– повариха
Алекс	– переводчик
Зохрабов	– начальник управления полиции, полковник
Шакир	– его заместитель, майор
Гудрет	– старший оперуполномоченный, капитан
Муршуд	– сержант полиции
Ашраф	– сержант полиции
Махмуд	– ветеран войны
Исмаил	– организатор демонстрации
Малик	
Наби	– его помощники
Энвер	

Председатель, Репортер, Мистер Джонсон, Салимов, Аксакал, 1 лицо, 2 лицо, рабочие, полицейские, сельчане и другие

П Р О Л О Г

ГОЛОС *(Одновременно с речью диктора на экране идет показ соответствующих документальных кадров).*

1990-93 годы. Азербайджан. Повсюду правили хаос, анархия, безвластие. Вооруженные столкновения, мятежи сепаратистских сил, государственные перевороты, военная агрессия Армении, экономика в состоянии стагнации, безработица сотрясали страну. С другой стороны, Азербайджану угрожала опасность гражданской войны и потери государственности.

В этих тяжелых условиях по желанию и настойчивому требованию народа к власти пришел политик с мировой славой Гейдар Алиев. Встав лицом к лицу со всеми трудностями, он восстановил в стране мир, спокойствие и стабильность. Предотвратил гражданскую войну, добился прекращения огня, спас Азербайджан от угрозы развала и уничтожения.

20 сентября 1994 года между ГНКАР и зарубежными нефтяными компаниями было подписано первое соглашение – «Контракт века» – по разработке месторождений Азери-Чираг-Гюнешли, расположенных в азербайджанском секторе Каспия.

18 ноября 1999 года в Стамбуле президентами Азербайджана, Турции и Грузии был подписан договор по транспортировке нефти-сырца по основному экспортному трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан. Это событие поддержали президенты Казахстана и США.

18 сентября 2002 года на Сангачалском терминале при участии президентов Азербайджана, Турции и Грузии проведена церемония закладки основания экспортного трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан.

Президент Азербайджана Гейдар Алиев выказывал потрясающую решительность, настойчивость и непоколебимую волю при привлечении ведущих мировых компаний к подготовке и финансированию этого нефтяного проекта, названного «Легендой трёх морей».

Однако наряду с этим также увеличились попытки совершения всякого рода диверсий и саботажа, запугивания со стороны разных стран с целью не дать состояться этому, на тот период самому большому в мире, энергетическому проекту.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Первая картина

Тайная встреча внешних и внутренних представителей сил, препятствующих претворению в жизнь проекта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господа! Как вы знаете, все меры, предпринятые нами с целью остановить строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан провалились:

провалились попытки военного государственного переворота в Азербаджане;

наши заявления о нанесении трубопроводом экологического вреда источнику минеральной воды «Боржоми» не возымели никакого воздействия;

все усилия для создания трудностей в деле финансирования остались без результата!

Так что, чего бы это ни стоило, мы должны воспрепятствовать строительству нефтепровода!

I ЛИЦО. Господа! Нам также известно, что на участке строителства трубопровода, находящемся в Азербайджане, работы только начались. Пока не поздно, мы должны нанести основательный удар по строительству, подорвать доверие народа к руководству!

II ЛИЦО. Сегодня строится трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан. После него должно начаться строительство газопровода Баку-Тбилиси-Эрзерум. Я уже не говорю о строительстве железной дороги Баку-Тбилиси-Карс. Всё это обеспечит усиление экономического и политического могущества Азербайджана, постоянный рост его международного авторитета. Для предотвращения этого мы в первую очередь должны доказать, что республика не способна на проведение строительных работ глобального масштаба.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это так. Но мы не должны забывать, что легче всего воздействовать на народ через его веру. Надо вести пропаганду, что, мол, находящиеся в зоне строительства трубопровода храмы и святыни будут разрушены. А это приведет к большому недовольству, возмущению среди людей и в итоге – к демонстрациям против строительства и к росту внутренней напряженности в стране. Воспользовавшись всем этим, мы можем подорвать доверие народа к властям. Затем, подняв мятеж в уставшей от беспрерывных демонстраций стране, создать подходящие условия для свержения власти. Потому что руководство этой страны, его дружеские отношения с Турцией и Грузией нас не устраивают, точнее, являются для нас большой угрозой! (*с мест раздаются реплики: Верно! Правильно! поддерживающие его слова*). Алекс! Вы назначаетесь ответственным лицом за выполнение этих важных дел на территории Азербайджана. Я надеюсь, что вы оправдаете оказанное доверие!

АЛЕКС. Конечно, господин председатель, вы можете быть в этом уверены!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, а теперь перейдём к тому, что нужно сделать на территориях Турции и Грузии...

Вторая картина

Освещается временный офис инженерного состава. Несколько человек громят офис: вырывают телефонные линии, срывают графики и карты со стен, документы из ящиков столов рвут и разбрасывают по полу. Столы, стулья, шкафы переворачивают, валят на пол. Всеми этими действиями руководит Гасан.

ГАСАН. Скорее! Двигайтесь быстрее! Ломайте! Громите! Чтобы ничего не осталось целым! Рушьте и переворачивайте всё!...

ЭЛЬЧИН. Ломайте и окна, и двери!

Со стороны слышится предупреждающий свист.

ГАСАН. Стойте! Уходим! Торопитесь, прыгайте в окна!

Все выпрыгивают в окна и убегают. Когда оставшийся последним Гасан подходит к окну, в комнату входит Абашидзе и видит Гасана. Гасан, грозя ему пальцем, прыгает в окно и убегает.

АБАШИДЗЕ. Бахо!.. Если это преисподняя, то тот, кого я видел, был шайтан! (*Берет несколько обрывков бумаги и рассматривает их*). Это же наш проект!

Входит группа журналистов, начинают спешно снимать все увиденное. Также входят Алекс с Зейналовым.

ЗЕЙНАЛОВ. Я не могу ничего сказать журналистам. Поймите меня. К тому же я привык работать только со своим переводчиком. Я хорошо знаю этих газетчиков. Извините... (*Отойдя в сторону.*) Гогия, объясни, что здесь произошло?

АБАШИДЗЕ. Ну, что произошло? Придя на работу, я увидел, что группа мужчин, вломившись в офис, громят все, что есть внутри, переворачивают и рушат все вокруг. Увидев меня, они все убежали в направлении реки. Но лицо одного из них я хорошо запомнил. Я узнаю его, если увижу. По-моему, он у них за главного.

Быстрыми шагами входит Раджабов.

РАДЖАБОВ. Господин Зейналов! Нас очень беспокоит это дело. Полиция обязательно задержит виновных. Я должен сейчас же позвонить и доложить о случившемся.

ЗЕЙНАЛОВ. Не нужно.

РАДЖАБОВ. Почему же?

ЗЕЙНАЛОВ. Вы не знаете, кто сообщил об этом событии представителям зарубежной прессы?

РАДЖАБОВ. А что, и они здесь? (*Оглядывается вокруг.*) Да, быстро работают, действительно быстро.

АЛЕКС (*Раджабову*). Журналисты хотели бы знать, что вы думаете делать в связи с произошедшим?

РАДЖАБОВ. Я даже не знаю, что делать. Всё это очень беспокоит меня.

АЛЕКС. Каков будет ущерб, нанесённый офису местным населением?

РАДЖАБОВ. Мне пока неизвестно, кем был нанесён этот ущерб.

ЗЕЙНАЛОВ (*Алексу*). Почему вы считаете, что это дело рук местного населения?

АЛЕКС. Потому что это логично. По проекту трубопровод должен пройти через участки с большим количеством жилых домов, садов-огородов, полей, а также религиозных памятников, святых мест. Значит, все они должны быть снесены, разрушены. Вы не ответили на мой вопрос. Каков может быть ущерб, нанесенный местным населением?

ЗЕЙНАЛОВ. Во-первых, у нас нет никаких оснований считать, что эти действия совершены именно местным населением. Во-вторых, нам не было нанесено никакого ущерба. Эта комната является временной постройкой. Она подлежала сносу в любом случае. Все нужные и ценные документы давно были перенесены отсюда. И если бы даже утренние гости полностью разнесли эту комнату, мы бы их только поблагодарили за это. (*Улыбаясь.*) Потому что снос этого здания потребовал бы определенных расходов.

Алекс направляется к журналистам и советуется с ними.

ЗЕЙНАЛОВ (*Абашидзе*). Гогия! Скорее, поторопись немного! Замени телефоны! Наладь временную связь!

АБАШИДЗЕ. Сейчас все сделаю (*Уходит.*)

АЛЕКС (*подходя к Зейналову*). Корреспонденты спрашивают: из ваших слов можно сделать вывод, что вы отнюдь не сожалеете о том, что произошло, и не считаете виноватым в этом происшествии местное население?

ЗЕЙНАЛОВ. Да, это так, и еще добавьте, что лично я не вижу здесь признаков никакого преступления.

АЛЕКС. А что же послужило причиной такого срочного появления здесь представителя местных властей?

ЗЕЙНАЛОВ. Те же причины, что привели сюда и вас, то есть беспочвенные слухи.

Алекс улыбается. Журналисты, сфотографировав Зейналова и Раджабова, уходят.

РАДЖАБОВ. Как вы думаете, откуда они узнают обо всём? Как они в такой короткий срок и так быстро добрались в такую даль?

ЗЕЙНАЛОВ. Это их работа... а вернее, заработок. Значит, строительство этого трубопровода кого-то не устраивает. Теперь мы должны в короткий срок построить себе постоянное административное здание. Причем, рядом с рабочими, прямо в центре посёлка.

РАДЖАБОВ. Это отличная мысль. Пойду, займусь этим вопросом. (*Уходит*).

Зейналов остаётся один, он нагибается и поднимает с пола несколько листков.

ЗЕЙНАЛОВ. Бюрократы, требующие предоставления нескольких копий документов, иногда действительно бывают правы. Если бы сейчас у нас не было запасных копий уничтоженных документов, это могло бы навредить работе.

Весело входит Наргиз, с удивлением осматривает комнату.

НАРГИЗ. Что это такое? Наш офис полностью разгромили?!

ЗЕЙНАЛОВ. Это провокация. Мне кажется, что кто-то ожидает с нашей стороны проявления сильного недовольства. Потому что как только ушли погромщики, тут же появились иностранные журналисты. Нет сомнений, что они были оповещены заранее. Да, кстати, Наргиз-ханым, вы не могли бы приходить на работу чуть пораньше? Мне нужен был свой переводчик.

НАРГИЗ. Мой рабочий день начинается в 9 часов утра. Извините, но я никак не могла предвидеть это происшествие.

ЗЕЙНАЛОВ. Не обижайтесь, но в последнее время я ощущаю какую-то холодность в вашей работе, разброс в ваших мыслях.

НАРГИЗ (*с волнением*). Если вы недовольны моей работой, можете уволить меня.

ЗЕЙНАЛОВ. Наргиз, не капризничайте.

Звонит мобильный телефон Зейналова. Он начинает говорить по телефону. Наргиз в это время пытается навести порядок в комнате.

ЗЕЙНАЛОВ. Да... Да, здравствуйте... Извините, у меня нет времени раздавать интервью. В самый разгар строительных работ вы отвлекаете меня от выполнения моих обязанностей. До свидания! (*дав «отбой», обращается к Наргиз*). Госпожа Азизова, я знаю, что вы очень хороший специалист и незаменимы как переводчик... Но ведь вы сами просили руководство направить вас на работу на наш участок. Правда, в последнее время я не могу вас понять.

НАРГИЗ. В этом-то и проблема, что вы меня не понимаете...

Входят двое сотрудников полиции. Они ведут Гасана.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Господин Зейналов, мы задержали главаря тех людей, кто устроил погром в вашем офисе. Но он не хочет признавать своей вины. Кто из ваших сотрудников мог бы его опознать и тем самым подтвердить его вину?

ЗЕЙНАЛОВ. Мы не знаем этого человека, и у нас нет никаких оснований обвинять его.

Неся в руках коробки с телефонами и различными деталями, входит Абашидзе.

АБАШИДЗЕ. Шеф, всё в порядке. Я могу наладить вам связь с кем угодно – говорите. (*Увидев Гасана.*) Ааа... Ну, наконец поймали вас!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы узнаёте его?

АБАШИДЗЕ. Конечно! Это главарь тех людей, что разгромили наш офис.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Теперь всё ясно!

Полицейские уводят Гасана. Абашидзе по острым взглядам в свою сторону понимает свою ошибку и в огорчении обхватывает голову руками.

НАРГИЗ. Я тоже узнала того человека. Его зовут Гасан-бек. Я читала о нём в газете. Он пользуется большим уважением в деревне. Очень достойный, к тому же верующий человек. В своё время он был очень состоятельным. Всегда протягивал руку помощи людям. (*Огорченно.*) Но сейчас обеднел, без работы. Я представляю, в каком положении окажется его семья, если его посадят .

ЗЕЙНАЛОВ. Странно. Что заставило такого благожелательного человека совершить погром в нашем офисе?... Может, вы сходите и познакомитесь с его семьёй поближе, чтобы внести ясность в некоторые интересующие нас вопросы.

НАРГИЗ. С большой радостью.

Третья картина

Ночь... Лунный свет... Вокруг скалы и камни. Алекс и Билал.

АЛЕКС (*раздражённо*). Билал, что было вам поручено? Отвечай!

БИЛАЛ. Но, шеф, что мы могли сделать? Наша группа только начала громить офис, как пришли сотрудники, хотя до начала работы еще оставалось много времени. Затем появилась полиция и начала поиски.

АЛЕКС. Ну, бездари! Эта операция прошла очень неудачно. Теперь основной целью является нанесение строительству широкомасштабного удара. Это не такая сложная задача для тебя. Потому что Зейналов очень доверяет тебе, как надежному и умелому инженеру.

БИЛАЛ. Шеф, нам хорошо известно, что несмотря на мощные препятствия в вопросах утверждения и финансирования проекта этого строительства, это не дало результата. Теперь уже поздно, трубопровод и так будет построен.

АЛЕКС. Как так – будет построен?! Мы обязательно должны помешать этому! Для достижения этого лучшим способом является настрой местного населения против строительства. По полученной нами информации трубопровод пройдет через территорию нескольких религиозных памятников и отдельных жилых массивов. Лучшей причины, чтоб поднять сельчан, нельзя и желать. Билал, вы должны дать толчок этому делу. Остальное сделают телевидение и пресса. Как говорится, была бы муха, а сделать из неё слона просто. Понятно?

БИЛАЛ. Понятно, господин.

АЛЕКС. Ну, если так, то приступай к работе.

БИЛАЛ. Есть!

АЛЕКС. Я пошёл. (*Быстрыми шагами уходит.*)

БИЛАЛ (*провожает его долгим взглядом*). Чем же закончатся все эти дела?

Четвёртая картина

Жилой поселок. Кругом зелень. Тайное собрание.
Исмаил-бек с волнением выступает перед собравшимися сельчанами.

ИСМАИЛ. Люди! Мусульмане! Наши священные места, храмы и молельни хотят разрушить! Хотят сравнять их с землёй! Это большое несчастье! Вы понимаете, беда!

АКСАКАЛ (*с волнением)*. Как так – разрушить? Но по какому праву? А строители этого трубопровода не боятся совершить такой большой грех?

СЕЛЬЧАНИН. А чего им бояться? Какое им дело, аксакал? Нам нельзя сидеть, набрав в рот воды! Надо жаловаться! Причем в самые высокие организации!

ИСМАИЛ. Какие же вы простаки! Проект уже утвержден!

СЕЛЬЧАНИН. Вы хотите сказать, что выхода нет?

ИСМАИЛ. У нас есть только один выход: мы должны поднять на ноги народ в деревнях и поселках! Выступать против строительства! Выходить на демонстрации! Причём беспрерывно! Я сам являюсь организатором демонстрации. И я призываю всех вас прийти на проводящуюся в эту субботу в центре района демонстрацию! Приходите и вы и участвуйте!

АКСАКАЛ. Да благословенно будет вскормившее тебя молоко матери, Исмаил-бек! Ты и вправду Божий человек! Настоящий мусульманин! Мы с тобой! Эй, люди! Мы должны спасти наши святые места! Даже если нам придётся стать шехидами на этом пути!

ИСМАИЛ. Не забывайте, что мы не одни и не беспомощны! Немало и оказывающих нам помощь из центра! Я уже не говорю о зарубежных странах! Они тоже вмешаются в наше святое дело, когда это потребуется, окажут нам всевозможную помощь! Можете быть в этом уверены! Правда на нашей стороне! Мы победим! Значит, выходим на демонстрацию! Мы будем бороться до конца! Мы не допустим уничтожения наших святых мест, молелен и храмов!

С МЕСТ. Мы с тобой, Исмаил-бек!

Все встают, подходят к Исмаил-беку, жмут ему руку. Все расходятся, кроме Исмаила и его помошников Малика, Наби и Энвера.

ИСМАИЛ (*в сторону*). А если на демонстрацию не выйдет достаточное количество народа, что тогда? (*Малику и Наби.*) По моему, для достижения необходимого масштаба и значимости нужно привлечь к участию в демонстрации дополнительных людей, само собой, за деньги!

МАЛИК. Не волнуйтесь, Исмаил-бек, сделаем. Все можно сделать за деньги.

НАБИ. Тем более, что нам это не впервой!

ЭНВЕР. К такого рода делам мы привычны.

ИСМАИЛ. По-моему, в решении этого вопроса нам может помочь один человек. Это Махмуд бек. Он сейчас живет в нужде. Я обязательно должен встретится с ним!

МАЛИК. Ясно, Исмаил-бек, мы это организуем!

Пятая картина

Жилой посёлок... Кругом зелень. Виден один угол дома Гасана. Эльчин и Гюнель разговаривают, стоя в тени дерева.

ЭЛЬЧИН. Гюнель, дорогая, почему в последнее время ты избегаешь меня?

ГЮНЕЛЬ. Пойми моё положение. Мой отец в тюрьме, мать целыми днями скорбит. Как и я.

ЭЛЬЧИН. Выходит, наша свадьба откладывается?

ГЮНЕЛЬ. Конечно.

ЭЛЬЧИН. Я уверен, что твоего отца скоро отпустят... в тюрьме должен сидеть не Гасан-бек, а работники этого офиса.

ГЮНЕЛЬ. А сам ты зачем работаешь с ними?

ЭЛЬЧИН. А что мне делать, какой у меня выбор? Гасан-бек не хочет отдавать тебя за меня потому, что я беден. Я работаю на строительстве, потому что там хорошо платят. Не волнуйся, дорогая, как только твой отец выйдет на свободу, мы справим свадьбу, поженимся и будем счастливы. Гюнель, обещай, что будешь ждать меня.

ГЮНЕЛЬ. Конечно, дорогой. А сейчас прости меня, я должна идти. Меня ждёт мать. (*Уходит.*)

Эльчин задумывается. Вдруг слышится свист. Появляется Билал.

БИЛАЛ. Эй, жених! Ну-ка иди сюда!

ЭЛЬЧИН. Господин, это вы?

БИЛАЛ. Кажется, свадьба откладывается?

ЭЛЬЧИН. Вы слышали?

БИЛАЛ. Я слышу всё. Слушай, если мы освободим Гасана, всё будет хорошо. Да, кстати, Гасан-бек получил то, что ему причитается?

ЭЛЬЧИН. Нет, он не взял денег (*Достаёт из кармана деньги и передаёт Билалу.*)

БИЛАЛ. Ты хочешь сказать, Гасан не захотел взять деньги? Верно я говорю? (*Эльчин кивком головы подтверждает. Возвращая деньги Эльчину.*) Возьми! (*Эльчин не хочет брать.*) Если поможешь Гасану, это будет твое заслуженное вознаграждение.

ЭЛЬЧИН. Я не смогу.

БИЛАЛ. Если сельчане стекутся к офису и поднимут шум, причём основательный шум, тогда руководство будет вынуждено выпустить Гасана.

ЭЛЬЧИН. Сельчане не пойдут на это.

БИЛАЛ. Найдутся те, кто пойдёт. (*Отдавая деньги Эльчину.*) Бери, это тем, кто согласится. Видишь, как сильно я беспокоюсь о Гасане? Вообще-то его дочь не заслужила такого труса, как ты. Я заметил здесь сотрудницу строительного офиса Наргиз-ханым. Вот эту женщину нужно взять в заложницы.

ЭЛЬЧИН. Вы говорите о переводчице Зейналова Наргиз Азизовой? Не нужно, господин.

БИЛАЛ. Нужно! Пошли!

ЭЛЬЧИН. Куда?

БИЛАЛ. Брать Наргиз в заложницы.

Уходит, забрав Эльчина с собой. Гюнель, открыв дверь дома, выходит, осматривается вокруг. Входит Наргиз.

НАРГИЗ. Ханым, это дом Гасан-бека?

ГЮНЕЛЬ. Да.

НАРГИЗ. А вы, наверно, дочь Гасан-бека?

ГЮНЕЛЬ. Да, ханым. Но моего отца нет дома. Его задержали. Его обвиняют в погроме, устроенном в строительном офисе.

НАРГИЗ. Я знаю.

ГЮНЕЛЬ. Сейчас все знают об этом.

НАРГИЗ. Но зачем он так поступил? Что плохого сделали ему работники офиса?

ГЮНЕЛЬ. Я вас совсем не знаю. Зачем я должна отчитываться перед вами?

НАРГИЗ. Тогда давайте познакомимся. Меня зовут Наргиз.

ГЮНЕЛЬ. А меня Гюнель.

НАРГИЗ. Очень рада.

ГЮНЕЛЬ. Извините, ханым, а откуда вы пришли?

НАРГИЗ. Из строительного управления.

ГЮНЕЛЬ (*с волнением*). Как?

НАРГИЗ. Что с вами, Гюнель?

ГЮНЕЛЬ. Уходите отсюда. Мне не следует разговаривать с вами (*выбегает*).

Исмаил, Малик, Наби, Энвер и несколько сельчан с шумом и криками входят.

ИСМАИЛ (*обращаясь к Наргиз*). Кто вы такая?

НАРГИЗ. Я из строительного управления.

МАЛИК (*сельчанам*). Я узнал её. (*Наргиз.*) Вас зовут Наргиз?

НАРГИЗ. Да.

ИСМАИЛ. Я не знаю, зачем вы пришли сюда, но вас к нам привел сам Господь. Ваши люди схватили нашего Гасан-бека. Мы сейчас же пойдем к вам в управление требовать освобождения Гасан-бека. А вас задержим здесь как заложницу.

НАРГИЗ. У вас нет на это права.

ИСМАИЛ. А вы по какому праву собираетесь уничтожить наши святыни, священные места, превратить в руины очаги наших отцов и дедов? Вы безбожники! Враги Ислама! Заберите её!

НАРГИЗ (*с волнением*). Вы принимаете неверное решение. Я никуда не пойду!

ИСМАИЛ. Не пойдёте, заберём силой. Но если будете слушать нас, вас никто не тронет.

НАРГИЗ (*прижимаясь к стене дома*). Это... это безумие. Вы совершаете большую ошибку.

МАЛИК. Хватит!

НАРГИЗ. Не подходите! ...

Сельчане постепенно приближаются к Наргиз. В этот момент появляется Гасан.

ГАСАН. Что вы тут устроили шум-гам перед моим домом?

МАЛИК. Посмотрите! Нашего Гасана отпустили!

ИСМАИЛ. Гасан, вас действительно отпустили? А мы пытались освободить вас.

ГАСАН. Гасан-бек не в таком положении, чтоб вы его освобождали. Что вы хотите от этой женщины?

ИСМАИЛ. Она работает на строительстве. Мы хотели взять её в заложницы.

ГАСАН. Ни у одного из вас нет и малости мозгов. Расходитесь, идите по домам! (*Люди расходятся.*) Они вас не обидели, ханым?

НАРГИЗ. Немного нагрубили.

ГАСАН. Простите их, тёмный народ.

НАРГИЗ. А вы?..

ГАСАН (*внимательно посмотрев на неё*). Вы не сможете меня понять. Я преданный своей вере человек. Скажите мне, зачем вам нужен этот трубопровод?

НАРГИЗ. Этот трубопровод не только наш, он принадлежит всем, всему Азербайджану.

ГАСАН. Нам он не нужен. И вы нам не нужны, потому что вы безбожники. Вы не верите ни в религию, ни в Бога. Хотите разрушить наши святыни и места поклонения. Поэтому мы разгромили ваш офис. Этим мы выразили свой протест.

НАРГИЗ. Вы хоть осознаёте, что вы делаете? Это не метод протеста, Гасан-бек, это беззаконие, преступление. А что касается нас, мы не безбожники. Бог вначале создал человека из земли, затем оживил, дав ему душу, наделив глазами, для зрения, и ушами, для слуха, и сердцем, чтоб чувствовать. Так написано в седьмом, восьмом и девятом аятах 32-й суры Корана. Гасан-бек, где ваши глаза? Где ваше сердце? Разве вы не видите, как люди радеют за строительство, как работают? Ведь это строительство так важно для хорошей жизни, счастливого будущего нашего народа. Я вижу и ваше житьё. Вы без работы, но не хотите устроиться на работу к нам на строительство. Почему вы отделяете себя от людей, от народа? ...

ГАСАН. Кто даст мне работу на строительстве?

НАРГИЗ. А что вы умеете?

ГАСАН. В своё время у меня была своя машина. Она даже успешно участвовала в автомобильных соревнованиях. У вас не найдётся хотя бы какой-нибудь старой машины?..

НАРГИЗ. Умелым шоферам мы выдаём самые лучшие машины.

ГАСАН. Ну что ж, тогда я приду. Я в долгу перед вашим управлением. Я должен приложить все усилия, чтоб погасить этот долг.

НАРГИЗ. Я очень рада. Я поговорю с нашим начальником. До свидания. (*Уходит.*)

ГАСАН (*один*). Конечно, я остался вам должен, но это не тот долг, о котором вы думаете, Наргиз-ханым. У меня очень хорошая память. Господь никогда не оставит меня!

Шестая картина

Строительное управление. Абашидзе разговаривает по телефону с матерью.

АБАШИДЗЕ. Почему ты не хочешь меня понять, мама? Наташа меня очень любит, как и я её... О чём ты говоришь? Эта девушка сущий ангел, мама! Она понравится тебе... Слышишь? Мама?... Дядя Вахтанг, а ты откуда взялся?.. Что вы кричите?.. (*Входит Зейналов, молча наблюдает за Гогия.*) Но ведь вы и сами мужчина?! Мужчина должен поддерживать мужчину... Прошу вас, объясните маме, что Наташа – это моя единственная любовь. Я не женюсь ни на ком, кроме неё!.. Алло?.. (*Кладёт трубку, обращаясь к Зейналову.*) Мой дядя сказал, что мама себя плохо почувствовала. Потом отругал меня. Потом дал «отбой».

ЗЕЙНАЛОВ (*смеясь*). Разве такое важное дело решают по телефону?

АБАШИДЗЕ. Я понимаю, но вы не знаете всего: мать хочет женить меня на дочери наших соседей Софико. А я люблю только Наташу.

ЗЕЙНАЛОВ. Понимаю, но в этом деле я ничем не могу тебе помочь. Кстати, а как сама Наташа относится к тебе?

АБАШИДЗЕ. Она тоже любит меня.

ЗЕЙНАЛОВ. Она действительно очень хорошая девушка, воспитанная, порядочная. И к тому же очень хорошо готовит. Перерыв ещё не окончился. Сходи в буфет, пообедай. А у меня есть небольшое дело.

Абашидзе выходит из комнаты. Зейналов работает с документами.
Входит Билал с папкой в руках.

БИЛАЛ. Господин Зейналов, мы выполнили ваше поручение. (*Передаёт ему документы.*) Это график, а это расчеты по земляным и взрывным работам. Всё согласовано со стороной заказчика.

ЗЕЙНАЛОВ (*внимательно изучает документы*). Расчёты нас устраивают. А график работ? Мы успеем закончить в установленные сроки?

БИЛАЛ. Конечно, господин Зейналов. Можете быть в этом абсолютно уверены. Сегодня должна была подъехать дополнительная техника...

ЗЕЙНАЛОВ. Это так. Послали ещё два бульдозера и один подъёмный кран. Во второй половине дня вы можете пойти принять их.

БИЛАЛ. Вот это как раз вовремя. Теперь можно будет ускорить работу и на восьмом объекте.

ЗЕЙНАЛОВ. Верно. Если у вас нет больше вопросов, вы можете идти.

Билал выходит. Входит Наргиз с папкой в руках.

НАРГИЗ. Можно?

ЗЕЙНАЛОВ. Конечно, Наргиз-ханым.

НАРГИЗ. По вашему поручению я поговорила с Гасан-беком. Он без работы. Кто-то, обманув его, настроил против строительства. Мне кажется, что если мы возьмем его на работу на строительстве, он увидит своими глазами важность строительства трубопровода для нашего народа.

ЗЕЙНАЛОВ. А что он умеет?

НАРГИЗ (*кладёт папку на стол*). Он шофёр.

ЗЕЙНАЛОВ. Очень хорошо. Я возьму его в качестве личного шофёра.

НАРГИЗ. Ещё я хотела бы сказать, что у Гасан-бека есть дочь по имени Гюнель. Эта девушка хотела бы работать на нашем участке. Она способная девушка. В будущем она хочет получить высшее образование.

ЗЕЙНАЛОВ. Пусть работает. Мы найдём ей подходящую работу. Да, кстати, вчера вы показались мне чем-то опечаленной. Что с вами произошло?

НАРГИЗ. Как так случилось, что вы смогли это заметить? Мне казалось, что вас не интересует ничего, кроме работы.

ЗЕЙНАЛОВ. В чём-то вы правы. Но дело в том, что ваше плохое самочувствие плохо сказывается и на вашей работе. А я привык видеть вас всегда веселой и улыбающейся...

НАРГИЗ. Ясно. Если у вас всё, я пойду.

ЗЕЙНАЛОВ. Нет, не всё, Наргиз-ханым. Может, вы скажете, что с вами происходит? Я слышал, вы хотите перейти на другой участок, вернее, уходите работать к главному инженеру. Конечно, условия там лучше, чем здесь.

НАРГИЗ. Да и сама работа тоже.

ЗЕЙНАЛОВ. Вы здесь не просто переводчик, вы пользуетесь заслуженным уважением. Скажите честно, что с вами происходит?

НАРГИЗ. Ничего. Просто мне сложно работать с вами. С вашего разрешения, я пойду. (*Выходит из комнаты.*)

ЗЕЙНАЛОВ. Оказывается, со мной сложно работать.

Седьмая картина

Городок строителей. Споря, входят Наташа и Абашидзе.
Наташа отстраняется, когда Абашидзе хочет обнять её.

НАТАША. Не трогай меня!

АБАШИДЗЕ. Что с тобой, ангел мой? Какая муха тебя опять укусила?

НАТАША. Я тебе не ангел. Ты думаешь, я не вижу, как ты таешь, словно воск, когда видишь Наргиз-ханым? Начинаешь свои сладкие речи, да и с другими девушками...

АБАШИДЗЕ (*смеётся*). А что я должен делать? Я что, должен стоять, набрав в рот воды при встрече с коллегами по работе?

НАТАША. Конечно, они твои коллеги, сослуживцы, а кто я такая? Обыкновенная повариха. Я нужна тебе только для времяпрепрвождения.

АБАШИДЗЕ (*выходя из себя*). Что ты говоришь, Наташа? Поверь мне. Вот здесь у меня (*показывает на сердце.*) твоя любовь свила такое гнездо, что никакая сила его не сможет разрушить!

НАТАША. То есть, ты правда любишь меня, Гогия?

АБАШИДЗЕ. Не то слово – люблю! Я клянусь тебе как честный, искренний человек, как грузин!

НАТАША. А моя мать говорит мне, что грузинским мужчинам нельзя верить. Они хорошо поют, танцуют. Но когда доходит до женитьбы, они женятся на своих, грузинских девушках...

АБАШИДЗЕ (*вздыхая*). Я вижу, что моя будущая теща и моя мать – как родные сёстры. У обеих мозг работает в одном направлении. Ну что ж тут поделаешь. Не везет, так не везет...

НАТАША. Моя мама еще говорила, что грузинские мужчины любят развлечения и женщин. Их любимое занятие – пить вино, а затем, захмелев, петь хором.

АБАШИДЗЕ (*нервно прогуливаясь). Вот так и сказала?*

НАТАША. Да, вот так и сказала, клянусь тебе, Гогия.

АБАШИДЗЕ (*с волнением*). Значит, пить вино и петь!.. Проклятье дьяволу! И что же в этом плохого? Пусть радуется, что ее дочь ожидает такая радостная жизнь. Там, где звучат песни, всегда правят хорошее настроение и любовь!

НАТАША. Вот и я сказала ей то же самое.

АБАШИДЗЕ (*обнимая её за плечи*). Придет день, когда моя теща полюбит меня. Будет везде хвалить меня и говорить, что ее зять лучше всех! Он настоящий мужчина, настоящий грузин. Поверь, что этот день не за горами, Наташа...

НАТАША. Я так хочу верить в это.

АБАШИДЗЕ. Верь, дорогая!

Наташа кладет голову ему на грудь. Звучит лирическая грузинская мелодия… Свет гаснет.

Восьмая картина

Освещаются скалы, кустарники и каменистый ландшафт. Гасан и Алекс.

АЛЕКС. Были времена, когда у Гасан-бека была своя персональная машина, свой персональный шофёр. А теперь он сам шоферит. Я знаю, почему ты работаешь у Зейналова. Ты хочешь отомстить ему, но не знаешь, как это сделать.

ГАСАН. Не вмешивайся в мои дела!

АЛЕКС. Я хочу, чтоб ты знал, что если ты послушаешь совета друзей, всё можно будет сделать с умом. Например, возьмём Эльчина. Он слушал и выполнял советы и поэтому разбогател, скоро построит себе дом, купит собственную машину. Сам подумай, кто такой Эльчин? По сравнению с Гасан-беком никто...

ГАСАН. Слушай меня, ты степная змея! Ты превратил Эльчина в отступника и продажного человека, соблазнив его, ты лишил его достоинства, собственного **я**. Со мной у тебя этого не выйдет!

АЛЕКС. Я не хочу играть в игры. Игру должен начать ты, причём со своим шефом. Автокатастрофа была бы самым подходящим вариантом. Есть только один момент: сам водитель должен остаться в живых. У тебя есть опыт в этом деле. Тебе нужно много денег, не так ли?

ГАСАН. Ты меня не учи уму-разуму. Я сам прекрасно знаю, что мне нужно делать, держись от меня подальше! (*Выходит рассерженным.*)

АЛЕКС. Кажется, рыбка сама потихоньку заплывает в сеть.

Девятая картина

Строительное управление. Кабинет Зейналова... Зейналов и Раджабов.

ЗЕЙНАЛОВ. В последнее время у нас происходят некоторые неприятные события. Эпизодически имеют место случаи намеренного вывода из строя техники.

РАДЖАБОВ. Потому что в отношении преступников вовремя не были приняты соответствующие меры. Когда мы хотели привлечь к ответственности тех, кто участвовал в погроме офиса, вы не дали на это своего согласия. По-моему, в такой благотворительности не было необходимости. Они не из тех, кто ценит доброту.

ЗЕЙНАЛОВ. Но откуда вы можете знать, какие это люди?

РАДЖАБОВ. Следуя логике! Из своего жизненного опыта!..

ЗЕЙНАЛОВ. Господин Раджабов, мы считаем, что (*показывая на карте.*) находящиеся на этих участках религиозные памятники сносить нельзя. Напротив, их нужно охранять, восстанавливать. Ну, а трубопровод должен пройти обходными путями, лежащими на значительном удалении от участков с этими памятниками.

РАДЖАБОВ. Но ведь эти памятники, господин Зейналов, не имеют никакой исторической ценности. К тому же, вы хорошо знаете: для того, чтобы провести трубопровод в указанном вами направлении, обходными путями – через эти скалы и овраги, – потребуются большие финансовые затраты на дополнительную рабочую силу и технику.

ЗЕЙНАЛОВ (*достаёт из ящика несколько документов и передаёт ему*). Пожалуйста, а вот вам и мнения самых известных учёных, археологов. Из этих документов ясно видно, что эти памятники имеют очень большую историческую ценность. И не забывайте, что наряду со спасением религиозно-культурных монументов, мы этим полностью изменим отношение местного населения к трубопроводу, к правительству.

РАДЖАБОВ. Я обязательно передам эти документы господину Президенту. Можете быть в этом уверены. Президент делает все возможное для этого строительства. Он держит строительство трубопровода под своим личным контролем.

ЗЕЙНАЛОВ. Я знаю.

РАДЖАБОВ. Я займусь подготовкой отчёта для главы государства. До свидания, господин Зейналов.

ЗЕЙНАЛОВ. До свидания.

Десятая картина

Камни и скалы освещаются детально.
Алекс и майор полиции Шакир разговаривают в уединенном закоулке.

ШАКИР. Мы перекрыли дорогу собравшейся толпе. Люди были очень разгневаны. Полиция уже приготовилась к столкновениям. Потом вдруг они начали совещаться между собой, а затем спокойно разошлись (*Со злостью сплёвывает на землю.*) Жаль, что...

АЛЕКС. Чего вам жаль? Вам следовало открыть огонь! Огонь!

ШАКИР. Но ведь не было причины, шеф.

АЛЕКС. Вы сами должны найти причину! Не забывайте, что наше основное дело не заканчивается созданием препятствий строительству, мы должны также создать внутреннее напряжение в стране, а затем поднять в стране восстание, мятеж. Одним словом, мы должны создать благоприятные условия для смещения правительства. И не забывайте, что строительство этого трубопровода создало для нас возможность использовать в своих целях недовольство людей. Вы же не можете использовать эту возможность. Вы не оправдываете оказанного вам доверия. Полученные вами деньги гораздо больше проделанной вами работы.

ШАКИР. Я готов выполнить всё, что вы скажете. Люди выступают против строительства. Уже в эту субботу в нашем районном центре ожидается большой митинг и демонстрации. Там также будет много прибывших туда из соседних районов. Этих фанатиков возглавляет сам Исмаил-бек. Он поклялся, что не допустит завершения строительства. В этих делах немало и моего труда, шеф.

АЛЕКС. В таком случае, какие еще нужны причины? Для охраны общественного порядка вы должны открыть огонь по мятежникам! Понимаешь?! Огонь! Причём без предупреждения!

ШАКИР. Понятно, шеф. Можете положиться на меня. Уже в эту субботу полиция откроет огонь по людям. А причиной станет то, что мятежники напали на полицейских.

АЛЕКС. Вот это другое дело. Удачи тебе.

Одинадцатая картина

Освещаются скалы, камни и кустарник.
Разговаривая, входят Махмуд, Малик, Энвер и Наби.

МАХМУД (*осматриваясь вокруг*). Кажется, мы очень отдалились от поселка. Что, Исмаил-бек живет в такой дали?

НАБИ. У Исмаил-бека бывает так много дел, что он очень устаёт. Поэтому он иногда выезжает на природу, чтобы отдохнуть. Свежий воздух, щебечут птички…

ЭНВЕР. Причем, как щебечут! Вам доставит удовольствие, дядя Махмуд.

МАХМУД. Наверное, я вернусь до пяти часов. Население деревни проводит собрание. Меня избрали председателем собрания. Люди из соседних поселений тоже соберутся там. Приедут корреспонденты из газет и с телевидения. Одним словом, это будет очень важное собрание.

МАЛИК. Мы знаем, дядя Махмуд. Вот как раз по этому вопросу вы и должны увидется с Исмаил-беком. Это будет настоящий мужской разговор.

ЭНВЕР. Ну и жара. (*Протягивает бутылку воды Махмуду.*) Попейте, немного остудитесь.

МАХМУД. Спасибо. На войне я выдерживал жару похлеще этой, сынок. Что-то я не вижу Исмаил-бека.

В это время слышится звук остановившейся неподалёку машины.
На сцене появляется Исмаил-бек.

ИСМАИЛ (*снимает очки, внимательно осматривает Махмуда*). Так-так, понятно! Я именно так и представлял вас себе. (*Здоровается с ним.*) Махмуд-бек, может, сначала пообедаем в кафе, здесь, неподалёку?

МАХМУД. Спасибо. У меня очень мало времени. Меня ждут в деревне.

ИСМАИЛ (*с фальшивой улыбкой*). Сразу видно, что вы деловой человек, вы умеете ценить время. Тогда отойдемте в сторону и поговорим одни, без свидетелей.

Исмаил с Махмудом идут в сторону кустов.

МАХМУД. Вы никогда не доверяете своим близким людям?

ИСМАИЛ. В наше время нельзя доверять никому, даже близким друзьям, родственникам…

МАХМУД. Но как же можно жить без доверия, Исмаил-бек?

ИСМАИЛ. Мы в наших делах должны быть ответственными и осторожными. Особенно, если за эти дела платят хорошие деньги.

МАХМУД. На что вы намекаете? Говорите открыто, что вам от меня нужно?

ИСМАИЛ. Махмуд-бек, мы хорошо знаем, что в этой деревне, да и во всём районе, вы пользуетесь большим уважением. Все считаются с вами. Я хотел бы знать, каково ваше отношение к строительству нефтепровода?

МАХМУД. Очень хорошее. Это строительство – счастливое будущее нашего народа!

ИСМАИЛ (*злясь*). Я с вами категорически не согласен! Вы умный человек. Разве вы не видите, что вас обманывают? Вас заставят покинуть очаги ваших отцов и дедов. К тому же они хотят разрушить наши священные места, храмы и молельни. Люди в посёлках и деревнях поднимаются на ноги. В субботу все выходят на демонстрацию против этого строительства! Мы хотим, чтоб и вы, как аксакал, патриот, ветеран войны, подняли людей вашей деревни выступить против строительства.

МАХМУД (*с иронией*). Странно. Но почему вы обратились именно ко мне, когда у вас достаточно доверенных и надежных помошников?

ИСМАИЛ. Дело в том, что в ваших местах меня пока не так хорошо знают. Поэтому заниматься этим у вас мне сложно. А вам люди доверяют. Одним вашим словом вы, если захотите, сможете поднять народ на демонстрацию против строительства. Одним словом, если вы присоединитесь к нам, демонстрация будет более значительной. Еще вы должны знать, что если вы примкнете к нам, то сможете получит всё, что желаете. Мы знаем, что сейчас ваша семья живет в нужде. Особенно после смерти вашего сына. Мы готовы заплатить вам сколько вы скажете! (*С угрозой.*) Но если вы откажетесь от нашего предложения…

МАХМУД. Вы что, мне угрожаете? Я на войне прошел через такое, что ваши угрозы перед этим ничто. Я вас не боюсь! Я никогда не шел против своей совести! И теперь не собираюсь этого делать! (*Уходит.*)

ИСМАИЛ (*гневно*). Махмуд! Ты же не хочешь, чтоб всю твою семью порезали, изрубив на куски, побросали на дно оврага? На корм дикому зверью!

МАХМУД (*резко поворачивается*). Что ты сказал? Повтори!

ИСМАИЛ. Если ты не выполнишь наших условий, весь твой род будет уничтожен. Богатство или беда! Выбирай сам!

МАХМУД (*крепко схватив его за шиворот*). Ах ты, мерзавец! Хочешь купить меня? На войне таких фашистов, как ты, я давил танком! А ты хочешь моими руками помешать этому грандиозному строительству? Хочешь унизить в глазах народа наше правителство и уважаемого Президента? Ты никогда этого не увидишь! (*Сильно встряхивает Исмаила. Энвер, Наби, Малик подходят.*)

ИСМАИЛ. Остановитесь! Пока не надо! (*Махмуду.*) Ты, кажется, меня неправильно понял, друг мой.

МАХМУД. Я тебе не друг и никогда им не был. Я хорошо знаю таких, как ты! С виду вы все храбрецы, а внутри трусы! Предателей, вроде вас, надо уничтожать на корню! (*Начинает удаляться по тропе.*)

МАЛИК. Исмаил-бек, его нельзя отпускать! Он всех нас выдаст.

НАБИ. Я хорошо знаю этого старого шакала. Если он сказал нам «нет», значит, молчать он не будет.

ИСМАИЛ. Я знаю! Поэтому он не должен дойти до дома!

МАЛИК. Понятно, Исмаил-бек! (*Достав пистолет, стреляет, Махмуд падает на землю.)*

ИСМАИЛ. Вот так тебе, сдохни, как собака! Мы всё равно любой ценой добьёмся нашей цели! Этот проклятый нефтепровод не будет построен!

З А Н А В Е С

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Первая картина

Полицейское управление. Начальник Зохрабов проводит собрание. Заместитель начальника Шакир выступает в самодовольной манере.

ШАКИР. Господин полковник, во многих посёлках и деревнях, находящихся в центре нашего района, имеют место беспорядки. Народ не хочет разрушения святынь и мест поклонения. Поэтому они выступают против строительства нефтепровода и правительства. Ими руководит человек по имени Исмаил-бек. Он призывает народ на организованную им самим в эту субботу в районном центре беспрерывную демонстрацию. Но мы уже напали на их след. Мы идём по горячим следам. Таким образом можно сказать, что предпринятые нами в последние дни меры действительно заслуживают одобрения.

ЗОХРАБОВ. Вы произнесли эту помпезную речь в такой самодовольной манере, что я даже не знаю, что и сказать. Выходит, что наши дела находятся на очень высоком уровне. Остаётся только нас всех представить к наградам. Но ведь всё обстоит совсем не так, как вы об этом говорите. Кто такой этот Исмаил? Вам это известно? (*Шакир молчит.*) Неизвестно… а известно ли вам, что пропал аксакал посёлка, ветеран войны Махмуд Мамедов?

ШАКИР (*растерянно*). Никак нет!.. Так точно!..

ЗОХРАБОВ. И всё-таки да или нет?

ШАКИР (*взяв себя в руки*). Может быть, старик отправился в гости к родственникам в соседнюю деревню. Наверно, он не сказал своим домочадцам о том, что отправляется в гости. Да и потом, что может с ним случиться, кому нужен старый ветеран?

ЗОХРАБОВ. Я вижу, у вас недостаточно сведений о Махмуд-беке, господин майор. Вы ведь должны были знать, что Махмуд-бек является одним из самых авторитетных, достойных людей в районе. Он принимает участие во всех мероприятиях государственного значения. К тому же вы должны бы знать, что готовилось важное собрание, касающееся строительства трубопровода в той зоне. Махмуд Мамедов собирался выступить там, призывая народ к единству, к тому, чтоб люди не поддавались коварной пропаганде чуждых и предательских элементов. Он должен был говорить о значимости трубопровода для нашего народа. Вы можете садиться, господин майор! (*Шакир сконфуженно садится. Зохрабов поворачивается к Гудрету.*). Капитан! (*Гудрет вскакивает.*) А что вы можете сказать по этому поводу?

ГУДРЕТ. Господин полковник, по нашим сведениям последний раз Махмуд-бека видели в компании трёх мужчин. Они сели в джип и поехали к скалам.

Шакир, услышав эти слова, начинает нервничать.

ЗОХРАБОВ. Ясно. Капитан, вы должны отыскать Махмуд бека, причем срочно! Мы должны знать, в чём причина его исчезновения, что с ним произошло?

ГУДРЕТ. Слушаюсь, господин полковник!

ЗОХРАБОВ. У кого есть какие-либо вопросы? (*Все молчат.*) Тогда на этом наше сегодняшнее собрание закончено. (*Все выходят. Зохрабов один, куря сигарету.*) Значит, руководит этими делами Исмаил-бек... Само собой разумеется, один человек не может заниматься такими делами. У него должно быть достаточно помощников, подручных, как и руководство, перед которым он периодически отчитывается... основная задача этих преступников – любой ценой создать напряженность во внутренней обстановке в стране, насаждать террор и диверсии, расшатать имеющееся доверие народа к руководству страны. (*Изучает, перелистывая, некоторые документы. Вдруг концентрирует внимание на одном из документов.*) Но если копнуть глубже, конец веревочки тянется к зарубежным источникам... а вот и имя одного из них, Алекс… Алекс... это тот переводчик, которого я видел вчера на пресс-конференции... может, под маской переводчика прячется совсем другой человек?... Что ж, господин Алекс. Очень скоро мы узнаем, кто вы такой. Значит так (*По селектору*). Срочно подготовьте мне досье с информацией об Алексе и Исмаил-беке!

Вторая картина

Строительное управление. Освещается кабинет Зейналова. Зейналов и Билал.

БИЛАЛ. Честно говоря, я поражаюсь вам, шеф. Нельзя же до такой степени приносить себя в жертву работе. Подумайте немного и о себе. Эх, все равно никто нам памятника не поставит.

ЗЕЙНАЛОВ. Пойми, Билал, самым большим памятником для нас, самой большой наградой будет успешное завершение строительства трубопровода. Мы должны направить все наши силы, всё наше умение на выполнение этой почетной работы.

БИЛАЛ. Это так. Но положение сейчас изменилось, в деревнях, посёлках, даже в районных центрах происходят волнения. Всё это уже начало распространяться и в Баку. Люди выступают против строительства. Потому что они не хотят разрушения религиозных святынь. По правде, я не верю что в полной проблем, сложной ситуации будет возможно успешно завершить это строительство.

ЗЕЙНАЛОВ (*взволнованно вставая*). Что ты такое говоришь, Билал?! Я не верю своим ушам! Меня поражает то, что я слышу эти слова от такого образованного, повидавшего мир человека, как ты! (*Подходит, сверля его взглядом.*) Я вижу, твоя память изменяет тебе, Билал!... Вспомни события, происходившие у нас до лета 1993-го года... повсюду волнения, хаос и неразбериха, бандитизм. С одной стороны, агрессия армянских вооруженных сил против нашей страны, с другой – конфликты внутри страны, попытки сепаратизма, столкновения различных вооруженных формирований с целью захвата власти, экономический кризис, безработица, неуверенность в завтрашнем дне создали в республике очень тяжелое, невыносимое положение. Угроза гражданской войны нависла над нами. Азербайджан был очень близко к опасности раскола, уничтожения, исчезновения с карты мира... Ты помнишь?...

БИЛАЛ (*осторожно*). Конечно... Разве можно все это забыть?

ЗЕЙНАЛОВ. И вот в такой ситуации наш Президент, по просьбе и требованию народа, вновь пришел к руководству страной. Он использовал свой большой политический опыт и мудрость и в кратчайшие сроки возродил стабильность и порядок в стране. Предотвратил гражданскую войну, расформировал вооруженные формирования, бросающие вызов нашей государственности. Остановил войну, не дал растащить родину на куски, попасть в руки врага. Спас Азербайджан от угрозы исчезновения, превратил его в свободное, независимое государство. Этим самым наш Президент успешно реализовал свою великую миссию спасителя. (*Уверенно.*) А относительно вопросов, касающихся религиозных святынь, я уверен, что и они обязательно найдут своё решение. Потому что строительство трубопровода находится под личным контролем Президента страны! Наш Президент неоднократно говорил: «Баку-Тбилиси-Джейхан будет построен, Баку-Тбилиси-Джейхан состоится, Баку-Тбилиси-Джейхан победит!»...

БИЛАЛ (*несколько растерянно*). Конечно, будет построен... Должен быть построен... Мы все... должны трудиться для этого.

ЗЕЙНАЛОВ. Причем с полной ответственностью! На совесть!...

БИЛАЛ. Все понятно, господин Зейналов... Мне всё понятно...

ЗЕЙНАЛОВ. А теперь ты можешь заняться выполнением моих поручений.

БИЛАЛ (*в сторону*). Ты занимайся своим делом, а я займусь своим (*Выходит.*)

Звонит телефон.

ЗЕЙНАЛОВ (*поднимает трубку*). Нет, ради такой мелочи нельзя останавливать работу... Как?... Хорошо, в конце дня я приеду на ваш объект и решу этот вопрос на месте.

Кладёт трубку. Заходит Наргиз с подносом в руках.

НАРГИЗ. Можно, господин Зейналов?

ЗЕЙНАЛОВ. Зачем же вы утруждаете себя, столовая совсем недалеко.

НАРГИЗ. Мне нетрудно. Это всего лишь праздничные сладости. Говорят, я умею хорошо печь шекербуру и пахлаву. И мне очень хочется, чтобы вы сами оценили это.

ЗЕЙНАЛОВ. Я не узнаю вас, Наргиз.

НАРГИЗ. Очень жаль, что вы до сих пор не знаете меня.

ЗЕЙНАЛОВ. Нет, вы меня неправильно поняли. Я очень хорошо знаю вас. Мне очень приятно работать вместе с вами. Вы очень способный сотрудник. Но иногда и у вас бывают сбои.

НАРГИЗ. Вы несправедливы. Я не виновата в этом.

ЗЕЙНАЛОВ (*с аппетитом ест пахлаву, шекербуру, пьёт чай*). Но кто же тогда виноват? Может, кто-то из наших сотрудников обидел вас? Если есть такой человек, скажите, он будет наказан.

НАРГИЗ. Его никто не сможет наказать. Это недосягаемый человек. Он ничего не видит, ничего не чувствует. У него нет сердца.

ЗЕЙНАЛОВ. Я не согласен с вашими словами. У каждого человека есть сердце. Просто нужно найти к нему путь и постучать в его дверь.

НАРГИЗ. Правда? Вы считаете, тогда он меня услышит?

ЗЕЙНАЛОВ. Обязательно. Я могу только сказать, что человеку, которого вы любите, можно позавидовать.

НАРГИЗ. Что вы сказали?

ЗЕЙНАЛОВ (*несколько растерянно*). Я хотел сказать, что и пахлава, и шекербура очень вкусные... Большое спасибо.

НАРГИЗ (*с грустью*). Не за что. Кстати, сегодня в конце рабочего дня ожидается встреча с иностранными журналистами. Если я не ошибаюсь, я понадоблюсь вам.

ЗЕЙНАЛОВ. Да, это так. Хорошо, что вы мне об этом напомнили.

НАРГИЗ (*в сторону*). Эх, господин Зейналов, если б вы знали, как много в вашей жизни вы не замечаете! (*Выходит.*)

ЗЕЙНАЛОВ. Я не могу понять, почему Наргиз то бывает очень внимательной и доброй, а то вдруг становится очень придирчивой и раздражительной? А может… Нет, нет, что за глупые мысли? Где Наргиз, где я?

Радостно входит Раджабов.

ЗЕЙНАЛОВ. Господин Раджабов, рад вас видеть!

РАДЖАБОВ. Спасибо, взаимно. У меня для вас радостная весть. Вообще эта радостная весть касается всех.

ЗЕЙНАЛОВ. И что это за весть?

РАДЖАБОВ. Президент решил наш вопрос положительно. Представляете, несмотря на очень плотный рабочий график, он сам занялся этим вопросом. Собрав всех известных ученых, инженеров-реставраторов, археологов и других специалистов республики, он основательно изучил проблему, проанализировал её, и в результате было принято положительное решение.

ЗЕЙНАЛОВ. Господин Раджабов, что вы имеете в виду, говоря – положительное?

РАДЖАБОВ (*гордо*). Принято решение, что местные святыни и места поклонения будут признаны историко-архитектурными памятниками. И в срочном порядке отреставрированы.

ЗЕЙНАЛОВ. А трубопровод?

РАДЖАБОВ. Ну, а трубопровод пройдет предложенным обходным путём, не затрагивая памятники. Для этих работ выделены дополнительные средства.

ЗЕЙНАЛОВ. Если бы вы только знали, как вы меня обрадовали. Восстановление религиозных святынь и возвращение их к жизни – это святое дело. Хорошо, ну а когда мы можем начать эти работы?

РАДЖАБОВ. В любое время.

Третья картина

Освещается каменистая местность, скалы и кустарники. Эльчин с Гюнель.

ЭЛЬЧИН. Я хочу, чтоб ты правильно поняла меня, Гюнель. Все это я сделал ради нашего будущего счастья.

ГЮНЕЛЬ. Ты думаешь, что на эти грязные и неправедные деньги можно построить счастливое будущее? Ты очень изменился, Эльчин. Ты уже не тот искренний человек, которого я знала. Ведь у нас были прекрасные мечты. Я всегда верила тебе.

ЭЛЬЧИН. И сейчас должна верить. Я всегда хотел, чтобы мы жили в достатке, как другие. Чтоб у нас был свой дом со всем необходимым. Видишь? (*Достаёт из кармана и показывает много денег, затем опять кладёт их в карман.*) Теперь мы богаты, Гюнель. (*Хочет обнять Гюнель.*)

ГЮНЕЛЬ (*отстраняется*). Твои карманы полны денег, но я не слышу стука твоего сердца. Потому что меж нами встали эти неправедные деньги.

ЭЛЬЧИН. Гюнель, я хочу, чтоб ты знала, что без тебя ни эти деньги, ни эта жизнь мне ни к чему.

ГЮНЕЛЬ. Ты обманулся, Эльчин... Не забывай, что строящийся трубопровод – это счастливое будущее нашего народа. Работая здесь, мы сможем зарабатывать достаточно денег своим праведным трудом. Мы сможем добиться всего в жизни. Но пока ты не очистишь свою совесть, ты не увидишь меня. Прощай, Эльчин!

Хочет уйти, но Эльчин преграждает ей путь.

ЭЛЬЧИН. Не уходи, Гюнель, я действительно обманулся, перепутал добро со злом, ложь с правдой. Но сейчас я не тот человек. Больше меня нельзя купить… ты говоришь об этих деньгах? Я отнесу и швырну их в лицо тем людям, что затянули меня на кривую дорожку, я раскрою всё, что они натворили.

ГЮНЕЛЬ. Я этому не верю.

ЭЛЬЧИН. Я сделаю это! Затем я пойду в полицию и буду просить их простить меня за те грязные поступки, что я совершил.

ГЮНЕЛЬ. А ты не боишься выказывать такую отвагу?

ЭЛЬЧИН. Я устал жить в страхе.

ГЮНЕЛЬ. Я не верю тебе (*хочет уйти)!*

ЭЛЬЧИН. Я говорю правду! Не уходи! Не бросай меня!

ГЮНЕЛЬ. Если ты сделаешь то, о чем говорил мне, я вернусь к тебе, даже если буду на другом конце света.

ЭЛЬЧИН. Ты говоришь правду, Гюнель?

ГЮНЕЛЬ (*с нежностью смотря*). Конечно, дорогой мой (*уходит*).

ЭЛЬЧИН (*кричит ей вслед)*. Я люблю тебя, Гюнель!!!

Эльчин начинает радостно петь, и в этот момент входит Билал.
Чуть поодаль виднеются два полицейских.

БИЛАЛ. Эй, жених, чему ты опять радуешься? Кажется, твоя невеста ушла.

ЭЛЬЧИН. Она вернётся.

БИЛАЛ. Она дала слово? Ну, да ладно, это ваше личное дело. Перейдём к нашим делам. Хватит уже тебе отдыхать. Сейчас перед нами стоят важные задачи.

ЭЛЬЧИН. Ну и пусть. Но я закончил с вами все дела. Вот, заберите деньги! (*Бросает деньги в лицо Билалу*). Я больше не буду вашим прислужником!...

БИЛАЛ. Ах вот как… скажи, какая змея тебя ужалила?

ЭЛЬЧИН. Ты предатель собственной родины!

БИЛАЛ. Осторожнее!.. Не переходи черту!

ЭЛЬЧИН. Я потерял разум. Но сейчас рассудок вернулся ко мне *(хочет уйти).*

БИЛАЛ (*убирая деньги*). Постой!... Ты сам хорошо знаешь, что у тебя немало грехов. Ты видишь, как все оборочивается. На твою удачу, и работники полиции находятся здесь, рядом.

По знаку Билала полицейские преграждают путь Эльчину.

ЭЛЬЧИН. Уйдите с моей дороги!

Эльчин толкает их. Полицейские бросаются на него, начинается потасовка, но в итоге они ловят Эльчина и, надев на него наручники, уводят с собой..

Четвертая картина

Скалы и кустарники, входят Алекс и Билал, взволнованно разговаривая. В руках у Алекса свернутая бумага.

БИЛАЛ. Шеф, но кто же мог предположить, что Президент примет такое решение, что разрушенные святыни, места поклонения будут признаны историко-архитектурными памятниками? Уже начаты реставрационные работы. Вы бы знали, как радуются люди! Мы проиграли шеф, проиграли…

АЛЕКС (*раздражённо*). Перестань говорить глупости! (*передразнивает его*). «Проиграли! Проиграли!» Проиграть всего лишь одно сражение, еще не значит проиграть всю войну. Чего бы это ни стоило, мы должны подорвать доверие народа к главе государства. Мы должны нанести этому строительству такие сильные, такие разрушительные удары, чтобы их услышали во всём мире! Одним словом, мы должны одержать победу! Понимаешь ты, победу!!!

БИЛАЛ. Но как? Каким образом?

АЛЕКС. Для этого мы в первую очередь должны выполнить новое задание! Причем, с полной ответственностью!

БИЛАЛ. Какое задание?

АЛЕКС (*разворачивая и показывая свернутый план у себя в руках*). Смотри внимательно: вот религиозные святыни, а вот это участок строительства трубопровода. Сейчас основная рабочая сила и техника управления сосредоточена здесь. Работа кипит. Вы должны сделать так, чтобы при помощи взрывчатки заставить сдвинуться с места окружающие скалы. Чтоб образовавшийся мощный оползень разрушил и сравнял с землёй и строительный участок, и религиозные святыни! Такой возможности, таких выгодных условий больше не представится.

БИЛАЛ (*осторожно*). А что будет с работающими там людьми, шеф?

АЛЕКС (*серьёзно*). И рабочие, и техника должны остаться под осколками камней! Что мы можем поделать? Пусть обижаются на себя!

БИЛАЛ (*в страхе и волнении*). Это очень трудная и опасная операция...

АЛЕКС. Это смотря для кого! Ты же очень смелый инженер-изобретатель. У тебя большой опыт в подрывных работах.

БИЛАЛ (*всё еще растерянно*). Это так. Но как бы мы ни старались, будет невозможно скрыть следы того, что оползень вызван искусственными причинами.

АЛЕКС. Ну, а для чего нам Эльчин? (*По-дружески обнимая его за плечи.*) Не стоит беспокоится. Найдут только труп неудачливого подрывника. Выйдет так, что он плохо изучил подрывное дело и погиб по собственной неосторожности. Да, кстати, после успешного завершения этой операции денег, которые ты получишь, хватит, чтоб ты прожил оставшуюся жизнь так, как тебе угодно. Это твоё последнее задание. После него ты полностью свободен.

БИЛАЛ (*с радостным лицом, в хорошем настроении*). Вы всегда были добры ко мне! Неоднократно выручали меня! Я никогда не забуду этого! Будьте уверены, шеф! Ваше поручение будет выполнено!

АЛЕКС. У меня нет в этом никаких сомнений. (*Смотря на часы*). Время. Иди, приступай к работе. Не забывай, нам дорога каждая минута!

БИЛАЛ. Есть, шеф! (*Попрощавшись, уходит*).

АЛЕКС. Эх, Билал, Билал. Ты действительно очень способный и ответственный человек. Но, к сожалению, и тебя после выполнения этого задания нужно убрать. Ничего не поделаешь. Это специфика нашей работы. (*Достав мобильный, набирает номер*). Алло... Это я, Мистер Джонсон... у меня для вас есть очень важное, сенсационное сообщение… Есть! Еду!

Пятая картина

Освещается строительный участок. Виднеются вырытые траншеи и рвы. Входят Зейналов, Раджабов и Абашидзе.

ЗЕЙНАЛОВ (*Раджабову*). Значит, так… новая дорога, отделившись от магистрали (*показывает рукой*), будет построена в этом направлении, прямо до религиозных памятников. Мы уже начали работу на памятниках. Сейчас все они восстанавливаются.

РАДЖАБОВ. Я представляю, какая это тяжелая и ответственная работа.

ЗЕЙНАЛОВ. Да, это так. Для восстановления этих памятников мы привлекли очень опытных и высококвалифицированных мастеров.

РАДЖАБОВ. Честно говоря, меня очень радует, что вы так быстро приступили к восстановительным работам. Знали бы вы, как интересуется этими работами местная и зарубежная пресса. Телевизионные каналы хотят провести съемку прямо здесь, на месте.

ЗЕЙНАЛОВ. Пусть снимают сколько угодно. Народ должен быть информирован о проделанной работе...

В это время на сцене, весело разговаривая, появляются работающие на строительстве специалисты, рабочие и здороваются с Зейналовым, Абашидзе и Раджабовым.

АБАШИДЗЕ. Господин Зейналов, видите, как радуются люди? Они приветствуют решение нашего Президента. Начало восстановительных работ воодушевило их.

ЗЕЙНАЛОВ. Дорогие друзья! То, что вопросы, касающиеся религиозных памятников, нашли своё положительное решение, является очень радостным и приятным событием. Это является результатом постоянного внимания, оказываемого уважаемым Президентом нашему культурному наследию, священной вере и историческим архитектурным памятникам! (*Аплодисменты.*)

РАБОЧИЙ. Господин Зейналов, вы должны знать, как нас воодушевляет и радует решение Президента о религиозных памятниках... Причём, не только нас, а каждого азербайджанца – и интеллигенцию, и специалистов. Одним словом, это для нас стало настоящим праздником. Поэтому мы выражаем нашу глубокую благодарность уважаемому Президенту! (*Аплодисменты.*)

НАТАША (*выйдя немного вперед*). Господин Зейналов, разрешите, и я скажу то, что у меня на душе.

ЗЕЙНАЛОВ. Прошу вас, Наташа-ханым.

НАТАША (*собравшись с духом*). Дорогие друзья! Когда я услышала, что по указанию нашего Президента здешние мечети и святыни начали восстанавливать, то от всего сердца обрадовалась. Но я хотела бы отметить и то, что наш Президент оказывает большое внимание не только религиозным памятникам Ислама, но и имеющимся в Азербайджане церквям, синагогам, кирхе. Сегодня в Азербайджане созданы условия для функционирования привлекающих своим прекрасным видом церквей и синагог. Я с большой гордостью могу сказать, что Азербайджан является примером толерантности для всего мира. Здесь в условиях дружбы и уважения, в достатке проживают представители различных народов и национальностей… вот я, например, простая русская девушка. Родилась в Баку. Каждый раз, когда я вижу, сколько в Азербайджане издается русскоязычной прессы, сколько действует учебных заведений – средних и высших, не говоря уже о Государственном Русском Драмтеатре, и многом другом, моя душа наполняется чувством глубокой благодарности нашему государству, нашему уважаемому Президенту. Я чувствую большую гордость, что являюсь гражданкой такой страны! Я считаю себя очень счастливой! (*Аплодисменты.*)

АБАШИДЗЕ. Молодец, Наташа! Я полностью разделяю твои мысли. Наш Президент прекрасно сказал: «Чем больше, сильнее страна, чем сплоченнее народгосударство объединяет народ, тем богаче государство будет». (*Аплодисменты.*)

НАТАША. Господин Зейналов, я хотела бы задать вам один вопрос.

ЗЕЙНАЛОВ. Пожалуйста, я слушаю...

НАТАША. Я слышала, что трубопровод, который мы строим, назвали «Легендой трёх морей». Но почему? Разве это легенда?

ЗЕЙНАЛОВ. Конечно же, нет. Уважаемый Президент, выступая на конференции «Легенда трёх морей» в Стамбуле сказал: «Вы говорите здесь о легенде, но это не легенда, не мечта. Три моря – Каспийское, Черное и Средиземное – соединятся. А соединят их Турция, Грузия, Азербайджан, реализующие этот проект. День и ночь вкладывая все свои силы в развитие нашей республики для благополучной жизни нашего народа, уважаемый Президент Гейдар Алиев не только строит этот легендарный нефтепровод, но и создает новый, современный Азербайджан!

Все аплодируют. Слышится веселая, радостная музыка.
Абашидзе с Наташей танцуют в центре. В это время весело входит Наргиз.
Абашидзе и Наташа приглашают её на танец. Наргиз тоже танцует.
Явно чувствуется, что танец Наргиз предназначен Зейналову.
Очарованный Зейналов не может оторвать глаз от Наргиз…

Шестая картина

Детально освещаются камни и скалы. Шакир, гневно схватив Исмаила за шиворот, сильно трясёт его.

ШАКИР. Говори, что ты сделал с Махмудом? Где он?

ИСМАИЛ. Нам пришлось навсегда отделаться от него, господин майор. Потому что он никак не соглашался с нами. Он отказался сотрудничать с нами. А затем, болтая лишнее, он начал угрожать нам. Вот поэтому нам пришлось отправить Махмуда на тот свет.

ШАКИР (*еще больше разозлившись*). Идиот! Ты хоть знаешь, что все сельчане, полиция подняты на ноги, все заняты его поисками?

ИСМАИЛ (*в страхе*). Господин майор, сейчас будет очень сложно найти его труп среди скал и камней. Наверное, его уже съели дикие звери.

ШАКИР *(отпустив его, нервно*). Не неси чушь! Вы должны отыскать его труп и спрятать его в таком месте, чтоб от него даже и следа не осталось. Причём в срочном порядке! Возможно, наша оперативная группа будет привлечена к поискам этого старика. Молите Бога, чтоб они вас не опередили!

ИСМАИЛ. Господин майор, я всё понял…

ШАКИР. Что же ты стоишь, торопись!

ИСМАИЛ. Будет исполнено, господин майор!

Шакир широкими шагами уходит.

ИСМАИЛ. Тьфу! Этот старый пёс даже после смерти продолжает создавать мне проблемы. (*Набирает номер на мобильном телефоне.*) Алло, Малик, скорее возьми Наби и Энвера и приходите сюда. Я буду ждать вас в саду. Дело очень важное! Очень!

Седьмая картина

Эльчин на окраине развалин лежит, привязанный к столбу, поверх рук и ног он прижат к земле тяжелыми камнями. Несколько мужчин под руководством Билала бурят перфораторами шпуры (узкие отверстия) для заполнения взрывчатым веществом.

БИЛАЛ. Эх, Эльчин, Эльчин… ты хоть знаешь, что теперь произойдет? Большой взрыв и ужасный оползень… В результате весь строительный участок, а также священные памятники сравняются с землёй. И знаешь, кого обвинят во всём этом? Тебя! Только тебя! Потому что под обломками найдут твоё тело. Выйдет так, что взрыв устроил именно ты. А сам по неосторожности, так как ты недостаточно хорошо знал взрывное дело, погиб.

ЭЛЬЧИН. Как твоя совесть допустит такое ужасное бедствие?

БИЛАЛ. Совесть? О какой совести ты говоришь? Она давно уже попала в Красную книгу. То, чем живет мир сейчас, и то, что движет им – это деньги. Мы дали тебе достаточно денег, чтоб ты построил себе счастливую жизнь. Но ты оказался очень неблагодарным. Поэтому ты должен умереть! Вместе с рабочими на стройке.

ЭЛЬЧИН. Убийцы! Предатели! Ведь эти рабочие ни в чём не виноваты! Жаль, что я увидел ваше настоящее лицо слишком поздно, что не успел вовремя раскрыть ваши преступные замыслы. Это моя непростительная ошибка.

Помошники Билала насильно затыкают рот Эльчину тряпкой, пытаясь заставить замолчать.

БИЛАЛ. Не нужно. Пусть кричит, сколько угодно, и облегчит себе душу. Ему и так недолго осталось жить. А вы мне больше не нужны. Можете идти. Остальное я закончу сам.

Мужчины уходят. Билал протягивает шнур, укрепляет его. Закончив подготовительные работы, довольный, подходит к Эльчину и крепко хватает его за волосы.

БИЛАЛ (*Эльчину с отвращением*). Ну как ты, щенок?!... Готовься в последний путь. Ты отправляешься прямо в ад. Там тебя давно ждут. (*Смеётся.*)

В этот момент неожиданно появляется оперативная группа капитана Гудрета и окружает Билала. Почувствовав дуло пистолета капитана Гудрета на своём затылке, он сразу отпускает Эльчина, а сам замирает в страхе и недоумении. По знаку Гудрета на Билала надевают наручники, а Эльчина освобождают.

БИЛАЛ (*в страхе и смятении*). Я… я ни в чём не виноват… я в этом деле всего лишь исполнитель… я выполняю то, что мне приказали… и я хочу сказать… хочу объяснить, что…

ГУДРЕТ. Объяснения вы дадите следствию! Нам же и так всё известно. Мы давно наблюдаем за вашей деятельностью. (*оперативникам*) Уведите его!...

Билала уводят.

Восьмая картина

Кабинет Зейналова. Он разговаривает по телефону, сидя за столом.

ЗЕЙНАЛОВ. Хорошо, а какова ситуация на вашем объекте? Как? Что? Но чего вам не хватает? Материалы и техника у вас есть, вы всем обеспечены, остаётся только работать. Причём работать ответственно и быстро!... Прогноз погоды неблагоприятный? И что из того? Это не должно мешать нашей работе! Не забывай, что на вашем участке придорожные и земляные работы должны быть завершены вовремя, по утвержденному графику… Как? Есть нерешаемые вопросы?.. Я знаю. Именно поэтому я сегодня же обязательно приеду на ваш объект. Мы решим все вопросы прямо на месте.

Кладет трубку. Входит Наргиз.

НАРГИЗ. Здравствуйте

ЗЕЙНАЛОВ. Здравствуйте, Наргиз-ханым… извините, одну минуту. (*Достаёт мобильный и набирает номер.*) Гасан-бек, подготовь машину, скоро выезжаем… Нет, нет, какая бы ни была погода, я обязательно должен объехать объекты (*дает «отбой»*).

НАРГИЗ (*сильно взволновавшись от услышанных слов*). Вы, наверное, слышали, во второй половине дня погода резко изменится, ожидается ливень.

ЗЕЙНАЛОВ (*улыбаясь*). Ну и что? Наргиз-ханым, нам не к лицу бояться погоды. Не забывайте, что мы занимаемся очень ответственным и почётным делом. На объектах накопилось много производственных вопросов. Если я не решу их сегодня, работа может задержаться. Мы отстанем от графика. Я хочу, чтоб вы знали, что погода может измениться, но график работ никогда.

НАРГИЗ. Но ведь с погодой шутки плохи. Я… мы все будем волноваться за вас. Очень просим вас, будьте осторожны.

ЗЕЙНАЛОВ. Почему вы говорите за всех? (*увидев смущение Наргиз*). Я шучу, не обижайтесь. Наргиз-ханым, сейчас, глядя на вас, у меня появилось ощущение, что любимая девушка провожает меня в армию.

НАРГИЗ. Вы опять шутите? Как будто я для вас маленькая девочка.

ЗЕЙНАЛОВ (*нежно*). Вы очень умная и очень ответственная сотрудница. Поэтому мне очень приятно работать с вами. Ну, хватит хмуриться. Я хочу увидеть улыбку на вашем лице.

НАРГИЗ. Но в такую погоду… я всё равно буду беспокоиться.

ЗЕЙНАЛОВ. И очень напрасно! Не забывайте, что у меня есть такой опытный водитель, как Гасан-бек. Он вовремя доставит меня на нужный мне объект. Не стоит беспокоиться. (*Идет к двери*).

НАРГИЗ (*не выдержав*). Господин Зейналов, я очень прошу вас… будьте осторожны.

ЗЕЙНАЛОВ (*улыбаясь*). Я постараюсь. (*Выходит*).

НАРГИЗ. Господи, помоги ему.

Девятая картина

Освещается поселок. Появляется Шакир с «дипломатом», полным денег.

ШАКИР (*нервно*). Значит, Билала поймали. Он малодушный человек. Он выдаст нас всех. Мне нужно срочно исчезнуть!... Хорошо, а как же Саида? (*звонит по мобильному*). Алло, Саида… Меня не жди. Я не приду домой. Причину узнаешь позже. Послушай, сколько раз я тебе говорил, не суй свой нос в мои дела!... Слушай, что я скажу. Если меня будут спрашивать, скажи что мне срочно пришлось уехать в район на поминки… Что значит, кто умер? Я умер, я!... Всё, пока.

Уходит в спешке, но стоящие в засаде Муршуд и Ашраф хватают его.

МУРШУД. Господин майор, куда это вы? А как же наша плата?

АШРАФ. Ведь и нам тоже нужны деньги!...

ШАКИР (*зло*). На этот раз вам ничего не полагается. Потому что демонстрация не состоялась. Поэтому вы нам больше не нужны!

АШРАФ (*горько улыбаясь*). Но ведь мы всегда были нужны вам. Со сколькими людьми по вашему указанию мы расправлялись, скольких убрали.

ШАКИР. Я вижу, вы не в курсе, что происходит. Ни газет вы не читаете, да и телевизор не смотрите. Президент принял решение… здешние святыни, монументы, памятники не будут разрушаться. Наоборот, они будут восстанавливаться. Народ приветствует это дело. Вы понимаете? Теперь поздно говорить о демонстрациях и митингах! Поэтому наши планы провалились.

МУРШУД. Господин майор, но какое отношение эти дела имеют к нам? Нашим главой, шефом всегда были вы, что вы нам говорили, то мы и делали.

АШРАФ. Причём, по-мужски! Как положено! А вы в трудный момент хотите бросить нас, забрать деньги и сбежать?!

ШАКИР (*выходя из себя*). Что за глупости вы несете? Какие деньги? Убирайтесь отсюда по-хорошему! А то я здесь уложу вас обоих!

Ашраф с Муршудом бросаются на Шакира, пытаясь силой вырвать «дипломат» у него из рук, между ними начинается драка. Шакир, имея больше опыта и быстроты, используя специальные приёмы, нокаутирует и укладывает обоих на землю. Муршуд в страхе с трудом поднимается на ноги и исчезает. Ашраф, придя в себя, направляет пистолет на Шакира, но Шакир, опередив его, открывает огонь из своего пистолета и убивает Ашрафа. Затем, осмотревшись, убегает.

Десятая картина

Освещаются камни, скалы и кустарники. Малик, Наби и Энвер.

МАЛИК. Значит так! Начинаем поиски! (*Показывая*). Энвер, ты ищешь в этом направлении, а ты, Наби, в том направлении! Ну, а я сам в противоположном к вам направлении. Кто первым найдёт труп, сообщает остальным. Встречаемся здесь.

Все трое начинают поиски в обговоренных направлениях. Но никто из них не видит, что из укромного места среди скал за ними внимательно наблюдают прячущиеся там оперативники из группы капитана полиции Гудрета. Энвер, тихо напевая что-то вполголоса, делает несколько шагов в их сторону и, оглядевшись, видит, что находится в окружении направивших на него своё оружие оперативников.

ЭНВЕР (*трясясь от страха*). Умоляю вас, не убивайте! Я ни в чем не виноват! Я в этом деле человек маленький! Совсем маленький! Как цыплёнок…

ГУДРЕТ *(проверяет содержимое его карманов, забирает его пистолет и мобильный, передает оперативнику*). Значит, ты маленький цыплёнок? Мы это проверим! (*На Энвера надевают наручники.*)

В это время звонит мобильный телефон Гудрета.

ГУДРЕТ (*в телефонную трубку*). Так точно, господин полковник! Один из членов банды уже пойман! Сейчас ждем их главаря. Он обязательно должен появиться. Я в этом уверен, господин полковник!.. Есть, господин полковник!

Оперативная группа прячется между скалами. Наби и Малик, обыскивая местность, встречаются в одной точке сцены.

МАЛИК. Ничего не понимаю. Этот старик как будто испарился, исчез!

НАБИ. Наверно, его давным-давно съели дикие животные! Шеф зря беспокоится. Если такие опытные люди, как мы, знакомые с каждой здешней щелью, не могут найти его, то как его найдут мальчишки, работающие в полиции?

Слышится звук приехавшей на большой скорости и остановившейся неподалеку машины. Появляется Исмаил-бек.

ИСМАИЛ (*Малику*). Вы смогли найти тело?

МАЛИК. Нет, Исмаил-бек.

ИСМАИЛ. А где Энвер?

МАЛИК. Он где то здесь, Исмаил-бек. Сейчас подойдет.

ИСМАИЛ. Ребята, у нас мало времени. Надо обыскать всё, но обязательно найти тело этого ветерана! Скоро мы встретимся здесь с нашей вооруженной группой и вместе двинемся в город. Наша задача, сегодня же захватив полицейский участок, получить дополнительное оружие. Для того, чтоб начать новую операцию... (*Малику*) а может, вы вообще не убили того старика? Только ранили, и всё? Может, сейчас он в прекрасном настроении сидит и сообщает всю информацию о нас полиции?

МАЛИК. Этого не может быть, Исмаил-бек. Я уверен, что этот старик умер. Он никак не мог остаться в живых.

Слышится звук остановившейся неподалеку полицейской машины, на сцену выходит полковник полиции Зохрабов.

ИСМАИЛ (*в сторону*). Откуда взялся этот незваный гость?

ЗОХРАБОВ. Исмаил-бек, вы смогли найти Махмуда?

ИСМАИЛ (*растерянно*). О чем вы говорите, господин полковник? Я ничего не понимаю.

ЗОХРАБОВ. Ну что поделаешь, придётся вам объяснить, господин Альберт Бредли! По моему, ваше настоящее имя и фамилия именно эти, а ваша кличка – «Тысячеликий».

ИСМАИЛ (*растерянно*). Кажется, вы с кем-то путаете меня, господин полковник. Я Исмаил Заманов! У меня имеются заслуги перед родиной...

ЗОХРАБОВ. Ах ты мерзавец, о какой родине ты говоришь?!

Исмаил с Маликом пытаются убежать и скрыться,
оперативная группа Гудрета их тут же окружает.

ГУДРЕТ. Стоять! Не двигайтесь!

Малик в страхе вначале поднимает руки вверх, затем вытягивает их, чтоб на него надели наручники. Сержант-оперативник надевает на Малика наручники. Исмаил неожиданно выхватывает пистолет, направляя его на Зохрабова, но Гудрет опережает его и выстрелом ранит Исмаила.

ИСМАИЛ. Я ненавижу вас! Жаль, что я не смог вслед за этим старым псом всех вас отправить на тот свет! (*горько смеясь*). Зря стараетесь. Старика давно уже сожрали падальщики. Сейчас его душа горит в адском пламени.

ЗОХРАБОВ. Напрасно радуешся, Альберт! Наш уважаемый ветеран Махмуд-бек жив и здоров! Мы смогли вовремя спасти его!

ИСМАИЛ (*растерянно*). Не может быть! Он умер! Подох!

ЗОХРАБОВ. Он жив! Можешь быть в этом уверен!

По знаку Зохрабова на Исмаила надевают наручники. В это время слышится приближение вооруженной преступной группировки Исмаила.

ИСМАИЛ (*радуясь, громко*). Братья! Переходите в наступление! Убейте, уничтожьте их!

Начинается усиливающаяся перестрелка. Гаснет свет.

Одиннадцатая картина

Строительное управление. Наргиз диктует. Гюнель набирает на компьютере. Слышится звук усиливающегося ливня.

НАРГИЗ. Этот ливень – что-то ужасное.

ГЮНЕЛЬ. Это еще что, через некоторое время он может полить ещё сильнее.

Входят Абашидзе и Раджабов.

АБАШИДЗЕ (*Наргиз*). Двое иностранцев идут прямо в направлении нашего управления. Нужно сообщить об этом Зейналову. Вы не знаете, где он?

НАРГИЗ. Нет, не знаю.

АБАШИДЗЕ (*звонит по телефону*). Это восьмой? Керимов, это вы?... Шеф отправился к вам. Скажите ему, чтоб срочно возвращался в управление. Приехали важные гости, и господин Раджабов тоже здесь. (*Кладёт трубку*).

РАДЖАБОВ. Этот ливень не позволит ему доехать до восьмого объекта. У Зейналова машина с открытым верхом.

НАРГИЗ (*смотрит в окно*). Ветер становится всё сильней и сильней.

АБАШИДЗЕ (*по телефону*). Это пятый?... Говорит Абашидзе. Шеф у вас?... Не появлялся? (*Кладет трубку.*) На пятом объекте его тоже нет. (*Достав мобильный, набирает номер*). И мобильный тоже не отвечает. Зейналова необходимо разыскать.

РАДЖАБОВ. Где? Через пять-десять минут не будет видно не зги. Много лет здесь не было такой ужасной погоды.

АБАШИДЗЕ (*по телефону*). Это третий?... Что?... Я вас не слышу…

Входят Алекс и Джонсон.

ДЖОНСОН. Хэлло!

АЛЕКС. Мистеру Джонсону не удалось добраться до своего офиса и поэтому он просит вас разрешить ему побыть здесь, у вас, пока не закончится этот ливень.

АБАШИДЗЕ. Плиз, плиз. (*Телефонный звонок, поднимает трубку.*) Алло?... Да, да… Понятно… не имеет значения, как только он появится, сразу же звоните сюда! (*Кладёт трубку.*) Говорит, что ливень всё залил. А Зейналова нет.

АЛЕКС. Как вам известно, обязанностью мистера Джонсона является видеть, слышать, собирать сведения и доводить их до мировой общественности. Сегодня мистер Джонсон представляет одну из газет, находящихся в центре внимания всего мира. Мистер Джонсон хотел бы задать несколько вопросов о строительстве трубопровода.

АБАШИДЗЕ. Пусть задаёт.

АЛЕКС. А вы что, Зейналов?

АБАШИДЗЕ. Нет, я помощник Зейналова, инженер Абашидзе.

АЛЕКС. Мистер Джонсон очень рад знакомству с инженером Абашидзе.

Джонсон здоровается кивком головы. Звонит телефон.

АБАШИДЗЕ (*берет трубку*). Слушаю вас… Что? Он не мог поехать в другое место. Он должен быть на третьем, пятом, или восьмом объекте! Они же не будут ехать по скалам и камням. (*Кладет трубку.*) Его нигде нет! Как будто испарился. Они тоже звонят всюду, но не могут его найти!...

ГЮНЕЛЬ (*взволнованно*). Отец!

НАРГИЗ. Гасан-бек никогда не повезет Зейналова через скалы. Он хорошо знаком с этими дорогами, да и к тому же он отличный водитель.

АЛЕКС. Господа! Всему миру уже известно, что один из основных участков строительства нефтепровода на территории Азербайджана, а также находящиеся рядом с ним религиозные монументы и памятники были полностью разрушены в результате преднамеренно созданного оползня! В то же время среди рабочих, попавших под оползень, имеется много погибших и раненых! (*К Абашидзе.*) Чем вы можете объяснить этот факт?

АБАШИДЗЕ. Факт? Что это с ним? Или он «того»? (*Крутит пальцем у виска. Джонсон хохочет.*)

АЛЕКС. Мистер Джонсон высоко ценит способность азербайджанцев сохранять силу духа даже в самые тяжелые моменты. Без сомнения, общественность республики не останется безмолвной в отношении произошедшего чрезвычайного события. Само собой разумеется, что в этом положении работа на строительстве не может более продолжаться.

АБАШИДЗЕ. Ну тогда слушайте. Как только закончится дождь, вы сами всё увидите.

АЛЕКС. Господин Абашидзе, что вы предлагаете нам увидеть?

АБАШИДЗЕ. Успешно продолжающееся строительство трубопровода! Восстановительные работы, проводящиеся на религиозных монументах! Рабочих, трудящихся с большой радостью! Технику!...

Алекс смотрит в глаза Раджабову.
Раджабов кивком головы подтверждает слова Абашидзе.
Двое полицейских и еще один человек входят. Третий человек, подойдя к Раджабову, что-то шепчет ему на ухо. Раджабов с гневом и удивлением смотрит на Алекса. Алекс, почувствовав это, отталкивает полицейского и убегает.
Полицейские бегут за ним.

РАДЖАБОВ (*нервно*). Представляете, этот переводчик Алекс обвиняется в преступлениях против правительства. Причем не он один. Но всех их уже поймали. В руках у господина майора имеются основательные улики. Он прибыл, чтобы арестовать и этого.

Джонсон, встав, говорит на английском, Наргиз переводит.

НАРГИЗ. Господин Джонсон официально заявляет, что не знает этого человека и использовал его в качестве переводчика только по случайности.

Джонсон спокойно садится. Полицейские приводят Алекса.
В это время звонит телефон. Абашидзе поднимает трубку.

АБАШИДЗЕ. Алло?... Что?... Нет, Зейналова нет!... Гасан хорошо знает эти места. Он не может заблудиться. Рамиз, я уверен в том, что Зейналов вернется! Обязательно вернется!

АЛЕКС (*нервно*). Оттуда еще никто не возвращался! С того света еще никто не вернулся. Гасан дождался своего времени. Я знал это. Он давно ждал подходящего момента. Он отомстил!

ГЮНЕЛЬ. Мой отец не продажный предатель!!!

НАРГИЗ (*Алексу*). Ты лжешь, подлец! Ты бесстыдно лжешь! Он жив! Он вернется! Обязательно вернется!

АЛЕКС (*смеется Наргиз в лицо*). Не вернется! Он ушел навсегда! Навсегда!

НАРГИЗ (*схватясь за сердце, теряя сознание*). Нет! Этого не может быть! Я не смогу жить… без него…

Наргиз, теряя сознание, падает на руки подоспевших к этому моменту Абашидзе и Гюнель.

Двенадцатая картина

Полицейское управление. Кабинет Зохрабова. Он сидит за столом, просматривая документы. Входит его помощник Салимов.

САЛИМОВ. Господин полковник, задержанный по вашему указанию майор Шакир Асадов в приёмной.

ЗОХРАБОВ. Приведите!

САЛИМОВ. Есть, господин полковник!

Салимов выходит. Входит майор Шакир Асадов, сопровождаемый полицейскими.

ЗОХРАБОВ (*серьёзно*). Что вы скажете теперь, господин майор?

ШАКИР (*в смятении*). Господин полковник, я хочу, чтоб вы знали, что произошло недоразумение. Разрешите, я объясню.

ЗОХРАБОВ (*подходит к Шакиру, глядя ему в глаза, гневно*). Ты мерзкий предатель! Что ты собираешься объяснять? Как вы предавали родину и народ? Как вместе с преступниками и предателями родины собирались открыть огонь по людям и пролить кровь? Или, прокравшись в наши ряды, злоупотребляя обязанностями, пытать и убивать невинных людей?

ШАКИР (*в страхе*). Что вы такое говорите, господин полковник? Вы прежде всего должны доказать всё это, все эти тяжкие обвинения.

ЗОХРАБОВ (*перебивая его*). Доказательства есть! Более того, нам всё известно и о вашем обогащении за счет хищений народного имущества, о вашем распущенном образе жизни! Помните, что все предатели родины и убийцы вроде вас, все расхитители народного и государственного достояния рано или поздно будут выявлены и получат своё заслуженное наказание! (*Полицейским.*) Уведите его!

Шакир в страхе и волнении медленно выходит из кабинета, конвоируемый полицейскими. Зохрабов, оставшись один, подходит к телефону, поднимает трубку.

ЗОХРАБОВ. Господин министр, говорит начальник полицейского управления полковник Зохрабов. В результате проведенной нами операции выяснилось, что не имеющий никакого отношения к территории района и местному населению Исмаил-бек, вернее, Альберт Бредли по кличке «Тысячеликий», ранее совершал противозаконные действия в различных регионах нашей республики, прикрываясь религиозными лозунгами, а в итоге с целью привлечения людей к проведению митингов и демостраций против государства и строительства трубопровода, собрав вокруг себя появившихся на территории нашего района личностей, склонных к религиозному радикализму и преступности, организовал вооружённую преступную группу. С целью обезвреживания этой преступной группы была проведена специальная операция. Вся группа была задержана и будет привлечена к ответственности. С места преступления в качестве материальных улик было захвачено большое количество вооружения и амуниции. Что касается переводчика Алекса и майора Шакира Асадова, то они оба были пойманы и переданы следствию следившей за ними оперативной группой… Есть! Господин министр! Я буду с подробным докладом!.. *(Кладёт трубку. Взглянув на портрет Гейдара Алиева на стене.*) Вы воодушевили нас на героизм и самоотверженность. Мы благодарны вам, уважаемый Президент, за все достижения и успехи! Только вам! (*Подходит к переднему краю сцены, обращаясь к залу.*) Посмотрите, внимательно посмотрите на это развитие, процветание, возрождение, на происходящий во внешней политике, в международных отношениях большой, фундаментальный перелом, на этот процесс строительства светского, демократического и правового государства! Посмотрите на красоты земли нашей родины, на то, как спокойно и свободно живут в своей стране добившиеся своей независимости её граждане!

Не имеющий аналогов в мире проект Баку-Тбилиси-Джейхан является гарантом динамичного развития всех жизненно важных отраслей нашей Республики и счастливого будущего и благосостояния нашего народа. Вот гениальность Гейдара Алиева. Вот яркое будущее, лучезарное завтра Азербайджана. Да здравствует свободный и независимый Азербайджан!

Звучит героическая мелодия.

ЭПИЛОГ

С одной стороны горы, равнина, с другой стороны деревья, зелень. Отсюда открывается панорама участка трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Раджабов, Абашидзе, Наташа, Эльчин, Гюнель, репортёр и другие подходят.

АБАШИДЗЕ. Вы выбрали удачное место. Отсюда все хорошо видно.

РЕПОРТЁР (*Абашидзе*). Я знаю, что все вы строители, каковы ваши планы на будущее?

АБАШИДЗЕ. Снова строить, возводить, создавать!

РЕПОРТЁР (*Эльчину*). А у вас?

ЭЛЬЧИН. Учиться. Моя супруга Гюнель получает образование в Баку. Надо и мне учиться. Ведь нельзя, чтоб жена превзошла мужа.

Смеются. Входит Гасан и смотрит на трубопровод.

РЕПОРТЁР (*показывая на Гасана*). Кто это?

ЭЛЬЧИН. Это Гасан-бек, мой свёкор.

РЕПОРТЁР. Да, я вспомнил. Я слышал о нём. Во время строительства трубопровода он покушался на жизнь начальника участка Зейналова. Он намеренно оставил его в селевом потоке во время сильного ливня

РАДЖАБОВ. Это ложь! Клевета! Сель настиг их обоих вместе. Гасан-бек, рискуя собственной жизнью, вытащил Зейналова из сильного селя, спас его! Вот так и надо написать, так и надо комментировать тот случай.

РЕПОРТЁР. Это благородный поступок!... Да, кстати, я и вам хотел задать один вопрос.

РАДЖАБОВ. Пожалуйста, я слушаю…

РЕПОРТЁР. Господин Раджабов. По полученной мною информации, носящий имя Гейдара Алиева трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан считается самым крупным инженерным сооружением нашего времени. Его даже считают чудом XXI-го века. По-вашему, это действительно так?

РАДЖАБОВ. Я полностью согласен с этим. Но нужно обязательно отметить, что без проницательности и дальновидности нашего Великого Лидера Гейдара Алиева не было бы и трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Весь мир признает и подтверждает это. Сдача в эксплуатацию нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан является логическим результатом мудрой политики Гейдара Алиева. Сегодня эту политику с успехом продолжает уважаемый Президент Ильхам Алиев.

РЕПОРТЁР. А где Зейналов сейчас?

АБАШИДЗЕ. Он здесь, поблизости, сейчас подойдёт.

РЕПОРТЁР (*внимательно смотря на Абашидзе*). Если я не ошибаюсь, вы инженер Гогия Абашидзе.

АБАШИДЗЕ. Да, это так.

РЕПОРТЁР. Говорят, вы проявили активную деятельность в строительстве нефтепровода. Я хотел бы знать, какое у вас отношение к открытию трубопровода?

АБАШИДЗЕ. Для меня это историческое событие является большим праздником. Я испытываю чувство гордости, что я участвовал в строительстве этого грандиозного нефтепровода мирового значения. Ни для кого не секрет, что Азербайджан – это известный в мире край религиозной и национальной толерантности. Здесь в условиях мира и дружбы проживают в удобстве и достатке представители различных национальностей и народов. У меня здесь есть много друзей и родственников. Да и свою единственную любовь и счастье я нашел именно здесь, на своей родине, в Азербайджане. (*Ласково глядя на Наташу.*) Не так ли, дорогая?

НАТАША (*улыбаясь*). Да, так. Азербайджан и для меня является дорогой и любимой родиной. Я родилась здесь, здесь выросла, здесь получила любимую специальность. И здесь же я встретила желанного человека. Я очень счастлива.

РЕПОРТЁР. Я очень рад за вас.

АБАШИДЗЕ и НАТАША (*вместе*). Большое вам спасибо.

Абашидзе берет Наташу под руку. Они с любовью смотрят друг на друга. В этот момент приходят Зейналов и Наргиз. Чувствуется, что они встречаются друг с другом, что они уже пара. Все пожимают им руки, здороваясь. Репортёр быстро подходит к ним.

РЕПОРТЁР (*Зейналову*). Господин Зейналов, мы хотели бы знать, какие чувства вы сейчас испытываете?

ЗЕЙНАЛОВ. Чувства счастья и радости. Грандиозное детище Президента Гейдара Алиева – нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан действует. Страна процветает. Дело Гейдара Алиева успешно продолжает нынешний Президент Азербайджана Ильхам Алиев. Вместе со своей супругой – послом доброй воли ИСЕСКО и ЮНЕСКО, президентом фонда Гейдара Алиева Мехрибан ханым Алиевой он день и ночь без устали трудится ради укрепления экономической мощи и международного авторитета нашей Республики и для усиления материального благосостояния и счастливого будущего нашего народа.

Показываются документальные кадры выступления Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева.

ИЛЬХАМ АЛИЕВ. Сегодня наше независимое государство проживает своё самое успешное время. В своей многовековой истории Азербайджан никогда не был так силён, как сейчас… Азербайджанский народ живёт как свободный, гордый, верный своим национальным ценностям народ… Сегодня мировому сообществу очевидно, насколько верно регулируются в Азербайджане межконфессиональные и межкультурные отношения. Азербайджан является страной, пользующейся большим уважением, авторитетом и доверием в мире… Мы и в будущем будем плодотворно трудится для развития нашей страны и роста благосостояния народа, и останемся верными политике великого лидера Гейдара Алиева. Государственная независимость Азербайджана – это наше самое большое достояние, самое великое счастье… Наш путь – это путь истины, развития, прогресса. Я желаю гражданам Азербайджана больших побед на этом пути!

ГОЛОС. Выдающееся произведение Общенационального лидера нашего народа Гейдара Алиева – независимая Азербайджанская Республика, ведущая толерантный мультикультуральный образ жизни, с каждым днем развивающаяся всё быстрее и сильнее – покорит самые высокие вершины в международном сообществе, взовьётся вверх! Азербайджан взойдёт, как солнце, в этом мире!

Звучит патриотическая мелодия

З А Н А В Е С

ВИЛАЯТ ГУЛИЕВ

ХАЛИЛ МУСАЕВ – ХУДОЖНИК «МОЛЛЫ НАСРЕДДИНА»

Журнал «Молла Насреддин», в апреле 1906 года произведший эффект разорвавшейся бомбы в сонном азербайджанском (да и в целом мусульманском!) обществе столетней давности, отличался не только новизной содержания, ясностью языка и стиля, нацеленностью критики, но и привлекательностью, полной неожиданностью, неповторимостью формы. Читатели получили возможность увидеть уродливые типы и события, представленные на страницах этого печатного издания в карикатурном виде. Массы, в большинстве своем неграмотные, воспитывались именно этими карикатурами, посредством которых раскрывались скрытые смыслы «Моллы Насреддина» и определялся адресат его общественного порицания.

Фельетоны Джалила Мамедгулузаде и Омара Фаика Неманзаде, острые сатиры Сабира и Али Назми оживали в ярких рисунках Оскара Шмерлинга, Иосифа Роттера и Азима Азимзаде. Среди авторов карикатур, печатавшихся в 1912-1913 гг., встречается и мало кому известное имя Халила Мусаева.

В наши дни, когда «всемирная паутина» открывает возможности для поиска и уточнения даже самых малоизвестных фактов, событий, имен и т.д., хотелось бы привнести некоторую ясность в описание личности и творческой судьбы художника-молланасреддинца Халила Мусаева.

Эти с первого взгляда сугубо азербайджанские имя и фамилия несколько раз упоминаются известным исследователем азербайджанской печати начала XX века Гуламом Мамедли в его книге «Летопись Моллы Насреддина (Джалила Мамедкулизаде)». Говорится, если не ошибаюсь, даже о том, что журнал в свое время поместил заметку об отправлении своего внештатного художника в Европу (Париж) для продолжения учебы в Академии Художеств.

Художественный альманах «Гобустан», который еще в советское время, несмотря на запреты коммунистической идеологии, освещал многие забытые имена и неизвестные страницы истории нашей культуры, в 3-м номере за 1978 г. поместил небольшую заметку о вышеназванном художнике вместе с репродукциями его картин. Автором была искусствовед Мая Багирова. В статье, не опиравшейся на конкретные факты, встречаются и ошибочные сведения об учебе Халила Мусаева в Париже, о его путешествии в Италию и т.д. Следует, однако, учитывать, что это первое, в целом, положительное упоминание с объективной оценкой в официальной печати о художнике-эмигранте появилось в те годы, когда имя Халила Мусаева вовсе было под запретом. На исторической родине – в Дагестане – Расул Гамзатов как-то даже вскользь обвинил его в отсутствии патриотических чувств и незнании родного языка, назвав «блудным сыном горной страны». Позднее, спустя 15 лет после первой публикации о Халиле Мусаеве в альманахе «Гобустан», известный аварский поэт в книге «Конституция горца» исправил свою ошибку и выступил как пламенный популяризатор жизни и трудов своего знаменитого сородича…

Как видно, и «Гобустан», и исследователи истории азербайджанского изобразительного искусства, в том числе жанра карикатуры, писали о Халиле Мусаеве как о нашем соотечественнике, как о представителе национальной школы живописи. Но это утверждение не подкреплялось конкретными фактами. Не рассматривались отдельные страницы биографии художника, его так успешно начатая профессиональ-

ная деятельность, дальнейшая личная и творческая судьба. Одним словом, оставалось неизвестным, чем завершился путь, начавшийся с «Моллы Насреддина».

На след Халила Мусаева (история азербайджанской живописи начала прошлого века не изобилует именами, поэтому нетрудно было запомнить это имя) я вновь наткнулся в период работы в Польше, в Варшаве, листая пожелтевшие подшивки эмигрантского журнала, печатного органа Народной Партии Горцев – «Kafkasya daqlilari – Горцы Кавказа» за 1933 год. В 43-ом номере была помещена статья о художнике, его фотография и две репродукции из последних работ. Сообщалось, что в настоящее время он живет в Берлине, пользуется большой популярностью среди мастеров кисти Германии, поддерживает тесные отношения с сородичами-эмигрантами. Стало известно также, что дагестанский художник давно не зовется Халилом Мусаевым. В Берлине он прославился как Халил бек Мусаяссул. Дав поиск в интернете на это имя, я обнаружил большое количество материалов на русском, английском, турецком и немецком языках. Оказалось, что после распада Советского Союза в Дагестане о нем появилось много работ, написана кандидатская диссертация, снята документальная картина. А когда-то отвергавший его народный поэт Расул Гамзатов в постсоветских работах назвал художника «Шамилем искусства».

В разные годы в различных источниках Халил Мусаев – Мусаяссул (1897-1949) представляется как азербайджанец, грузин, турок, иранец. Не раз национальная принадлежность художника становилась предметом горячих споров и словесных баталий. И это, думается, происходило не только из жажды присвоения чужой славы. Просто из-за идеологических барьеров долгие годы не было достоверной информации о Халиле Мусаеве, как и о многих деятелях эмигрантской культуры. Поэтому азербайджанцы (сотрудничество в журнале «Молла Насреддин»), грузины (учеба в Тбилиси), основываясь на определенных фактах биографии художника, считали его своим. Турки (в годы Второй Мировой войны Халил бек был представителем Общества Красного Полумесяца Турции), иранцы (он был гражданином этой страны) также имели некоторые основания для причисления Халила Мусаева к своей национальной среде и культуре.

А на самом деле известный художник был аварцем по происхождению. Родился в известном дагестанском ауле Чох. Его отец, Исрафил бек Мусаев, принадлежавший к аварскому роду Манижал, служил сначала в личной гвардии царя Николая II, а позднее стал окружным наибом в родном Дагестане в звании полковника. Халил с детства отличался необыкновенным дарованием. По собственному признанию, впервые заинтересовался изобразительным искусством, наблюдая за работой резчика по камню, который украшал надгробную плиту рано умершего отца:

«Ежедневно, в течение нескольких недель, мы с нетерпением следили за работой мастера... С обратной стороны поверхность камня украшали искусно переплетенные золотые и бирюзовые орнаменты в виде барельефа. Лицевая сторона несла на себе самый значительный и благородный узор: большое, глубоко высеченное, густо разветвленное дерево, на каждом листке которого изящной вязью были выгравированы имена наших предков. Это было родословное дерево нашего тухума (*«семена», здесь в значении «род»* – **В.Г.**), на котором меня изобразили в виде нераспустившейся почки. Благодаря мастеру Исмаилу во мне проснулся внутренний голос...»

В 1912 году он был принят в тифлисскую школу Общества поощрения изящных искусств. До этого учился в медресе при Согатлинской мечети, а также в начальных классах Грозненской гимназии и Боголюбовском реальном училище в Саратове. Тифлисская школа изящных искусств неофициально считалась филиалом Петербургской Академии Художеств. В те годы (вплоть до середины 1930-х годов) школой заведовал русский художник немецкого происхождения О.И.Шмерлинг (1863-1938). Оскар Ильич получил высшее образование в художественных академиях Петербурга и Мюн-

хена. Позднее он снискал известность как один из талантливых живописцев и художников-карикатуристов Кавказа. Оставил глубокий след и в истории азербайджанской культуры, став правой рукой Дж. Мамедкулизаде с первых дней издания первого азербайджанского сатирического журнала «Молла Насреддин».

Среди кавказских учеников Оскара Шмерлинга были дагестанец Халил Мусаев, грузин Ладо (Владимир) Гудиашвили (1896-1980), наш первый профессиональный художник Бахруз Кенгерли (1892-1922) и первая женщина-художник Азербайджана Гейсар Кашиева (1895-1972).

Ставший впоследствии одним из корифеев грузинского изобразительного искусства Ладо Гудиашвили был близким другом Х.Мусаева и Б.Кенгерли. Сохранился портрет Гудиашвили, выполненный Бахрузом Кенгерли в годы учебы в Тифлисе. В свою очередь грузинский художник написал о Халиле Мусаеве проникновенные воспоминания. Они отражают не парижский период жизни, как утверждает М.Багирова в своей статье в альманахе «Гобустан», а тифлисский.

«Халил считался одаренным художником и всегда заслуживал больших похвал. Участие в преподавательских выставках было ярким подтверждением его неоспоримого таланта, больших удач и успехов. Через его творчество красной нитью проходила большая индивидуальность, основанная на особенностях его родного края. Творческий почерк художника отличался тонким вкусом и очень своеобразным стилем», – писал Ладо Гудиашвили в конце жизни, мысленно возвращаясь в дни молодости.

По инициативе О.Шмерлинга талантливый аварский юноша был направлен в Мюнхен, в Баварскую Академию Художеств. По некоторым сведениям, финансирование его обучения частично взял на себя известный нефтепромышленник и меценат Г.З.Тагиев. Редакция «Моллы Насреддина» также не осталась в стороне в вопросе материальной поддержки молодого художника и внесла свою скромную лепту. С октября 1913 по июль следующего года Халил Мусаев обучался в классе профессора Габриэля Корнелиуса Риттера фон Макса (1840-1915). Однако ему не суждено было завершить обучение. Начавшаяся Первая Мировая война и нараставшая с каждым днем русофобия среди немцев заставили молодого дагестанца прервать учебу и вернуться через Англии в Россию.

В 1912-1913 гг. в журнале «Молла Насреддин» за подписями «Халил Муссаев», «Муссаев-Чохский», «Х.М.» (подписи сделаны как кириллицей, так и арабской вязью) было опубликовано около 20 карикатур художника. Они отражали разные стороны тогдашней «мусульманской» жизни. Такие карикатуры, как «Странные весы», «Наши увеселения», «Мусульманский интеллигент», «Русская женщина и мусульманка в театре», «Член прежнего парламента в Джульфе», «Совет в Шемахе по поводу школы», «Место для курения опиума (основное занятие мусульман в таком центре просвещения, как город Тифлис)», «Рештский толкователь шариата и русский консул» и др. отличались не только актуальностью тематики, но и совершенством техники рисования и ярким колоритом. Одновременно невозможно было не заметить в них традицию «Моллы Насреддина» и влияние Оскара Шмерлинга.

Понятно, что тематика определялась редакцией журнала, в первую очередь, Джалилом Мамедкулизаде или Омаром Фаиком. Они словами как бы обрисовывали то, что хотели видеть на страницах журнала в исполнении карикатуристов. Однако и юный художник вносил определенные детали в индивидуализацию типов, в своеобразное изображение их внешнего вида, одежды, манер и т.д. Он стремился показать и внутренний мир героев, несколькими штрихами раскрыть их характер. Успеху Халила Мусаева немало способствовало и то обстоятельство, что он сам жил в идентичной среде и был окружен людьми, напоминавшими ему его персонажей. Карикатуры художника, наряду с «Моллой Насреддином», печатались также в бакинских сатирических сборниках «Калнийет» (издатель Сеид Гусейн, редактор Г.Гасымов) и

русскоязычном «Барабане» (издатели И.Ашурбейли и Б.Шахтахтинский, редактор А.Азимзаде). Следует отметить, что некоторые из этих карикатур впервые выявлены и идентифицированы историком искусства карикатуры Азербайджана Байрамом Гаджизаде.

Вернувшись из Мюнхена, Халил Мусаев живет в Темирханшуре (*нынешний Буйнакск* – **В.Г.**) и предпочитает работать больше в портретном жанре. В 1917-1920 гг. он создает галерею портретов своих замечательных земляков, особенно не вдаваясь в суть их политических воззрений. Его кисти принадлежат портреты как революционеров, как и контрреволюционеров – Нажмудина Готсинского (1859-1925), Уллубия Буйнакского (1890-1919), Саида Габиева (1882-1963), Алибека Тахо-Годи (1892-1937), Узун Хаджи (1848-1920) и др. Коллективный портрет ведущих деятелей Съезда горских народов, состоявшегося в 1917 г. в дагестанском ауле Анди, также сохранился в рисунках Халила Мусаева.

Велики его заслуги в подготовке к изданию в 1919 году первого в Дагестане литературно-художественного журнала «Танг Чолпан» (*«Дан улдузу» – «Утренняя звезда»* – **В.Г.**). В том же году во Владикавказе состоялась первая и последняя выставка картин Халила Мусаева на родине. Несмотря на сложность смутного времени, выставка привлекла внимание и вызвала ряд положительных откликов в русскоязычной прессе Дагестана и Грузии. Например, авторитетная газета «Кавказ» писала: «...И как прекрасно, когда в суете политической жизни неожиданно увидишь отблески этого вечного торжества человеческого духа над жизнью. Любовь к жизни, претворенной в сказку – вот истинное лицо нашего молодого художника!»

Жизнь Халила Мусаева нашла отражение в изданной им в 1936 г. в Мюнхене книге «Страна последних рыцарей» («Das Land der Letzter Ritter»). Книга, носящая автобиографический характер, была написана совместно с немецкой писательницей Луизой Лапорта. Точнее, сюжет и фабула принадлежат Халилу Мусаеву, художественная обработка – Луизе Лапорта. В книгу включены 3 акварели и 36 графических изображений. Понятное дело, что иллюстрации выполнены самим Халил-беком. Автор хотел создать целостный образ своего народа, поэтому в книге множество этнографических зарисовок, изображений национальных обычаев, празднеств и обрядов. Книга вызвала большой интерес, не ослабевший и впоследствии. В 1990 г. она выходит в Стамбуле в переводе Сурейи Улькер на турецком языке, в 1999 г. – в Махачкале в русском переводе кумыкской писательницы Саялы Гаджиевой.

Представитель северокавказской эмиграции Адиль бек Кулатти, высоко оценивая труд своего соотечественника, сразу после первого издания его книги, в журнале «Свободный Кавказ» (№ 36, 1937 г.) писал: «В сердце каждого кавказского патриота эта книга пробудит лучшие чувства и вдохнет в него духовные силы народа. Для иностранца же она явится ценным литературным произведением, открывающим перед ним картину подлинной жизни и фольклора Кавказа».

В немецких газетах и журналах были опубликованы десятки восторженных отзывов. Например, мюнхенская газета «Post» писала: «Книга переносит нас в Кавказские горы, а именно, в мир горского народа, живущего еще рыцарскими идеалами. Мы читаем о дружбе, скрепленной кровью, святой верности и горячей любви, о стремлении к свободе и независимости, о восхищении героями сказаний и освободительной борьбы. Первая мировая война, русская революция и большевизм внесли свои изменения в жизнь этой страны. Необыкновенно содержательная и во многих отношениях поучительная книга держит в напряжении и читается от начала до конца на одном дыхании».

Отзыв другой немецкой газеты – «Deutsches Schrifttem» – был не менее восторженным. Неизвестный автор писал: «Эти рассказы, повествующие о мире Кавказских гор, расположенном между Черным и Каспийским морями, своей неслыханной дерзостью и неповторимой яркостью впечатляют сильнее сказок из «Тысячи и одной

ночи», потому что мы здесь видим настоящую жизнь. Все три части книги читаются на одном дыхании. Чувство непривычности, странности всего, о чем говорится, улетучивается само собой как туманное видение. Сильное рыцарское мужество и страстная, преданная женственность предстают перед нашими глазами. И – безусловное кипение крови, которая нашу европейскую покорность делает почти достойной презрения».

И таких отзывов немало.

«Страна последних рыцарей», напоминающая популярные книги другого знаменитого выходца с Кавказа – Мухаммеда Асад бека (Лев Нуссембаум), охватывает, в основном, доэмиграционный период жизни Халила Мусаева. После установления советской власти в Дагестане он начал заведовать отделом искусства Народного комиссариата просвещения. Видимо, тенденция возвеличивания новых советских вождей, упрощенно говоря, вождизм, возникла вместе с новой властью. Поэтому одним из первых шагов Дагестанского обкома было решение отправить в подарок Ленину литерный вагон, разукрашенный картинами покоренного горского края. Выполнение этой ответственной задачи была возложено на Халила Мусаева – единственного местного художника из Дагестана.

Само собой разумеется, что в большевистской среде нового Кавказа отказаться от подобного рода «социального заказа» было невозможно. Но молодого, патриотически настроенного мастера кисти больше привлекала и интересовала история своей страны, ее героическое прошлое и славные люди, чем возвеличение большевистского лидера. В картинах «Имам Шамиль у развернутого знамени», «Забытая песня Дагестана», «Абхазцы-братья», «Старик из Кази-Кумуха», «Аварка из Закаталы», «Андийки» и др. отчетливо прослеживаются своеобразный стиль и тематика автора.

Очень скоро он понял суть большевизма и решил при первой же возможности покинуть Совдепию. Художник намеревался вернуться в Германию и продолжить образование. Расстрел чекистами без суда и следствия одного из его двоюродных братьев еще больше укрепил это намерение. «До тех пор я еще оставался в границах разумного терпения, но теперь оно лопнуло. Я отговорился от ленинского поезда тем, что мне нужно купить новых красок для заказа, и тотчас же выехал в Баку. В этом большом рабочем городе нефти только что пало национальное правительство, и коммунисты утвердились в полную силу. Я снял комнату у одной старой подруги нашей семьи и сразу окунулся в утомительную работу – с раннего утра и до позднего вечера я бегал по всем начальникам и ведомствам, пытаясь получить заграничный паспорт. Он нужен был мне для выезда в Тифлис, ведь у меня не было никакого удостоверения личности. Я раз за разом пытался пробиться в народный комиссариат и к военному министру, подружился с секретарем главы правительства и даже нарисовал его портрет...»

Однако все эти попытки оказались безрезультатными. Наконец, после многих мытарств, знакомая медсестра, сумевшая завоевать доверие большевиков, оказала ему неоценимую услугу: «На следующий день она поехала со мной в своем автомобиле к зданию ЧК, которое я несколько дней назад покинул с уверенностью, что никогда больше сюда не войду. Она постучала в какую-то дверь с задней стороны здания; открылась щель, из которой высунулся штык, а за ним фуражка с красной звездой на лысом черепе. «Кто здесь?» Моя спутница предъявила свои документы, и ворота открылись. Меня тоже пропустили, не обратив внимания ни на револьвер, ни на кинжал. Мы вошли в пустое помещение, где, кроме двух стульев и двух стоящих в углу ружей, ничего не было. Она исчезла, надолго оставив меня одного. Некоторое время я терпеливо ждал, а затем во мне медленно и неудержимо стало расти подозрение, что моя мнимая защитница выдала меня, и что меня отсюда поведут в сырой, отвратительный подвал, чтобы там расстрелять. Именно так они поступили с моим братом, значит, так поступят и со мной. Время шло мучительно долго. Затем откры-

лась дверь и появилась моя странная знакомая — полуангел добра, полуангел смерти. Она объявила мне, что все в порядке. У меня в руках был законный азербайджанский паспорт! Путь на Тифлис был свободен, и оттуда можно было двигаться дальше».

В тот же вечер он, в компании одного местного азербайджанца, везшего корреспонденцию, деньги и предметы домашнего обихода (ковры) для студентов из Азербайджана в европейских странах, выехал из Баку в Тифлис. По признанию художника, этот добрый человек дважды спас юного и неопытного Халила от верной смерти на мосту Пойлу, соединявшем Азербайджан и Грузию. При его содействии появилась возможность целым и невредимым попасть в Грузию, на дорогу, ведущую к свободе. Таким образом, «азербайджанский фактор» сыграл важнейшую роль как в становлении художника, так и в его исходе из большевистского ада.

В 1925 г. Халил Мусаев завершил свое обучение в Баварской Академии Искусств. Руководство Дагестана в эти годы выплачивало ему стипендию, что свидетельствует о том, что ему удалось каким-то образом узаконить свое пребывание в Германии. Это видно и по письму, адресованному ему комиссаром народного просвещения Дагестанской АССР Алибеком Тахо-Годи в 1924 г. Комиссар пишет о достижениях советского правительства в сфере культуры и просит как можно скорее вернуться на родину: «В чрезвычайно трудных условиях нашего народа каждая культурная единица является большой ценностью. Что же сказать о вас, который был бы сейчас на родине единственным лицом, способным стать в центре художественно-эстетического влияния на массы через живопись, школу, театр... Мы в повседневной жизни часто сталкиваемся с вопросами, составляющими содержание вашей специальности, и поэтому всечасно ощущаем ваше отсутствие. Любовь к Родине должна в ближайшее время вылиться в конкретной форме возвращения в родные горы, которые тепло встретят вас».

Однако Халил Мусаев, еще студентом устроивший в Мюнхене свою первую выставку, чуть позже принятый в члены Баварской гильдии художников, твердо решил не возвращаться в Дагестан. Конечно, дым Отечества был сладок. Но что мог сделать художник, получивший европейское признание, в родном ауле Чох, максимум, в Хунзахе или Теймурхан-Шуре? «… Трудно быть художником в наших условиях, – позднее писал он. – Для меня в моей стране нет поприща. На Кавказе пиши хоть лучше Бальзака, рисуй лучше Гольбейна – ходу тебе не будет. Отсутствует критика, нет интереса широкой публики. Мы отрезаны от человечества. На Западе никогда не забывают отозваться на книгу или картину. Едва мелькнет талант… и критика возносит его до небес или ровняет с землей. А у нас?».

И он решил стать «невозвращенцем». Тяжесть этого решения легла на плечи близких, остававшихся на родине: в 1937 г. жертвами репрессий стали его брат, муж сестры и другие родственники.

Как и у большинства русских эмигрантов, единственным документом, удостоверяющим личность Халил-бека Мусаева, был международный нансенский паспорт. Этот паспорт, по выражению видного русского писателя-эмигранта В.Набокова, предоставлял его обладателю в европейских странах, и особенно в Германии, где поднимал голову нацизм, не больше прав, чем было у отпущенного из тюрьмы под «честное слово» заключенного. Знакомство в Берлине с наследником иранского престола Мухаммедом Реза Пехлеви избавило Х.Мусаева от проблем, связанных с гражданством. Молодой Пехлеви ходатайствовал за него перед отцом – всесильным Реза шахом. Вскоре Халил бек получил иранское гражданство и вожделенный паспорт.

Как выше было отмечено, учитывая это обстоятельство, некоторые исследователи считали Халила Мусаева иранцем. Несерьезно и даже смешно звучит мнение некоторых дагестанских исследователей его жизни и творчества, связанное с данным фактом. Они, ухватившись за благородный жест будущего иранского монарха, возводили родословную художника чуть ли не к царю Дарию. Покровительство на-

следника престола окрасилось в фантастические тона. Например, современный дагестанский автор Мурад Ахмедов в статье «Халил-бек Мусаяссул: Посланник страны последних рыцарей» пишет: «Семья Халил-бека является ветвью знаменитого рода иранских царей из династии Ахеменидов». Эту высосанную из пальца версию повторяет и племянник художника Магомед Мусаев: «… Халил-бек и его братья являлись потомками иранских царей Ахеменидов». Излишне говорить, что подобные утверждения лишены всякой научной достоверности и фактической базы.

Независимо от обстоятельств, сопровождавших получение иранского гражданства, впоследствии оно оказалось для художника спасательным кругом. Нацистская идеология Гитлера причисляла персов к арийской расе. Вот почему дагестанский художник с иранским паспортом мог спокойно жить и творить в предвоенной Германии. Позднее были распространены противоположные мнения как о его знакомстве с Гитлером, любителем живописи, посредственным художником, так и о категорическом неприятии нацизма. Несмотря на подобные утверждения, остается фактом то, что с 1921 по 1947 гг. он жил в Германии, приобрел известность в литературно-художественных кругах, не отличался полной приверженностью к фашистам, но и не являлся ярым антифашистом.

Берлинский период жизни художника может считаться плодотворным. Оригинальность тематики и стиля, своеобразная техника, совершенно неповторимая индивидуальность в изображении незнакомой европейцам кавказской, дагестанской жизни очень скоро снискали ему популярность в среде любителей искусства. В 1925-1947 годах в таких городах мира, как Женева, Мюнхен, Берлин, Рим, Флоренция, Стамбул, Мадрид, Тегеран, Нью-Йорк, проходят его выставки, неизменно вызывавшие большой интерес. Имеются сведения о том, что дагестанский художник создал исключительно красивые и выразительные иллюстрации к предвоенному немецкому изданию «1001 ночи». Однако обнаружить их пока не удалось.

В 1938 г. Халил Мусаев в Берлине женится на немецкой аристократке, баронессе Мелани Оливии Юлии фон Нагель. Талантливая поэтесса и переводчик (она знала в совершенстве 4 европейских языка), Мелани фон Нагель, ставшая музой художника и героиней целого ряда его произведений, скончалась в 2006 г. в возрасте 98 лет. «Халил был хорошим мусульманином, я была, надеюсь, хорошей христианкой. И у нас был общий Бог – Бог сострадания и справедливости, и особенно красоты», – писала она в конце жизни, вспоминая Халил-бека.

Последние 50 лет своей жизни Мелани фон Нагель провела в монастыре штата Коннектикут под именем матери Жеромы. Она сохранила личные вещи и более 100 полотен Халил бека, которые после развала СССР, согласно завещанию художника, безвозмездно передала в Дагестан. По ее приглашению племянники художника Магомед и Омар Мусаевы ездили в США и привезли сохранившиеся картины и личные вещи своего знаменитого родственника. В настоящее время они составляют основной фонд музея Халила Мусаева в Махачкале.

В годы Второй Мировой войны художник и его супруга принимали посильное участие в судьбе военнопленных-мусульман, особенно соотечественников из Дагестана, ставших узниками фашистских концлагерей в Германии. Как представитель Турецкого Общества Красного Полумесяца, Халил Мусаев бывал в немецких концлагерях, пытался помочь сородичам продовольствием и сигаретами. В неопубликованных «Мюнхенских дневниках» художник с сердечной болью и с нескрываемым гневом к фашизму пишет об одной из таких встреч: «Утром должны мы ехать к пленным. По дороге встречали уже тысячи оборванных, голодных людей... Сплошной стон стоял над этим лагерем. Среди них было много дагестанцев, чеченцев. Кавказцы рассказывали мне: тысячами наших убивают! Все, что рассказали мне эти несчастные люди, я не могу записать. Это позор человечества, и если это должно торжествовать, то лучше пусть я умру».

Халил Мусаев по мере сил помогал соотечественникам, после войны способствовал отправке в Турцию военнопленных дагестанцев, оставшихся в американской зоне оккупации, но никогда не вмешивался в политические процессы. Его общение с политэмигрантами с Северного Кавказа в годы войны ограничивается материальной и нравственной поддержкой людей, попавших в беду. Духовную связь с исторической родиной художник реализовал в своих полотнах. Основное место в его творчестве все эти годы занимали история и природа Дагестана. Он создал неповторимую галерею образов прекрасных горянок, отличающихся ярким национальным колоритом и проникнутых духовной, нравственной чистотой. Современники в один голос утверждали, что он создал обобщенный образ «дагестанской мадонны».

Немецкий искусствовед Шмельц, указывая на самобытность творчества Халила Мусаева, писал: «В Мюнхене, без сомнения, творили многие художники. Кавказец Мусаяссул был единственным из них, чьи яркие, тонко передающие настроение картины дышат почти без изъянов атмосферой его Родины, страны кровной мести, рыцарских турниров. Из суровых скал проросли темноглазые женщины, подобные тропическим цветам: нежные и изящные, прекрасные и преданные, хрупкие, будто вот-вот переломятся в руках привыкших к борьбе, известных своей храбростью мужчин, которые не расставались с оружием даже во время мирных полевых работ».

Интересно, что Халил Мусаев никогда особенно не подчеркивал свою национальную принадлежность. Он больше предпочитал говорить от имени всего Дагестана. «Страна эта, из многих гор и долин, была единой страной. Народ этот, из многих племен, был единым народом». Автор этих строк всегда стремился быть представителем не только родного аварского народа, но, прежде всего, упомянутого единого народа, единой культуры – дагестанцев, даже всех кавказцев.

Родимый край, названный им «Страной последних рыцарей», с любовью упоминается художником и в интервью немецкому журналу «Eleqante velt» («Мир изящества»): «Более 20 лет прошло с тех пор, как я вынужден был покинуть свою родину на Кавказе, все эти годы из-за коммунистического правления она оставалась для меня страной мечты, и я старался воссоздать в своих картинах ее людей и природу такими, какими они сохранились в моем сердце».

После окончания Второй Мировой войны, в 1947 г., Халил Мусаев эмигрирует в США. Тогда художник уже был тяжело болен. Но тем не менее решил переехать в Новый Свет. Тому была причина. Халил-бек, как и многие русские эмигранты, опасался охватившей всю Европу «красной чумы». На новой родине ему довелось прожить всего два года. Могила находится в ста километрах от Нью-Йорка, в небольшом городке Бетлехем.

Если верить дагестанским источникам, полотна Халила Мусаева выставлены в знаменитом нью-йоркском музее «Метрополитен» (я неоднократно бывал в этом музее, но так и не довелось увидеть их). Согласно опять-таки дагестанским источникам, в музее хранится и гипсовый слепок руки художника. Кстати, из всех представителей богатой русской культуры только Рахманинов удостоился этой высокой чести. Что касается знаменитого дагестанского мастера, то американские источники не подтверждают информацию, связанную с Халилом Мусаевым.

Разумеется, всё это нисколько не умаляет значимости прекрасного и неповторимого творчества аварского художника. Важно то, что творческий путь, начатый на страницах «Моллы Насреддина» более ста лет тому назад, был достойно продолжен до конца жизни. Халилу Мусаеву удалось стать настоящим мастером, певцом своего родного народа и Кавказа, их богатой истории и культуры. В этом отношении мы тоже вправе считать знаменитого художника своим.

НУРЕНГИЗ ГЮН

Из книги «БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ»

Приветствую я хлеб, цветы и солнце

Приветствую тебя, Человек!
Приветствую свой край, язык и век!
Приветствую вечную любовь! И эту землю!
Приветствую страну огней! И тех, кто внемлет!
Приветствую тебя, о, мать! Ночь твою бессонную!
Приветствую несбывшуюся любовь! Ветром унесенную!
Приветствую тебя, дочурка! Мое дитя!
Приветствую тебя, ранимая! Живи, летя!
Приветствую тебя, о, мир! В сети границ!
Приветствую тебя, что полон скорбных лиц!
Приветствую я вас, моря глубокие!
Приветствую я вас, о, скалы одинокие!
Приветствую, приветствую я всех, кто близок –
Приветствую родных людей в Тебризе!
Приветствую я звезды, огненные кольца!
Приветствую я хлеб, цветы и Солнце.

О мир, кому ты нужен без людей?

Человек – стиха моего
Начало и конец.
Человек – стиха моего
Пламя, огненный венец.
Человек – украшенье земли
Прежде всяких цветов.
Человек, человек –
Основа основ.
Всякий человек –
И старый, и молодой
Черный, желтый, любой,
И тот, кто свободен,
И тот, кто в оковах цепей –
Биенье беспокойной жизни моей.
За человека я всегда и повсюду боролась,
Человек – моя песнь, дрожащий мой голос...
Без людей нет смысла и в глубине морей.
О, мир, кому ты нужен без людей?

Кыблой мне станет Атешгях[1]

Мне чуждо слово «тень».
Я никогда не петляла
Ни в чьей тени.
Ничья тень меня не покроет.
Тень – обитель рожденных ползать!
Пусть я всего лишь частица, пусть,
Никогда ни перед кем не преклонюсь,
Не склоню головы.
Если захочу молить и молиться,
Кыблой мне станет Атешгях!
Подношеньем – пшено, цветы,
Материнское молоко...
Вода и пламя сердца,
И огромное Солнце.

В моих стихах...

Я не падка до славы,
Шумиха славы мне надоела.
Ради наград не писала стихов,
Такой вот я человек, в конце концов.
Не хочу ни криков, ни слов слащавых,
Даже если имею на то полное право.
Не хочу! Пускай оно горит огнём.
В моих стихах мой голос обрел свой дом,
И если он омоет сердца, как берег волна,
Ей-богу, мне хватит сполна.

Сны в этой земле

Я вернулась к этой земле.
Задрожали коленки,
Как только на нее ступила...
Я перед этой землей. Стою, как вкопанная,
Онемел язык, дыханье перехватило.
Многое я тут нашла и многое потеряла!

Я стала белоснежной невестой в белой накидке
В своих грёзах,
Увиденных на этой земле,
В глазах стояли слёзы,
Пленилась я чарами ветра. За дождь
Приняла морось – охватила меня дрожь.

[1] Атешгях (азерб. Atəşgah) – храм огня в Азербайджане, на Абшеронском полуострове, в 30 км от центра Баку, на окраине селения Сураханы в Сураханском районе, в разное время почитавшийся зороастрийцами, индуистами и сикхами. Возник в XVII – XVIII вв. на месте «вечных» неугасимых огней – горящих выходов естественного газа, благодаря чему храм и носит название «Атешгях», что означает «Дом огня», «Место огня».

...Через эту землю течет Араз –
Я пила его воды, раздавался мой горестный глас.
А с краю тут железная ограда!
Рядом с ней
Я застолбила три аршина земли, –
А больше для смерти не надо.
Тут, в уголке, отца моего следы!
Тут, в уголке, руки мамины видны!
Многое я тут нашла и многое потеряла.

На этой земле две могилы рядком –
Сколько слез здесь пролито!
Обнимаю холодные плиты
И, покуда не лишусь всех сил,
Плачу о тех, кто был мне мил –
Разрывается нутро.

Вот отец, а вот мать!
Была она, ей-богу, и был он!..
Обоих унес долгий и кошмарный сон.
Выпала моя ладонь из их рук.
Сердечко детское осталось одиноко!
Съежилось от боли оно,
Не стерпев этих мук...
Из моих снов в этой земле
Выскользнула жизнь нежная, белоснежная...
Унесли ее потоки безбрежные...
Многое я тут нашла и многое потеряла!

А дом так и стоит

Этот дом так и стоит...
Этот дом так и стоит, не долог к нему путь.
Ростом он с вершок, с полвершка шириной.
Одинок он в юдоли земной и стоит пустой.

Этот дом так и стоит.
Стены помнят забытый рассказ,
А потолок – взгляд черных глаз...
Следы сорок пятого размера
Мечутся между окном и дверью.
Весь воздух в доме этом
Пропитан проклятой тоской.
Не знаю, чего она хочет,
О чем молит, срываясь на вой.

Этот дом стоит и не шелохнется,
Этот дом никуда не рвется,
Дом стоит, а внутри, за дверцей,
Бьется слабеющее сердце.
Только ненависть сохраняет верность,
Но ее ненавижу, она слепа –
Перед дверью и петлями слаба!

Дом так и стоит:
Здесь и забытый рассказ, и взгляд черных глаз,
Здесь и следы, и ненависть с тоской.
О, мой брат, о, сестра, о, мой друг, зеница ока!
Знай –
Поседела голова прежде срока.
Если растроган, приди и легонько погладь...
А дом так и стоит.

Одним вечером

Перед могилой Назыма Хикмета

Если захохочу,
Захочу обнять набрякшие облака,
Не назовут ли меня безумной?
Если устану и обниму твою землю,
Лягу на зеленый луг, чья тишина нема,
Не назовут ли меня безумной?
Если одним вечером руки протяну к Закату...
И окликну далекие горизонты,
Не назовут ли меня безумной?

Две руки

Весь мир в моей голове,
Голова моя тяжелее целого мира.
Склонила тяжелую голову на руки,
Увидала, что льет дождь на них сиро.
Две руки – каменные колонны.
Две руки – словно камень измождённый.
Руки мои уснули под шум дождя.
Эге-ге-гей!.. Венера!..
Коснись моих рук.
Венера! А твои руки где?
Я так нуждаюсь в ласке.
Венера! Осталось совсем ничего...
Чуть спустя
Ладони рук моих,
Трепещущие пальцы
Станут биться, метаться
И падут вниз. Их уже не найдёшь.
Чуть спустя,
Совсем чуть-чуть,
Немую, ледяную
Тишину
Внутри меня
Охватит дрожь.

Эта маленькая девочка

Эта маленькая девочка,
Эта маленькая девчушка
С крохотной куколкой
Будет жить
И после меня.
Найдутся и те, кто ее приголубит,
Найдутся и те, кто ее невзлюбит.
Найдутся и те, кто полюбит.
Она станет невестой, мамой станет сама.
У нее будут крохотные настоящие детки-ребятки.
У нее будет свой дом, где она поплачет украдкой.
Грусть и разлука будут нападать со стен.
В доме строгий муж захватит всё в плен
И не допустит никаких перемен!
Маленькая девчушка, вот так и состаришься ты.
О, Боже! Завянет твой сад, все бутоны, цветы!..
Не обижайте эту маленькую девчонку!
Однажды ночью иль днём
Она замрет и будет стоять
На последней ступеньке
Последнего порога.
Но по ту сторону
Для другой девчонки
С крохотной куколкой
Начнется новая дорога...

Воскресный день

Сегодня пятница,
Завтра суббота,
Послезавтра воскресенье.
Если денег у тебя много
И рвут и мечутся ноги,
Примешься бежать,
Открывать и закрывать
Двери всех магазинов.
А если
Ты женат
И боишься жены,
Хочешь того или нет,
Всей семьей чуть свет
Сядешь в свои «Жигули»
И растаешь вдали.
А я,
Та самая тихоня,
Запру двери
И усядусь в углу.
Усталость в глазах заметив,
Принесут мне чаю дети,

А еще мёда чуток,
Ибо так велел доктор.
Сладости вкусны, родные!
Но не всегда им радо сердце.
Эта сладость горчит. Как мне отвертеться?!
Мало ли, что доктор говорит...
Сердцу ведь не прикажешь!
...Сегодня воскресенье,
Сегодня праздник,
Что этот день светом облёк!
Но мысли мои заплутались,
Не размотать клубок.

Давай забудем вместе

Не плачь в мои ладони,
Не плачь, девчонка,
Хватит, милая, слезиться!
Знаю, больше не на кого положиться.
Покамест
Могу тебе дать
Только хлеб, воду, ночлег...
Могу и маму тебе заменить.
Но никак не смогу
Повторить
Ее запах и вкус.
Я сама годами
Ищу тот вкус и чувство.
Давай согласимся.
Давай, моя крошка!
Хоть и это непросто,
Давай забудем вместе
Эти сны, где веет самум
И уносит все наши мечты,
Где в ливнях тонем я и ты, –
Эти пестрые сны,
Где пахнет мамой,
Но где лишь тени видны.
...Искала я защиты у скал и гор,
Обратилась к реке и морю –
Не стали мне вторить.
Кучерявая крошка!
Отними свою голову от моих ладоней,
Понимаю твое горе.
И мне его испытать довелось.
Не плачь, не плачь в мои ладони,
Они и так устали от слёз...
Давай согласимся!
Давай, кучерявая крошка.

Такие вот дела

...Сначала пришел ты,
А потом эта скорбь.
Сначала ты приманил и оставил,
Потом охотник капкан расставил.
Сначала фундамент, затем стена. –
Сперва тобой,
Потом всеми стала обвинена.
Сперва смеялся ты,
Теперь я.
Сначала умерла я и мечты,
А сейчас умер ты.
Ах, любовь, тебе тяжко!
С миром покойся,
Как и я, бедняжка.

Пустота

Пустое безмолвие,
Совершенно пустое...
В пустоте ни любви и ненависти, ни счастья и чувства, ни звука!
Я коня оседлала. Так где же он? Плеть держала в руке, где она?
Коня оставьте себе. Но верните мне плеть!
Хочу исхлестать
Эту пустоту!

Красота

Что такое красота? –
Спрашивали у меня.
Когда была ребенком,
Отвечала так:
Это пушистый и мягкий кот,
Это мой игрушечный домик
И куколка,
Что в этом доме живёт.
Что такое красота? –
Спрашивали у меня.
Когда была молода,
Отвечала так:
Это смельчак на коне,
С широкой костью,
Огромного роста,
Глаз его пламя
Растопит и камень.
Я выросла, стала совсем взрослой.
Поняла
Всю верность кота,
Что смельчак
Мне не чета,
Поняла,

Что в кукольном домике
И в кукле самой
Живёт пустота.
Странно, так странно...
Люди, спросите
Снова у меня,
Спросите:
Что есть красота?
Это:
Карлсон, живущий на крыше,
О чьих приключениях я часто
Читаю моей прекрасной Жале.
Это:
Квазимодо из Нотр-Дам де Пари.
Это:
Жан Вальжан лихой,
Приютивший Козетту,
Не требующий взамен добра ничего.

Прямой разговор

Врачи учатся шесть лет.
Но до сих пор ни Гиппократа, ни Ибн Сины нет.
Физики – пять лет. И изобретают нейтронную бомбу:
Спасемся, лишь укрывшись в катакомбах.
Продул ты всё, Джордано! Мыслил, страдал, хотел добра,
Но поглотило тебя пламя костра!
А сколько лет учатся художники
Смешивать краски? Не знаю.
Только ни перед какой картиной я слёз не проливаю.
Как-то всё это меня не задевает...
Жаль тебя, османец Пиросмани! Жаль тебя, Аджами!
Эх, если б не было ни разлуки, ни смерти!..
Да, учатся и артисты, ровно четыре года!
Но разве таланту нужен учитель?!
Простая обезьяна без грима устроит такую потеху,
Что покатишься со смеху,
А какой-то артист, знающий Данченко назубок,
Даже в тысячный раз выглядит как новичок.
А поэты? Отныне беспечен их стих.
Не учат этому в школе, нет учебников таких.
Это талант! И не знает никто,
Откуда и как он снисходит.
Однако после Физули не плачут поэты!
Только им горести наши воспеты.
Не вместились звезды – грудь его жгло от боли.
А спину нынешних от груза звезд ломит!
Утром воспевают солнце они,
Вечером пируют во дворце. Так и проводят дни.
«Этот мир не ведает стыда»,
Страждущий! Иди сюда!..

Иду по пути

На устах улыбка.
В глазах – надежда и гордость.
Внутри – желание выплакаться.
Иду по пути, пока не собьюсь.

В ладонях тайна,
Огрубели пальцы,
Всё, что имею – сердце.
Иду по пути, пока не сломлюсь.

Ветер в волосах,
В душе – мамина колыбельная,
В памяти – рухнувшая любовь.
Иду по пути, пока не остановлюсь.

Впереди гряда гор,
Отвесные скалы, холодное море.
Одна-одинёшенька на закате
Иду по пути, пока не оступлюсь.

Позади ущелья,
На плечах – солнечный луч,
На руках – моя Жале и дрожь…
Иду по пути, пока в путь не обращусь.

Деревом я была

Эти камни, эти комья,
Эти озабоченные и беззаботные люди,
Снующие туда-сюда,
Эти огромные автобусы и машины,
Ты, он, они, сотни лиц –
Утомили меня вконец.
Где мой лес священный?
Мне надоели бетонные стены.
Этот город меня проглотил.
Ведь,
Кажется, я
Некогда деревом была?
Ведь я деревом создана!..
Потому и на камнях не росла!
Этого города смрад и ад,
Шум и гам,
Весь этот хлам –
Иссушили меня.
Я ведь дерево?!
Что за колдовские чары,
Как избавиться от этой кары?
Не удерживайте меня, идите прочь!

Будь то день
Или ночь,
Я непременно рванусь –
Либо пополам поделюсь,
Либо спасусь!
Не удерживайте! Хватит уже!
Я рванусь,
Обниму зеленый лес,
Свежесть дарящий душе!

Эта разлука – колдунья

О боже! С ума меня сведет эта разлука.
Какую еще придумает муку?!
Эта разлука слепа.
Не видит, как вянут цветы в ее саду, как стираются краски.
Эта разлука глуха.
Не слышит, как стенанья разбиваются о стены.
Эта разлука нема.
Молчит и молчит, точно беспросветная тьма.
Эта разлука словно скала.
Она меня измором взяла.
Боже, не береди мои раны!
Не пытайся, боже, моя боль постоянна!
Эта разлука – глубокий колодец.
Потонул в нем мой смех, моя живость и всё, что мило.
В беспробудный сон она меня погрузила.
В этой люльке смех и улыбки в ливни обратятся,
В этой люльке воспоминания раздробятся...
...Эта разлука во мне пожухнет лист за листом,
Эта разлука в груди обратится в ком земли, ком.
О, боже! Эта разлука – колдунья!

Захотела увидеть море

Усталость своих глаз
Я оставила на стенах дома,
Покрытых плесенью.
Выбежала прочь –
В темную ночь.
Ночь и улица. Обе темны.
Вдобавок и веки сомкнула.
Затем зажала уши,
Чтоб не видеть, не слышать
Рыскающие взгляды женщин
И их наряды,
Расточающих яды
Мужчин и их похоть,
Сплошь фальшивый хохот!

...Захотела я увидеть море.
Не видно было ни моря, ни кораблей,
Ни Луны и ее лучей,
Ни серебряных волн!..
Но,
Ощутив зеленую прохладу
Ветвей,
Я скинула свою печаль
И бросила вдаль,
В эту зеленую бездонность.
Я вспомнила тебя!
И тут же... пошла за твоей тенью...
Я видела тебя так ясно.
Но ты дымкой растаял,
И зарыдала я от одиночества,
Оттого, что несчастна...

Я соскучилась, мама

Я соскучилась, мама, вся в слезах.
Я соскучилась, протяни мне руку,
Протяни ее той, чье сердце в муке.

Вся в слезах я, мама, вся в слезах.
В нашу калитку стучатся,
Я устала от обид слезами заливаться!

Прости меня, мамочка, прости.
Хочу я землю и камни просверлить
И голову на твои колени склонить.

Я соскучилась, мама, так соскучилась.
Хочу к тебе – передай своему Богу,
Чтоб забрал безвозвратной дорогой.

Хочу припасть к земле и остаться с тобой,
Обвить нежно твою шею рукой...
Прости меня, смилуйся, прости.
Я соскучилась, мама, соскучилась я.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Стоявший за дверью

Рассказ

Заур М. сидел дома за столом перед маленьким зеркалом и брился в последний раз в жизни, рассеянно и неряшливо, стараясь вспомнить вчерашнего прохожего, который показался ему очень странным. Он и ночью во сне его видел точно так же как и на улице накануне, отчетливо, будто наяву. Что-то было в облике случайного прохожего, наталкивающее на мысль об опасности, притаившейся, зорко следящей, готовой обрушиться на вас, говорящей о неадекватности поведения, если б пришлось с ним пообщаться. Заур М., кое-как окончив бритье, стер полотенцем оставшуюся мыльную пену с лица и вновь задумался, стараясь изо всех сил вспомнить лицо вчерашнего незнакомца. Время ползло быстро, как юркая змея, уползавшая от преследователя. В комнату вплывали сумерки, было пасмурно на улице, и в помещение через маленькое, давно не мытое оконце не проникало достаточно света, но это не мешало думать и вспоминать. Тем не менее Заур М. поднялся со стула, на котором уже достаточно долго сидел, так что ощутимо отекла спина, и подошел к выключателю. Свет одинокой лампы под низким потолком вспыхнул, осветив небольшую комнату, и Заур М., будто впервые увидев её, хотя мог, закрыв глаза, сказать, что и где лежит, оглядел своё жилище и в который раз увидел свой стол, за которым с давних пор хорошо думалось и за которым он привык записывать свои воспоминания, размышления, видения и сны, увидел зеркало на столе, перед которым каждое утро брился, и маленькую двурогую вешалку, прибитую к двери изнутри, торшер с покосившимся абажуром, продавленный диван, камин, где плясали язычки огня; словом – комната далеко не блистала роскошным убранством, не было ни компьютера, ни даже телевизора, и вещи здесь были самые необходимые, вполне обыденные и старые. Теперь он постарался вспомнить выражение лица вчерашнего прохожего, что подошел к нему на улице и молча удивленно уставился на него, причем не в глаза смотрел, а куда-то повыше, в лоб, что ли, будто нашел на нем что-то интересное, так что Заур невольно потянулся рукой ко лбу и потер его слегка, думая, что ненароком испачкался. Поглядев так довольно навязчиво, что уже начинало нервировать и раздражать Заура, прохожий, слегка покачав головой, будто чего-то не понимал, медленно удалился, так же медленно оторвав свой взгляд ото лба Заура…

…«Сегодня шел по улице и в подворотне старого дома, мимо которого тысячу раз проходил, но так и не запомнил, встретил кошку. Я нагнулся, посмотрел ей в глаза. Она испуганно отступила, но потом, кажется, поняла, что я не причиню ей вреда, и не убежала. Я нагнулся поближе к ней и снова заглянул ей в глаза, и увидел свое отражение. Она доверчиво смотрела на меня. В глазах животных более правдивое отражение, чем в глазах людей. Лето, июль, было очень жарко, и кошка, обессилев от зноя, беззвучно открывала маленькую пасть, не в силах мяукнуть. Я вошел в ближайший магазин и купил молока, но когда вышел, её уже не было в подворотне. Я стал звать её: «Кис-кис-кис!» Пожилая толстая женщина, выходившая на улицу в эту минуту, улыбнулась и сказала мне: «У нас нерусские кошки, их надо подзывать так: пиш-пиш-пиш!». Когда она удалилась, я так и стал подзывать кошку – пиш-пиш-пиш! – но она не отозвалась, не появилась, видно, ушла по своим кошачьим делам, или кто-нибудь забрал её, чтобы напоить. Надеюсь…»

…Некоторое время Заур глядел вслед прохожему, потом невольно, будто кто-то приказал ему, пошел за ним следом, стараясь не выпускать его из виду. Тот шел неторопливо и его легко можно было бы догнать, но Заур просто не мог понять, зачем он идет за этим прохожим, что ему нужно от незнакомца, и что, если тот остановится и спросит, зачем его преследуют; он шел бездумно, будто лишенный воли, выполняя чей-то приказ, и вдруг увидел, что прохожий вошел в мужской салон. Заур вслед за ним тоже вошел в парикмахерскую, но мужчины там не обнаружил. Это был маленький салон, где работали всего два мастера, и одним из них – видимо, была его очередь принимать посетителя – Заур был приветствован с вежливым воодушевлением.

– Садитесь, прошу вас, – сказал парикмахер, без нужды обмахивая полотенцем чистое кресло, и окинул Заура профессиональным взглядом. – Побрить, постричь? – с сомнением спросил он, внимательно оглядывая свежевыбритого и постриженного посетителя.

– Нет, – сказал Заур, будто очнувшись от беспамятства. – Я так… Сюда сейчас мужчина заходил…

– Мужчина? – пожал плечами парикмахер. – Какой мужчина?..

Заур, утратив статус клиента, явно становился ему неинтересен.

– Никто, кроме вас, не заходил, – подтвердил и его товарищ.

Заур извинился и вышел из парикмахерской совершенно растерянный под насмешливыми взглядами двух мужчин, – ведь он своими глазами видел, как странный прохожий неспеша входил в салон…

…«Сейчас октябрь, накрапывает дождь, осень. И мне все такие хорошие сны снятся. Про любовь. Меня любит молодая нежная девушка, так хорошо, что не хочется просыпаться, но я просыпаюсь, с досадой и сожалением вспоминаю свой возраст. Так хочется влюбиться, но ведь я ни с кем почти не общаюсь, и в последнее время редко выхожу из дома…»

… Теперь он, сидя за столом при свете, разогнавшем сгущающиеся сумерки в комнате, старался вспомнить лицо, выражение лица, странный взгляд вытаращенных глаз молчаливого прохожего, но все вставало перед глазами расплывчато, и даже то, что он встал и включил свет, надеясь на эту маленькую встряску, когда любое движение или резкий жест вдруг помогают вспомнить слово, имя, внешность, не помогло; даже во сне он видел незнакомца отчетливо, как наяву, а теперь не мог вспомнить; и он повертел головой, словно отряхивая ненужные, бесполезные усилия, не приносящие никакой пользы, бесцельные, пустые…

«Зачем это мне? – подумал он. – Зачем это навязчивое желание вспомнить?..»

Постучали в дверь. Стук был робкий, как бы извиняющийся, будто стучавший не хотел беспокоить хозяина комнаты, но в то же время вынужден был стучать. Заур подошел к двери, стараясь приглушить звук шагов, и стал прислушиваться. Он услышал тихое, хриплое дыхание с той стороны. Глазка на двери не было, и он мог только спросить, чтобы узнать, кто там стоит за дверью, но он не хотел обнаруживать себя и ждал, какая последует реакция у стучавшего с той стороны. Заур приложил ухо к двери и ему показалось, что стоявший за дверью затаил дыхание. Или, может, он тихо ушел? Надо было открыть дверь, чтобы убедиться в этом. Заур протянул руку к замку, но тут же отдернул, раздумав. Какое мне дело до того, кто там, за дверью? – подумал он. – Мне он не нужен. Это я ему нужен, раз он пришел.

Он уже хотел отойти от двери и усесться на свой стул, когда за дверью послышался голос, такой же робкий и тихий, как и недавний стук.

– Может, вы откроете? – спросил стоявший за дверью. – Я знаю, вы там. Здесь очень холодно, а я простужен.

Заур ответил не сразу, раздумывая, стоит ли вообще отвечать, но после паузы тоже тихо, но довольно жестко сказал:

– Я не знаю, кто вы.

– Вы будете удивлены, – тут же последовал ответ, будто заранее заготовленный, и в голосе стоявшего за дверью человека почувствовалась улыбка, словно он приготовил приятный сюрприз и ему не терпится преподнести его.

Дальнейший диалог с двух сторон запертой двери выглядел бы смешным, и Заур осторожно отворил дверь. На пороге стоял вчерашний прохожий, и Заур сразу признал его, вчерашний странный прохожий, долго разглядывавший его на улице и потом непостижимым образом пропавший в мужском салоне. И плащ, и волосы гостя были мокрыми.

– Можно войти? – спросил пришедший.

Заур молча посторонился, пропуская незнакомца в комнату. Тот вошел и тут же устремился к камину, единственному предмету, придававшему уют этой убогой комнате, протянул к огню руки, потирая их с видимым удовольствием, потом, уже не спрашивая разрешения, снял с себя мокрый плащ и повесил его на пустую вешалку на входной двери.

– Какой у вас странный дом, – сказал гость.

– У меня здесь всего лишь одна комната, – сказал хозяин, теперь внимательно приглядываясь к гостю: тот был примерно одного возраста с ним, суровое лицо, длинные волосы и бородка, придававшие гостю артистический вид, яркие черные вытаращенные глаза большой интенсивности. – А вы, собственно…

– Да, – не дал ему договорить гость. – И в нее попадаешь сразу с улицы. Не боитесь воров?

– Тут нечего воровать, – сказал Заур. – Сами видите…

– Да, пока нечего воровать, – таинственно произнес гость и повторил многозначительно. – Пока…

– А вы, собственно… – повторил попытку Заур, но гость опять бесцеремонно перебил его.

– На вас указал жребий, – непонятно произнес он. – Вам повезло.

Заур молчал, ожидая объяснений. Гость с каждой минутой становился все нахальнее, будто не он только что так робко, тихо стучал в дверь.

– Не говорите загадками, – сказал Заур. – Что вам нужно?

Тогда гость, не спуская взгляда с хозяина, полез в карман и вытащил небольшую коробку, напоминавшую табакерку – вещь, которой давно уже никто не пользуется.

– Что мне нужно? – усмехаясь, переспросил незнакомец, явно стараясь дать понять, что это он нужен хозяину дома, а не наоборот. – Дело в том, что я хочу… нет, не так… Я должен… просто обязан вручить вам подарок. Это такой подарок, о котором вы и мечтать не смели. Но прежде мне надо знать ваше имя, – вдруг резко поменяв тон, чуть ли не приказным голосом заявил незнакомец, и вдруг на глазах у хозяина дома лицо гостя стало неузнаваемо меняться, будто он корчил фантастические рожи, и лицо его стало неожиданно гибким и мягким как глина, из которой можно было вылепить тысячи подобных лиц, так что невольно хотелось потрогать его странную, кривлявшуюся физиономию. Это продолжалось несколько мгновений, после чего облик незнакомца вновь принял свои прежние очертания. И он продолжил резким тоном, совершенно далеким от первоначального, заискивающего, чуть ли не умоляющего тона, когда он стоял за дверью под дождем и просил впустить его в комнату. – Итак, ваше имя! – чуть ли не выкрикнул он.

Хозяин дома выдержал паузу, что, по его мнению, должно было подчеркнуть, что он абсолютно не намерен подчиняться беспочвенным приказам незнакомца, но, тем не менее, помолчав, сказал свое имя.

– Заур.

– Что это за имя такое? – недовольным тоном проворчал незнакомец.

– А что? – не понял хозяин. – Имя как имя. Очень даже популярное.

– Не подходит вам, – возразил незнакомец, пряча усмешку. – Вашим годам. Возрасту. Слишком какое-то молодежное.

– Вот уж не знал, – пожал плечами хозяин, ехидно усмехаясь. – Ношу это имя уже больше семидесяти лет.

– Возраст ваш я знаю, но не интересовался именем, – было заметно, что незнакомец забавляется, ёрничает, и имя Заура ему было известно так же, как все остальные сведения о хозяине дома.

– А почему вообще вы мной интересуетесь? – грубовато спросил Заур, ему уже начинало надоедать давление со стороны незнакомого человека, он не выносил чужой напористости и потому счел должным предупредить незнакомца. – Отвечайте, не то я, не то я…

…« В жизни я много раз поступал гадко, нечестно, люто ненавидел людей, доставивших мне неприятности, не умел прощать, это даже не приходило мне в голову – прощать. Люди такие разные, совсем непохожие на тебя, хотя ты наделяешь их свойствами, присущими тебе, но они – не ты, они – как инопланетяне. С недавних пор меня тяготит общение с ними. Что мне делать? Я хочу их любить, но не потому, чтобы когда меня не станет, они бы говорили: какой был хороший, добрый малый. Нет, это нужно мне, и если я научусь любить – я чувствую это, я знаю – что-то откроется в моей душе, ранее неведомое, хлынет свет из моей души, как в яркое солнечное утро свет вдруг заливает мою комнату, когда утром я отдергиваю занавески перед окном»…

… – О-о-о! Угрожаете? Впечатляет… Не то я, не то я?.. Но не горячитесь, – сбавив тон, миролюбиво сказал незнакомец. – Вы благодарить меня будете, когда узнаете цель моего визита.

И, неожиданно высунув язык, незнакомец стал доставать им кончик носа, поглядывая на Заура, будто желая убедиться: нравится это хозяину или нет. Заур удивленно наблюдал за странным поведением гостя.

– Ну? – строго спросил он. – Долго мне ждать?

– Дело в том, что мне поручено вручить вам необычный и очень ценный подарок, – сообщил незнакомец почти шепотом, словно в комнате был еще кто-то, кому нельзя было слышать его слова. – Необычный и очень ценный, – повторил он, указывая на коробочку, что выложил на стол перед собой.

– Что это? Кем поручено?

– Всевидящее Око, что следит за всеми, выбрало почему-то вас, – загадочно произнес незнакомец, понизив голос до еле слышимого шепота, так что хозяину дома пришлось приблизить ухо к его губам, чтобы расслышать и не переспрашивать. – Лично мне вы не нравитесь, потому я вчера на улице и разглядывал вас долго и неодобрительно покачал головой, если вы заметили, – с детской откровенностью заявил он, – но не мне выбирать.

– Ладно, ладно, – проговорил Заур и ворчливо, с плохо скрываемой угрозой в голосе, добавил. – Раз подарок мне, давайте и побыстрее выметайтесь, у меня дела…

– Никаких дел у вас нет, – категорично заявил гость, будто знал все о хозяине. – Вы только делаете вид, что над чем-то работаете. А вот подарок… Подойдите поближе… Видите кнопку на этой коробочке? Нет, нет! Не нажимайте! – испуганно вскрикнул он, хотя рука хозяина вовсе и не тянулась к принесенной им вещи. – Заур! – громко произнес он имя хозяина и захихикал. – Ладно. Дело вот в чем. Слушайте внимательно… – но тут взгляд незнакомца упал на толстую раскрытую тетрадь на столе с дешевенькой ручкой на тетрадном листе.

– Что это вы пишете? – спросил гость.

– Это вас не касается, – недружелюбно ответил Заур. Он все больше убеждался, что гость просто разыгрывает его: какой-то нежданный подарок, кнопка на коробочке, которой вовсе и не было, если приглядеться, обсуждение его имени, перескакивает с одного на другое: нет, нет, это было похоже на розыгрыш, да и кому придет в голову присылать ему подарок, а тем более очень ценный. – Вы мне надоели. Уходите.

– Не гоните меня, – сказал незнакомец умоляюще, вновь впадая в шутовской тон. – Если вы узнаете, зачем я к вам пришел, вы меня очень даже полюбите. У вас что, даже компьютера нет?

– Он мне не нужен, – сказал Заур.

– Скажите, пожалуйста, какие мы!.. – покачал головой незнакомец и нагнулся, посмотрел под стол: на полу лежали в беспорядке десятка два таких же, как на столе, толстых тетрадей. – И вы все их исписали? Что это? Стихи?

– Нет, – ответил Заур, но на этот раз тон его был более мягким и доброжелательным, в нем вдруг проснулось желание поделиться своими планами, рассказать об очень личном, о своем творчестве – как у всех пишущих, честолюбивых людей в нем долго таилось и теперь проснулось тщеславие, и захотелось поговорить о том, что он писал и продолжает писать уже много лет, раз уж попался добровольный слушатель, первый на протяжении долгих лет, поделиться с незнакомым человеком, что было, как он думал, гораздо лучше и интереснее, чем делиться сокровенным с близкими, которые могли бы поднять его на смех; как в поезде в дальней дороге вдруг невольно разговоришься с незнакомым пассажиром, соседом по купе, расскажешь ему о самом заветном, что не каждому другу можешь рассказать, зная, что через несколько часов твой попутчик покинет тебя и больше никогда вы не встретитесь, но сейчас, когда поделишься с ним, тебе станет гораздо легче, будто переложил груз своих забот на плечи чужого человека, которому, кстати, плевать на твои заботы и проблемы.

– Нет, – повторил Заур уже гораздо мягче. – Это… это описание моей жизни.

Лицо гостя вновь исказилось, как смятая маска из мягкого пластилина, но опять почти тут же пришло в обычное состояние, так что можно было подумать, что жуткая, нечеловеческая гримаса привиделась на миг.

– Что с вашим лицом? – спросил Заур прямо, без обиняков, будто стараясь убедиться, что не привиделось, что невозможные искривления физиономии гостя были на самом деле, в реальности.

– И что вы описываете? – спросил гость, проигнорировав вопрос Заура. – Печатаете в прессе? Хотите стать писателем и прославиться?

– Нет, я пишу для себя, – сказал Заур. – И никому не показываю.

– Для чего?

Заур ответил не сразу, задумавшись.

– Чтобы знать в дальнейшем, как прожил этот день, этот год, эту жизнь. И как жить дальше. Сколько ошибок наделал, сколько подлостей, плохих поступков, и сколько добрых дел, сколько добрых мыслей передумал за день, и сколько недоброжелательных, скольким людям хотел бы отомстить за обиды, хотел бы убить, уничтожить, стереть с лица земли, а скольким хотел бы пожелать добра и сделать хорошее, изменить их жизнь к лучшему, спасти их от нищеты, от тяжелых болезней, если б был в силах…

– Вот! – обрадовано воскликнул гость с таким видом, будто поймал хозяина на слове, и бесцеремонно тыча ему в грудь пальцем. – Вот именно поэтому я и здесь. Я принес вам эту возможность – осчастливить себя и других, но очень малое количество людей, а конкретно – всего лишь одного… Кроме себя, разумеется. Но тоже ведь неплохо, а… Не у каждого может появиться такая возможность. Но Всевидящее Око выбрало именно вас. Не знаю, почему… Может, из-за вашего дневника, где вы каетесь в грехах и хотели бы стать лучше… Но ведь нет людей без изъянов, без злости,

просыпающейся в душе, без черной зависти, без желания уничтожить своих врагов, без тщеславия и без задней, далеко в сознание запрятанной мысли… хи-хи… мыслишки – опубликовать когда-нибудь такие вот тетрадки и прославиться…

– Нет, я…

– Я не хотел вас обидеть, – не дал договорить Зауру гость. – Я просто говорю, что нет людей, абсолютно похожих на ангелов, безгрешных, как годовалое дитя… Разве что – пророки… Да и то… Кто их знает, какие мысли копошились в их невинных с виду черепушках… Все-таки, что ни говори, – мужики, мужчины… Читали Толстого «Отец Сергий»?.. Вот то-то…

– Кто вы? – внимательно приглядываясь к гостю, спросил Заур, безуспешно стараясь заглянуть ему в глаза, поймать его взгляд, который тот умело прятал, то высматривая что-то в раскрытой тетради на столе, то снова и снова заглядывая под стол, будто желая пересчитать толстые исписанные тетради на полу, то поглядывая на свой высохший уже плащ, готовый принять его.

Кстати, и плащ, висевший на сиротливой вешалке на двери, как и лицо незнакомца давеча, неизвестно когда и как поменял свою форму и теперь был похож на старинные плащи, в которые кутались испанские бандиты и отщепенцы в назидательных рассказах Сервантеса.

Почувствовав испуг хозяина дома, незнакомец придвинул к себе коробку, которую называл бесценным подарком и сказал, обращаясь к Зауру:

– Что ж, приступим к делу. Я и так отнял у вас немало времени, – захихикал издевательски он. – Придвиньтесь поближе. Смотрите.

Незнакомец раскрыл шкатулку, которая при ближайшем рассмотрении оказалась ничего общего не имевшей с табакеркой, и вытащил из деревянной отполированной коробки маленький пожелтевший листочек бумаги.

– Сюда впишете свое имя, – произнес он тоном, не терпящим возражений, и так уверенно, будто уже получил согласие Заура. – И будете вечно жить. Вечная жизнь! А?! Как вам такой подарочек? Здорово я вас ошарашил, а?! Ха-ха-ха! – вдруг залился незнакомец идиотским смехом.

– Кажется, пришла пора вам убраться, – сказал Заур, еле сдерживаясь, чтобы не нагрубить. – Вы для того отняли у меня столько времени, чтобы поиздеваться?

– Ну, насчет времени вы мне не вешайте лапшу, не втирайте, как сейчас принято говорить, не такое уж оно у вас дорогое, вы же законченный бездельник, особенно в последние лет десять, если не считать, конечно, этих ваших довольно странных занятий – исписывания тетрадок непонятно чем и непонятно зачем. Вы поняли, что я вам только что сообщил? Вы станете обладателем вечной жизни, будете жить вечно, бесконечно, оставаясь в таком же виде и в таком возрасте, как в эту минуту, что я с вами разговариваю. Все вокруг вас будут постепенно стареть и умирать, все ваши знакомые, товарищи, друзья, родные, взрослые и дети, кто от преклонного возраста, кто от болезни… а вы будете жить, заведете новых знакомых, может – новых родных, и будете продолжать жить, жить, жить вечно!

…« Я сидел на подоконнике и смотрел на пустынную улицу, залитую солнцем. Напротив окна нашей квартиры росло огромное раскидистое дерево, возле которого мы, мальчишки, обычно играли. Мне было четыре года, и я был наказан за какую-то очередную провинность, и потому не мог выйти на улицу, был заперт дома. Но сейчас и на улице никого не было из детей, потому мне было не очень обидно, что меня заперли, а сами ушли. Я сидел и не знал, чем заняться, фигурки из пластилина, что я лепил, мне надоели, картинки из новой книги я давно уже пересмотрел, мамины драгоценности, дорогие кольца, серьги, ожерелья, которыми я любил играть, когда её не было дома, тоже не вызывали уже интереса, вот я и сидел, скучал… По улице проезжал грузовик с открытым кузовом, я услышал шум

мотора, потом появился и сам грузовик, а в открытом кузове его стояла большая, огромная железная клетка, и рядом стоял мужчина, держась за край этой клетки, и курил папиросу. Грузовик, проезжая, зацепил верхом клетки за ветку дерева и опрокинул её. Каким-то образом человек, куривший папиросу, упал вместе с этой огромной клеткой и оказался под ней. Ему размозжило голову. Я вскрикнул. Это произошло в нескольких шагах от меня, от нашего окна, и я видел, как расплющило голову человека, который только что стоял в кузове грузовика и беззаботно курил папиросу. Ночью я не мог спать, все вставало перед глазами, как упал мужчина и на него свалилась огромная железная клетка, размозжив ему голову, и я не мог понять: как это может быть – вот живой человек, курит папиросу, смотрит по сторонам, видно, что ему доставляет удовольствие, что он едет в кузове грузовика, смотрит на все сверху вниз, чешет щетину на лице и вдруг через секунду – лежит весь в крови, не дышит, не движется, мертвый, мертвый, не человек уже, неподвижное тело… Это потрясло меня. Потом, когда вернулись мои родители и выпустили меня, запертого в квартире, я выбежал на улицу и видел, как дворничиха подметала то место, где раздавило мужчину и смывала кровь из ведра. Уже давно уехал грузовик, приехали и уехали милиционеры, что-то сделав, записав, поговорив, убрали труп с улицы, а следы крови подметала дворничиха, вытирая жалостливые слезы. Но тут мама, узнавшая от соседей, что произошло у нас на улице в её отсутствие, крикнула мне в окно, чтобы я немедленно шел домой…»…

… И тут вдруг будто что-то необъяснимое произошло с Зауром, что-то постороннее вторглось, внедрилось в его сознание, он словно вмиг лишился воли, способности думать; он безоговорочно поверил словам незнакомца, и эти слова уже не казались ему нелепостью, не казались бредом, как в начале разговора, он поверил, что такое может быть, что гость говорит правду, и такое случилось именно с ним, Зауром; и это подарок, бесценный подарок судьбы, подарок Всевидящего Ока, как утверждает незнакомец, и он должен принять его, этот великий дар, потому что из всего человечества, что населяет Землю, оно, Всевидящее Око, выбрало только одного человека – Заура, только его отметило и посчитало достойным такого подарка, и таким образом он, Заур, – избранный. И не его ума дело, почему выбор пал именно на него. Может, из-за его исповедей в тетрадях, где он каялся, каялся и признавал свои ошибки, жалел о подлых своих мыслях, признавал неправедную свою жизнь, хоть жизнь его ненамного отличалась, наверное, от жизней многих миллионов людей, населявших планету. Но он, в отличие от них, от многих и многих миллионов, что, наверное, не задумывались ни на миг о правильности своих жизней, он задумывался и сожалел о многом, о многих своих делах, поступках и мыслях, что теперь не вернешь. И если б была возможность повторить, он бы все исправил, потому что, в отличие от массы людей, которые с фальшивой гордостью произносят избитую фразу: «Если б мне пришлось начать все сначала, я бы поступал так же, я бы прожил точно так же, потому что я ни о чем не жалею в своей жизни», он не поступал бы так же, потому что сожалеет о многом, и многое изменил бы, если б представилась такая возможность. И вот возможность представилась. Ему дарят бессмертие. Дарят вечную жизнь, чтобы он прожил её иначе, чем жил до сих пор, чтобы мог без ложной, фальшивой гордости сказать – да, я живу правильно, и я исправлю все свои ошибки, что совершал до сих пор, буду помогать всем, кто нуждается в моей помощи, протягивать руку слабым и не склонять головы перед сильными. Он думал так, и теперь всем существом своим, всей душой, всем сердцем и кровью поверил, что слова незнакомца – чистая правда, и ему, Зауру, надлежит жить вечно и многое еще увидеть на земле такого, что не смогут увидеть живущие рядом с ним люди.

– Вот здесь, на этом листочке распишитесь, – сказал незнакомец, будто услышав мысли Заура. – Это будет наш с вами контракт.

Внезапно свет в комнате погас, а кто-то, проходя под окном, оглушительно чихнул, но ни гость, ни хозяин даже не обратили внимания на отключение электричества, такое нередко случалось в этой части города.

Заур посмотрел на листок, что незнакомец положил перед ним на стол, и бездумно, словно кто-то руководил его действиями, но в то же время с глубочайшей верой в сердце, как-то вдруг сильно забившемся, громко застучавшем в груди, и, казалось, стук этот был слышен и незнакомцу, с улыбкой следящему за каждым движением руки Заура, шарившего в поисках ручки на столе…

– Нет, ручка не понадобится, – опережая его жест, сказал незнакомец. – Вы пальцем…

– Пальцем? – как сквозь сон спросил Заур, почему-то вовсе не удивившись, как будто это было для него обычным делом – расписываться пальцем.

– Да, – подтвердил гость.

И Заур стал водить пальцем по клочку бумаги, машинально выводя свою подпись. И она появилась, и светилась в темноте комнаты, алая, как кровь. Это и была кровь. Заур стал разглядывать свой палец и никаких следов пореза или укола не разглядел. Тут вспыхнул свет, незнакомец ловко смахнул контракт, подписанный Зауром, обратно в коробку, спрятал коробку в карман и сказал, широко и доброжелательно улыбаясь:

– Поздравляю! С этой минуты вы вступили в бессмертие… Кстати, одна маленькая формальность. Я забыл это сказать.

– А ч…что? – с тревогой спросил Заур, уже беспокоясь о том, что договор, только что подписанный, о – теперь уже страстно, нетерпеливо, всем существом своим ожидаемом – бессмертии, может быть расторгнут из-за какой-то мелочи, ерунды…

…« Я последние несколько дней вспоминаю своего погибшего друга детства. Он уехал из родного города в большой, огромный мегаполис и там в короткое время стал богатым и известным человеком. Он, уезжая, признавался мне: я не вмещаюсь в этот город, он меня сковывает, мне нужен размах, большие дела, а большие дела делаются в больших городах. Он был очень энергичным, импульсивным, авантюристом высшей пробы, рискованным игроком, играл по-крупному, лез в драки, одним словом – был полной противоположностью мне, но это не мешало нам дружить, по-настоящему дружить, и крепкая мужская дружба связывала нас с самого детства до его кончины. Он зарабатывал большие деньги, точнее – делал большие деньги, и его отец, и я, мы были рады за него, за его успехи. Но потом оказалось, что он нажил состояние на темных, опасных махинациях и связался с опасными людьми. Его убили люди, с которыми он сотрудничал, которые давно хотели прибрать к рукам его бизнес. Мы с его отцом ездили в тот огромный город за его телом, привезли, и его отец похоронил моего друга даже не в нашем городе, а в маленьком селе, где он родился. Позже его отец поставил на могиле памятник. Я поначалу порой ездил навестить его могилу, хотя село находилось в горах, далеко от города, и дороги к нему вели ужасные, и редко какой шофер соглашался ехать туда. Но мне было грустно без моего давнего друга. Я стоял на маленьком сельском кладбище, на солнцепеке, и смотрел на памятник. Он был очень похож на моего погибшего друга – такой же порывистый, неугомонный, вечно куда-то рвущийся, вслепую, напролом. Я стоял у памятника и вспоминал наше детство, мне было очень одиноко, может, потому что я редко так близко, как с ним, сходился с людьми, и я думал: вот человек, который ворочал большими делами и большими деньгами в огромном городе, в одном из мировых центров, и вот его конец – он лежит на маленьком кладбище маленького села, о котором даже мало кто слышал. Потом – это несколько раз повторялось – меня вдруг охватывала острая тоска, и ужасно хотелось сорваться посреди рабочего дня, взять такси и по-

ехать к нему на кладбище, но думал, размышлял: чувство, внезапно охватившее меня, так же внезапно могло исчезнуть, испариться, и, поехав, я бы стоял, как пень, у его памятника, ничего не ощущая, с застывшей душой. Но ведь, думал я, с другой стороны, вспомнить и захотеть - это ведь все равно, что поехать… »

… – Да, и в самом деле мелочь, – подтвердил незнакомец мысли Заура и неожиданно вытащил из кармана маленький револьвер и положил его на стол перед хозяином.

– Что это? – невольно отшатнулся Заур, увидев оружие, и только сейчас догадался спросить: – Кто вы?.. Кто вы такой?

– Это неважно. Скажем так: я тот, кто послан, чтобы передать вам такой редкий подарок – бессмертие.

– И чего вы хотите? – с нарастающим беспокойством в голосе спросил Заур. – Какая еще мелочь… осталась? Зачем этот револьвер?

– Ах, ерунда… – отмахнулся незнакомец, улыбнулся и с улыбкой продолжил. – Этот пункт обговорен в нашем контракте: можете убедиться.

И он снова полез в карман за коробкой, в которую уложил лист, вытащил его, но теперь маленький кусочек бумажки, на котором расписался кровью Заур, превратился в огромный лист папируса, который незнакомец все разворачивал, разворачивал, пока не добрался до красной светящейся подписи хозяина дома, венчавшей многие пункты, перечислявшиеся в контракте.

– Вот, сами убедитесь, – повторил незнакомец. – Я от себя ничего не добавляю. Не имею права. Мое дело – доставка. Читайте.

Заур склонился над огромным листом желтого пергамента и увидел каллиграфически красиво выписанные незнакомые знаки, множество невиданных доселе иероглифов.

– Ну, ладно, – сказал незнакомец. – Я вижу, вы абсолютно безграмотны. Я вам помогу.

И он, взяв лист, стал что-то быстро и нечленораздельно бормотать, и как Заур ни прислушивался, ему не удавалось ничего понять. Он сидел растерянный, не понимая, что происходит, и теперь беспокоясь лишь об одном: чтобы обещанное бессмертие, в которое он так страстно поверил и которого до дрожи в поджилках жаждал, не было бы у него отнято. Он, казалось, на все мог бы пойти, чтобы договор между ним и незнакомцем, который он только что подписал, оставался бы в силе. Он скользнул вороватым взглядом по револьверу на столе и невольно подумал – если б пришлось ради обещанного бессмертия убить этого незнакомца… Он бы мог… наверное, смог бы…

– Нашел! – обрадовано воскликнул незнакомец. – Да вот и главный пункт в самом конце. Чтобы стать бессмертным, вы должны… вы должны… – он склонился к контракту, принявшему непостижимым образом такие огромные размеры, – должны… – незнакомец, ёрничая, словно плохо видел, потер глаза и уставился в незнакомые иероглифы, приставив два кулака к глазу в виде бинокля. Заур тоже невольно склонился к папирусу и заметил, что буквы, или знаки, теперь поменяли свою форму, стали совсем другими, но более знакомыми от этого не сделались.

– Вот! Нашел! – повторно объявил незнакомец. – Должны убить одного… всего лишь одного человека… Человечка… Но этот человек должен быть вашим близким… то есть, необязательно совсем близким, ну, скажем, каким-нибудь дальним родственником, или старым приятелем, которого вы давно уже потеряли из виду… У вас же наверняка есть такие?

– Убить?! – ужаснулся Заур, в последние минуты уже предчувствуя, что какую-нибудь невыполнимую задачу перед ним поставят, придумают какую-то каверзу, чтобы отнять уже почти заработанное бессмертие, уже подписанный договор, уже…

– А что такого? – невозмутимо произнес незнакомец. – Почему вы так реагируете? Пустяк же… Подумайте только – какая маленькая плата за такой бесценный, огромный подарок, какой выпал на вашу долю из миллиардов людей! Подумайте, проникнитесь этой мыслью, и вы согласитесь, что это пустяк, о котором и говорить долго не стоит… А кандидатуры просто напрашиваются на то, чтобы вы их убили. Вспомните: вот, скажем, ваш дядя, ему девяносто три года, он парализован и обитает, я сам не говорю – живёт, потому что это не жизнь, а каторга – обитает в приюте для престарелых, где обходятся с ним, как с животным, он страдает, ходит под себя и к нему сутками никто не подходит, он мечтает о смерти, и если бы у нас, то есть, у вас была бы разрешена эвтаназия, он с радостью дал бы согласие… Ну так возьмите на себя это благородное дело. Его дети давно покинули его, живут в Америке и даже не вспоминают об отце и дедушке… У других родственников нет возможности забрать его из приюта и приглядеть за ним, одни по материальным соображениям не могут, вторые по состоянию здоровья, третьи просто не желают лишних проблем. Так что старику смерть – избавление от мучений… Или, скажем, есть у вас дальняя родственница, тоже старая, неизлечимо больна и смерти ждет не дождется, и родные её тоже не дождутся, когда она освободит комнату в квартире и избавит их всех от забот, даст нормально жить… Помочь им – благородное дело… Да! Забыл сказать! Вы ведь живете в правовом государстве, наверное, думаете о наказании, которое последует вслед за преступлением. Так вот, Достоевский, – не думайте. Дарующий вам бессмертие позаботится об этом. Всевидящее Око берет все формальности на себя. Никто и знать не будет, что вы убили. Все сделается шмыг-шмыг, тип-топ, шур-мур! Ну, как?... Что вы скажете? Хорошенько все обдумайте, не аннулируйте такой прекрасный контракт из-за какой-то мелочи, второго шанса у вас не будет.

Заур слушал незнакомца-искусителя, не отрывая взгляда от револьвера, и со многим соглашался мысленно, но… убить… убить живого человека, даже если он полуживой, даже если он жаждет смерти… Разве это его дело? У него рука не поднялась бы…

– Но это ведь так легко, – с досадой, видя колебания Заура, сказал незнакомец, взяв со стола револьвер, – просто нажать на курок…

При этих его словах в комнате неизъяснимым образом появился старик в полуразвалившейся инвалидной коляске, и сам он был полуразвалившимся, и часто, как животное, хрипло дышал, и смердил, и от него жутко воняло, и подслеповатые глаза его, уставшие смотреть на этот мир, были опущены вниз, уставились на мокрые, кое-как надетые штаны, и, заметив Заура, он поднял на него умоляющий взгляд, не видя, не узнавая, но моля о смерти того, кто бы ни был перед ним.

Незнакомец выстрелил старику в голову, и голова, как у тряпичной куклы, свесилась на тонкой, давно не мытой шее еще ниже. И казалось, вздох облегчения вырвался из тощей груди убитого.

Заур вздрогнул, ахнул, но вместе с выстрелом почти тут же исчезло жуткое видение.

– Просто нажать на курок, – повторил незнакомец, вновь кладя револьвер на стол перед Зауром.

Заур сидел, поставив локти на стол, обхватив голову руками.

– Бессмертие, – тихо, коварно улыбаясь, проговорил незнакомец, напоминая.

Заур ничего не ответил. Незнакомец не торопил. Выждав большую паузу, он тихо, вкрадчиво спросил:

– Хотите расторгнуть договор?

– Н-нет, – не сразу ответил Заур.

– Вот и хорошо, – сказал незнакомец. – У вас трое суток… до бессмертия.

– Как? – не понял Заур, терзаемый множеством противоположных мыслей в голове.

– Вы должны сделать это, – незнакомец кивнул на револьвер. – За три дня. Тогда наш контракт заработает.

Заур немного подумал и сказал.

– Мне бы хотелось… Если можно… какие-нибудь доказательства… Существенные… Видимые. Так сказать – гарантии.

– Это можно, – охотно согласился незнакомец. – Встаньте и снимите штаны.

Заур опешил.

– Делайте, что говорят, – приказал незнакомец.

Заур повиновался.

– Посмотрите в зеркало, на место шрама от удаленной почки, – сказал незнакомец.

Заур посмотрел на место, где обычно находился уродливый, безобразный шрам от операции по удалению больной почки, что прошла три года назад, и шрам прямо на глазах стал таять, таять, исчезать и исчез бесследно, будто и не было его вовсе.

– А?! – воскликнул он, не веря глазам своим.

– Ваша почка на месте, – сказал незнакомец. – Новенькая, здоровая… Этого достаточно?

– А?! – закричал Заур, он все еще не мог прийти в себя от изумления.

– Но учтите, – предупредил незнакомец. – Если нам придется расторгнуть договор, вы окажетесь в том же состоянии, что и были: без почки, через три года после операции и, разумеется, – никакого бессмертия.

– А?! – произнес Заур, будто потеряв дар речи, осмысливая слова незнакомца, и вдруг словно очнулся от забытья, навязанного ему, казалось, чужой силой извне, и спросил: – Вечная жизнь… А как я буду проживать эту вечную жизнь?

«Так же убого, как прежде? – хотелось спросить ему, но он вовремя остановился, и сквозь безволие прорвалось сознание реального, и он подумал: – Что я делаю?! Ведь это именно то, чего я избегал, что я старался уничтожить в себе все последние годы, от чего хотел избавиться! Зачем мне?..»

Но незнакомцу, как видно, вопрос понравился, он хитро ухмыльнулся, при этом его фантастически подвижную рожу вновь перекосило так, что нельзя было узнать его.

– Каждый живет той жизнью, которую заслуживает, – сказал незнакомец, но, видимо, не желая заканчивать разговор с хозяином дома такой избитой истиной, продолжил с некоторым воодушевлением: – Впрочем, вечная жизнь дает неограниченные возможности. Внешность у вас вполне приличная, она так же останется вечной, и, кто знает, при определенном терпении – а спешить вам будет некуда и незачем – глядишь: лет через шестьсот – ап! – и вы – хозяин мира.

Зауру понравились эти слова, но все чувства, которые явно навязывал ему посланец, приходили в противоречие с тем, как он решил построить свою маленькую, тихую жизнь. Было слишком соблазнительно то, что предлагал посланец, но в то же время он, Заур, как раз стремился к противоположному – стать лучше, чище, добрее, убить в себе тщеславие и, уходя из этого мира, оставить после себя то, чему посвятил последние годы, то, что могло бы пригодиться хотя бы одному человеку. А неограниченные возможности вечной жизни давали повод проснуться жажде славы, наживы и богатства, жажде первенства, стремлению повелевать, одним словом – проснуться всем тем качествам, что так трудно изжить, и что он старался забыть, стереть из памяти, уничтожить в себе… Но опять же – вечная жизнь… И он уже подписал контракт… И может, на самом деле убить, вернее, помочь мечтавшему уйти из жизни человеку окажется не таким уж трудным делом? – снова безвольно подумав, успокаивал себя он.

– Я покидаю вас, – сказал посланец, и Заур, забывший о его присутствии, будто очнувшись, увидел его в комнате. – Я и так потратил на вас слишком много времени. Не забудьте – три дня.

…«Хочу, чтобы меня оставили в покое. Уже хотят избавиться от меня, как же – пенсионный возраст. Если будут гнать на пенсию, уйду, никого не буду просить, ничего не буду предпринимать, чтобы остаться, хотя мне интересна эта работа, я в этой фирме тружусь по специальности, и вроде бы ценят мой опыт, но надо уступать дорогу молодым, что ж… Думаю, я не буду скучать, буду продолжать свои записки»…

… Заур приподнял, оторвав от стола, тяжелую голову, посмотрел вокруг, никакого незнакомца в комнате не было, ему показалось, что все это ему привиделось, он спал и видел такой причудливый сон, но не успел он додумать эту жалкую, трусливую мыслишку, как взгляд его наткнулся на револьвер на столе, который оставил гость. Он отпрянул испуганно. Но тут же, вспомнив, торопливо спустил брюки и посмотрел в зеркало: никакого послеоперационного безобразного шрама на месте удаленной почки он не увидел, да и ощущение было необычное – он чувствовал себя гораздо лучше, чем раньше. Мысли путались в голове. Кто это был? Запоздалая догадка намекала на то, чему не хотелось верить. От кого этот посыльный? Что это за Всевидящее Око, что послало его к нему, чтобы одарить так щедро? И почему он обязательно должен убить кого-то? Разве можно за счет несчастья другого обрести счастье? Древний вопрос… Многие отвечают на него положительно. С другой стороны, ведь посыльный убеждал его, что убийство это будет во благо убитому, и в итоге он сделает доброе дело, освободив больного, умирающего человека от бремени постылой жизни… Мысли клубились в голове, как клубок змей, казалось, череп вот-вот расколется. Заур обхватил голову руками, стиснул виски. Что-то чужое в голове у него, что он отчетливо ощущал и чему не мог противиться, настойчиво, навязчиво внушало, что он должен принять подарок, должен соответствовать подписанному контракту, иначе он утратит свой фантастический, сказочный шанс, должен убить, убить, убить!.. Он притронулся к холодному, короткому стволу револьвера и тут же, будто обжегшись, отдернул руку, потом еще раз, уже более уверенно, прикоснулся к оружию, погладил рукоять, взял револьвер в руку, ощутив его приятную тяжесть, осмотрел барабан, полный пуль, ощутил набитость револьвера смертями, смертями… Ему никогда не приходилось иметь дело с такого рода оружием, но взяв его в руки, Заур, к своему удивлению, уверенно обращался с ним, высыпал патроны из барабана, оттянул курок и проверил его жесткость, вновь набил барабан патронами; казалось, руки сами помнили то, чего никогда не делали; и все эти манипуляции он проделывал словно по чьей-то подсказке, выполняя чью-то волю, но это, как ни странно, не вызывало никакого неприятия, наоборот, было в какой-то мере приятно, и мысли о вечной жизни, словно навязчивая, дешевая песенка, от которой никак не можешь избавиться, вертелись в голове, соблазняя, заставляя повиноваться, и он чувствовал свое безволие, будто его лишили сил именно эти мысли, очень жесткие, властные, с железной логикой, на которые трудно было что-то возразить. Но вскоре, тем не менее, проснулись в Зауре на короткий миг возражения, еще более веские, чем эти прилипчивые мысли о соответствии договору между ним и Всевидящим Оком, доставленному таким странным посыльным, умеющим изменять свой облик, свое лицо, даже свою одежду, умеющим показать будущую картинку так, словно это на самом деле происходит. И невозможно было отделить реальное от виденного, представленного посыльным. И возражения, просыпавшиеся в Зауре, тоже твердили ему одно и то же, но твердили о самом главном, самом важном, что не давало ему покоя. Он, словно сквозь сон, разрывая навязанное извне безволие, старался помыслить, подумать сам, самостоятельно, и мысли эти были неутешительными.

Убить человека, убить кого бы то ни было, пусть даже человека, мечтающего о смерти, зовущего смерть, но человека! Человека! И как мне потом жить с этим, как жить с таким грузом на душе, с таким камнем, а тем более – целую вечность?!

Ведь я знаю себя, не зря я исписал столько страниц, столько тетрадей, ведь все это обо мне, изучая себя писал, анализируя, познавая себя, и как я буду в дальнейшем жить с сознанием, что убил безвинного человека?.. Даже если он молил о смерти… Разве мне решать, кому и когда умереть? Если б я еще ненавидел его, был страшно зол на него за то, что он подло, несправедливо обошелся со мной когда-то… Но ненависть и чувство злости я изжил в себе, уничтожил постепенно с тех пор, как стал вести свои записи и почти перестал общаться с людьми. И это стоило мне большого, невероятного труда. Эти записи и послужили мне для воспитания чувств, для того, чтобы сделаться лучше, прощать врагов, даже любить врагов, которых у меня было не меньше, чем у любого другого нормального человека, но я переступил через это, я понял, что любовь делает нас чище, лучше, делает нас Человеками. Я изжил, уничтожил в себе многое подлое, гадкое, низкое… Но не все, конечно… Не все. Не изжил честолюбия. Может, единственное негативное, противное сути свободного, раскрепощенного человека, что осталось во мне. И эти записи – хоть и не признавался самому себе и не хотел думать об этом – я вел с тайной целью, что, может, когда-нибудь это будет опубликовано. И потому, наверное, как бы честно ни старался писать, порой невольно проскальзывало украшательство, я приукрашивал прошлое, видел его в ярких цветах, а себя – ну, если и не героем, то кем-то близким к этому: что ж, когда ничего не ждешь от будущего, неплохо бы немного приукрасить прошлое, тем более, что и фантазия делала свое дело, полузабытые дни возводила в степень незабываемых… Но не все плохо было в этом тайном, подспудном, упрятанном очень глубоко во мне честолюбивом желании когда-нибудь увидеть мои труды напечатанными. Это могло бы помочь людям, вдруг пожелавшим стать лучше, чище, как однажды это желание, очень сильное, страстное, пришло ко мне. И люди могли бы учиться на моем примере. Конечно, люди – не ангелы, и я не заблуждаюсь ни на их счет, ни на свой, но если б нашелся хоть один человек, потом еще и еще… И люди могли бы не повторять моих ошибок, моих неправедных поступков и мыслей. Любовь их останавливала бы, предотвращала низкое. Нет, видимо, не одно тщеславие и честолюбие, но и явное желание принести пользу тем, кто мог бы прочитать мою жизнь, руководило мной, водило моей рукой.

Но вновь и вновь мысли об обещанной вечной жизни оттесняли эти благие намерения не идти против своей совести, нарушить контракт, швырнуть его в лицо, в этот фантастически меняющийся лик соблазнителя-посыльного, когда он придет еще раз. И снова звучали эти мысли в голове, не давая покоя, как навязчивый пошлый мотивчик, который хотелось забыть, разбавить, оттеснить другой, яркой, красивой мелодией, как бывает, когда хочешь перебить неприятный вкус во рту, оставленный случайно съеденной некачественной пищей.

Два дня, не выходя из своей комнаты, Заур думал, размышлял, то бросаясь к револьверу, играя им, как заправский стрелок, то отбрасывая его от себя прочь, хватаясь за голову, разрывавшуюся от противоречивых мыслей. И снова упорно стучало в голове, лишая его воли: вечная жизнь, вечная жизнь, бессмертие… И он слышал эти слова, будто бы произнесенные голосом посыльного, навестившего его два дня назад и перевернувшего всю его жизнь, отнявшего спокойствие, сон, мечты, размеренное существование… Но, с другой стороны, вдруг – как ножом отрезало – он чувствовал себя отлично, не было прежних проблем со здоровьем, недомоганий, как бы и не было груза семидесяти с лишним лет, как бы и не было всяких мелких болячек, вот уже лет десять настойчиво дававших о себе знать и заставлявших лечиться у не очень умелых врачей; и главное – совершенно исчезла проблема с почкой, он чувствовал себя превосходно, проблема начисто отпала, и, естественно, не хотелось терять это чувство, это ощущение здорового тела, крепкого организма.

Ночью он спал беспокойно, просыпался и вновь засыпал, впадая в неглубокий чуткий сон, будто под наркозом терял сознание, но не терял ощущения реальности.

Однако прерывистый сон, жуткое видение вновь и вновь повторялось: он видел себя в инвалидном кресле с трясущейся от слабости и груза лет головой, в мокрых брюках, распространявших острый запах мочи… и видел в руке у себя револьвер, оставленный незнакомцем.

На третий день, наконец, обретя чувство реальности и времени, Заур вышел из дому с непривычной двухсуточной щетиной на впавших щеках…

… «Я зря потратил свою жизнь. Теперь я это понимаю, как бы ни прискорбно было признавать такое. Но что изменишь? Надо было любить: в этом спасение и предназначение человека. Любить жизнь и все, чем она заполнена до краев. Любить без оглядки. Беспричинно. Без всякого повода. Любить. Теперь я это понимаю, и я могу, я готов, душа моя созрела и готова, готова излить свет любви на всех и на все… и если б вдруг мне представилась возможность… начать все сначала, если б передо мной открылась фантастическая, несбыточная, невероятная возможность…»

… Приют для одиноких стариков находился в сорока километрах от города, в крупном поселке, и в автобусе, который, игнорируя остановки, тормозил и дружелюбно распахивал дверцы для любого пассажира, где бы тот ни стоял, Заур стал вспоминать и вспомнил, что навещал своего дядю Ягуба в последний раз лет семь назад, и в то время старик был вполне в здравом уме и по своей привычке не жаловался на жизнь в доме престарелых, а только интересовался родными, потому что никто из них не давал о себе знать, ни близкая родня – дети и внуки, проживавшие в чужой, далекой стране, ни дальняя, жившая поблизости. И Заур пообещал старику, что будет периодически навещать его, но в то время он еще работал, недавно перешел из государственного учреждения в частную фирму, где в поте лица трудился над архитектурными проектами, работая по своей специальности, очень дорожил своей работой, не хотел её терять, вследствие чего был загружен и перегружен делами, работая за троих, а получая, естественно, за одного только себя. И потому обещание, данное дяде Ягубу, как-то забылось, заваленное бытовыми заботами, стерлось из памяти, а когда вспоминалось, все дальше и дальше откладывалось, все думал – успеется. А выйдя окончательно на пенсию, занялся своей писаниной, своей исповедью, своей душой, и так это дело его затянуло, как еще ни одно за всю жизнь не затягивало, и он окончательно ушел в себя, стал увлеченно копаться в себе, познавать себя, все дальше, все глубже, убеждаясь постепенно, что человеческая душа – это целая вселенная и нет ей конца, нет края… Он был честен с собой, старался не приукрашивать прошлое, что давалось нелегко, не придумывать и не врать, а писать все, как было, и отвечать перед своей совестью, и все-таки временами подумывал… а что, если опубликовать? Ведь с годами труд стал огромным, отчасти познавательный был материал в смысле практическом, отчасти – и в большей степени – моральной стороной был богат, поучительством, как следует жить, как вести себя в этой жизни, как оставить свой добрый след на земле… И все такое… О том, что такой материал может быть скучен для читателя и наверняка вызовет недоумение и неприятие издателей, если попробовать напечатать его, автор, будучи непрофессиональным писателем и не имея понятия о тонкостях этого ремесла, как-то не думал. Но, тем не менее, ушел в это дело с головой, а о живых людях забывал, значит, в том числе и о дяде Ягубе, которому было очень необходимо его внимание, хотя при встрече он ни словом об этом не обмолвился, а вел себя, напротив, вполне независимо, будто ни в чьей заботе не нуждался.

Заур давно, еще в пору своей глупой юности, не достигнув даже двадцати одного года, был женат, но его брак не просуществовал долго, погиб, можно сказать, прямо в зародыше, не успев развиться: через год родители – и его, и девочки, – со

страшным скандалом рассорились и развели молодых, потому как ожидания родителей девочки, весь прошедший год помышлявших о материальных благах и практической помощи со стороны родителей Заура, не оправдались; материальные блага обошли их стороной, отца Заура сняли с высокой, престижной и высокооплачиваемой должности, мало того – арестовали за превышение полномочий и взятки, и семья распалась, как родительская, так и молодая семейная пара: еще толком не полюбившие и не привыкшие друг к другу, они вынуждены были разойтись. Нельзя было сказать, что семья девочки была из низших слоев общества, напротив – отец её был профессор математики и преподавал в университете, но в материальном отношении её семья значительно уступала семье Заура; и алчная, с далеко задуманными планами мать девочки, с самого начала рассчитывавшая на щедрые дары, которые посыплются на них с заключением брака дочери, была вне себя от ярости, когда выяснилось, что поднимать их благосостояние никто и не собирается. Она и была инициатором развода, а тут как раз подоспели и невзгоды в семье мальчика, так, будто по заказу, словно время для мести с её стороны было рассчитано, и месть за несоответствие её чаяниям и надеждам не заставила себя ждать – отца Заура сначала уволили с занимаемой должности, а вслед за тем арестовали. Думали даже – наколдовала стерва, порчу навела, неприятности и беду призвала… И вот – дети развелись. Это, на первый взгляд, не такое уж, впрочем, редкое событие сильно встряхнуло и подействовало на молодого человека, и в дальнейшем он стал настолько осторожен, что уже ни разу не женился; однако вполне активно вел свою мужскую житуху и имел на различных периодах этой житухи немало любовниц, но к своему, уже пожилому возрасту из-за необщительного характера был покинут всеми, кто еще держался рядом: с родственниками не общался, друзей-товарищей молодости утратил и, естественно, остался один, без семьи, без возлюбленной, без любовницы, без жены, без детей, без близкого человека, без кола, без двора, потому как копить материальные блага он, в отличие от покойного родителя, все еще не научился и, довольствуясь малым, всю свою одинокую жизнь тратил на себя только то, что зарабатывал, то есть – зарплату. А как можно было процветать и жить богато на одну зарплату? Так что – не процветал… И в итоге остался один, довольствуясь своей неудобопроизносимой пенсией. И эти его заметки, эта писанина в какой-то мере была для него отдушиной, заменяла ему родных и близких, заменяла общение с людьми, и, выйдя на пенсию, он постепенно одичал, не ощущая никакой потребности в живом общение с людьми, знакомыми и незнакомыми. И фактически о заброшенном на чердаке памяти дяде Ягубе, пребывавшем в плачевном состоянии, напомнил ему посланник, а так он сам вряд ли вспомнил бы, уйдя в себя, уйдя с головой в свои записки, которых набиралось уже на несколько добрых томов. Да, он навещал своего родного дядю, всего раз… или два, теперь уже точно не вспомнишь, и тот тогда еще не был в инвалидной коляске, как два дня назад показал ему незнакомец. А может, думал Заур по дороге, ощупывая в кармане револьвер, вся эта его писанина, которой он так дорожит и которой предрекает долгое и блестящее будущее, и гроша ломаного не стоит против того, что он мог бы сделать для живого человека? Может, он просто внушил себе, что занимается чем-то важным, очень важным для себя и для многих людей, что могли бы воспользоваться плодами его труда. Кто знает?..

Бессмертие… Вечная жизнь… Хозяин мира… Я, можно сказать, ничего не добился в своей жизни, – думал Заур, – ни славы, ни денег, и здоровье растратил… Но не могу сказать, что недоволен своей жизнью. Сейчас я занимаюсь любимым делом, как бы это смешно и нелепо ни выглядело со стороны. Я доволен тем уровнем жизни, которым живу, которому соответствую. Я на этом уровне комфортно себя чувствую. Но гораздо более высокий уровень… конечно, кто может отказаться?.. Вечная жизнь, и однажды ты – хозяин мира… Но мне хватает ума и воображения, хоть я никогда не был хозяином не то что мира, но даже более или менее хорошей, удобной квартиры,

мне хватает воображения, чтобы представить и понять, что как только человек добивается всего, он начинает понимать всю тщету и суетность, всю бесполезность своих многолетних, а может – если не врет посланец – многовековых усилий, потому что он не добивается счастья, спокойствия и счастья, единственного и главного, к чему надо стремиться в жизни, а без этого главного все усилия – суета и зияющая пустота, хоть ты и хозяин мира. И вместо счастья на тебе, как на хозяине, огромная лежит ответственность, громадная ответственность… И разве это стоит того, чтобы убить человека?

«Сейчас не о том думать надо! – вдруг ворвался в его мысли посторонний голос. – Не о том. А о главном. О даруемом тебе, дураку, бессмертии. Подумать только – бессмертие! Вдумайся только в это слово, в это понятие – бессмертие!»

– Бессмертие! – восхищенно, безвольно пролепетал Заур, и сидевший рядом с ним пассажир в автобусе удивленно оглянулся на него.

И Заур поглядел мельком на соседа… и почудилось ему что-то знакомое в чертах лица… но нет… ошибся…кажется… Посмотреть внимательнее в лицо соседа он постеснялся.

Дом престарелых вполне соответствовал своему названию: полусгнивший деревянный пол под ногами с облупившейся ядовито-бордовой краской, облупленные стены в коридоре, исписанные непонятно кем и непонятно зачем, если принять во внимание, что контингент дома давно уже забыл о таких шалостях, как писание на стенах непотребных слов; из всех щелей покосившихся окон дуло и надувало толстые слои пыли на подоконники, стекла окон будто не вытирались и не мылись лет сто. Видимо, не находилось ни одного доброго, богатого спонсора для восстановления такой разрухи. Мимо прошли две старушки, о чем-то сердито переговариваясь. Он остановил их и спросил, где можно найти дядю. Они молча указали вдоль коридора и молчали, следя за ним, пока он не отошел от них и не пошел в указанном направлении, потом так же молча продолжили свой путь, очевидно, забыв, о чем говорили минуту назад. Заур стал поочередно открывать двери комнат, в которых находил по нескольку человек, то стариков, то старух. Не все были преклонного возраста, попадались и просто пожилые люди, которым, видимо, негде было жить. Но дяди ни в одной из комнат не было. Заур обнаружил его в конце коридора у стены. Дядя Ягуб дремал в своем инвалидном кресле, одно колесо которого было сломано, и непонятно, как оно передвигалось. Заур постоял возле дяди, дожидаясь его пробуждения, не в силах подойти поближе, потому что от старика остро пахло нечистотами. Никого из персонала не было видно поблизости, ни поблизости, ни в отдалении.

– Дядя, – негромко позвал старика Заур. – Дядя Ягуб.

Старик сонно тяжело разлепил веки, поднял мутный, погасший взгляд на стоявшего рядом человека, видя только размытый силуэт, не узнавая…

– Доктор, – еле слышно выдохнул он и, устав, вновь задремал, впал в забытье.

– Дядя Ягуб, это я, ваш племянник, – чуть громче и настойчивее произнес Заур.

– Доктор? – вновь повторил старик неуверенно.

Пришлось подойти поближе, и Заур еле сдержался, чтобы не заткнуть нос от жуткого запаха, что распространял старик: из носа его вытекала жидкость, застыв возле верхней губы, слезы из глаз застряли в глубоких морщинах щек, он часто, хрипло дышал и все старался поднять свой потухший взор, чтобы разглядеть долгожданного доктора.

Зауру стало нестерпимо жаль старика, но вонь от него не давала этой жалости развиться в какое-нибудь действие, в котором старик наверняка нуждался и которого ждал. И тут вдруг его пронзила неожиданная и непрошенная мысль: что все эти тетради, которые годами он исписывает словами, делясь с самим собой благими намерениями и мыслями, вся эта исповедь доброжелательного человека, желающего спасти человечество на своем примере, сделать людей чуть добрее и гуманнее, что

все это и гроша ломаного не стоит в сравнении с тем, чтобы помочь живому, нуждающемуся в помощи человеку. Забрать его отсюда, из этого дома, где никто за ним не присматривает, никто его и за человека не считает.

Тут как раз, словно желая подтвердить его мысли, прошла мимо санитарка с полным горшком нечистот, и Заур обратился к ней.

– Врач может его осмотреть? Я его племянник. Здесь есть врач? А искупать его можно? Я вам заплачу…

Из всего сказанного санитарку, видимо, заинтересовала только последняя фраза Заура, она придержала шаг, но, взглянув на старика, продолжила свой путь, даже не посчитав нужным ответить на вопросы незнакомого посетителя.

Однако мысль о помощи дяде, прорвавшаяся сквозь трехдневное безволие, вновь была опрокинута и заслонена другой, более трезвой мыслью об обещанном бессмертии, и Заур, сунув руку в карман, обжегся о холодный металл револьвера.

«Чем я могу помочь ему в таком состоянии? – подумал он. – Только хуже сделаю. И испорчу себе остаток жизни. А если старик проживет еще несколько лет? Это значит превратить свою жизнь в кошмар, в настоящий ад… Жить с ним в моей комнатушке, убирать за ним, мыть его тело, которое не стоит на ногах, убирать за ним нечистоты… Бррр!» От одной этой мысли ему сделалось не по себе, и он крепче сжал в кармане рукоять револьвера, которая так и сливалась с рукой, так и напоминала о себе, так и провоцировала, так и кричала безгласно: вот он я, используй меня, воспользуйся мной, я здесь, у тебя в кармане!

И он снова поверил в нужность, необходимость своих тетрадей, исписанных мелким аккуратным почерком, спокойным, ровным, округлым, говорящим о стабильности жизни, его существования, об уверенности в том, что даже если небогато, не все необходимое имея, но жизнь его течет в нужном направлении, и ставить плотины, перекрывая это течение, – неразумно. Тем не менее чувство жалости еще не совсем истаяло в его груди, и он придвинулся поближе к старику.

– Дядя Ягуб, – сказал он. – Это я, Заур, твой племянник, сын твоего брата Гусейна. Посмотри на меня.

Старик вновь с усилием поднял голову и разлепил веки, причем из глаза вытекла одинокая слезинка и застряла в морщине лица.

– Ты, Гусейн? – спросил неуверенно старик, отдохнул и после паузы, которую Заур решил не нарушать, продолжил с усилием. – Разве ты не умер? Или мы уже вместе?..

– Нет, нет, – решил вмешаться Заур, пока старик не нагородил чуши или не заснул окончательно. – Я его сын. Сын.

– Сын? – произнес старик давно забытое слово. – Разве у тебя есть сын?

– Как ты живешь? – спросил Заур, понимая всю нелепость своего вопроса: какая здесь у старика может быть жизнь, но не спрашивать же, как ты существуешь?

– Долго рассказывать, – не сразу, после затянувшейся паузы, проговорил тихо старик. – Умереть хочу, – признался он без всякой видимой горечи и печали.

Заур насторожился – было похоже, что тут проглядывает вмешательство посланца, внушающего… но как? Где он? Откуда диктует старику, что сказать, и диктует ли на самом деле?

А старик, отдышавшись после произнесенных слов, вдруг спросил:

– А сколько я уже на свете? Сколько мне, Гусейн?

– Девяносто два или три, – подумав, ответил Заур.

– Это много? А когда люди умирают?

– Да, – сказал Заур. – Это много.

– Тогда скажи им, что я готов… что я хочу… умереть…

И эти слова старик тоже произнес очень легко и просто, словно просил почесать ему спину, не было печали в его голосе.

– Скажи, Гусейн… – и он снова замолчал, тяжело дыша, будто каждый вдох давался ему с трудом.

Заур терпеливо ждал продолжения, не лез с вопросами, чтобы не сбить старика, пусть говорит. Ждал, как палач, ожидающий, когда приговоренный положит голову на плаху. Эта мысль молнией пронеслась в голове у Заур, но ничто не шевельнулось в безвольной душе его.

– Скажи… Я там увижу свою Хадиджу? А?.. Как ты думаешь?

Заур не стал торопиться с ответом, чтобы его слова прозвучали как можно весомее.

– Да, – сказал он уверенно. – Увидишь. Она давно тебя ждет.

Жалкое подобие улыбки показалось на губах старика, он пошамкал беззубым ртом, будто пробуя что-то на вкус, проглотил скатившуюся до рта слезу и произнес, заметно волнуясь, будто уже в ожидании радостной долгожданной встречи.

– Увижу… – и прикрыл глаза, видимо, устав от пережитого сейчас волнения, задремал, но через минуту проснулся и сказал: – Тогда скажи им, чтобы поторопились… Я хочу уйти.

Заур воровато оглянулся – коридор был пуст, и ни звука не доносилось из-за закрытых дверей комнат проживающих здесь одиноких, одиноких, бесконечно одиноких людей, будто все здесь сговорились не мешать встрече старика с племянником.

Заур вытащил револьвер, подошел вплотную к креслу старика и приставил оружие к его виску.

– Я хочу уйти… – произнес старик, не видя, но словно одобряя его намерение.

И тут непрошенное, давнее воспоминание встало перед взором Заура: он вспомнил себя ребенком, ему было лет пять или шесть, и дядя Ягуб приехал к ним в гости на мардакянскую дачу вместе со своей женой Хадиджой. Они были прекрасной парой, и все ими любовались, восхищались, восторгались… и они любили друг друга, и Заур вспомнил, как дядя Ягуб ласково говорил с женой, целовал ей руку, хотя в их кругу это не было принято, многие посмеивались над таким проявлением чувств, но дядя не обращал внимания, он был молод и красив, и жена его Хадиджа была молода и красива, и они любили друг друга так, что можно было позавидовать, любовь переполняла дядю, и он готов был делиться своим счастьем со всеми, кто был за столом на этой даче, со своим братом, с его женой, с родными и близкими и даже с ним, малышом, дядя готов был делиться переполнявшим его чувством, переполнявшей его жизнью; он помнит, как дядя вдруг ни с того, ни с сего заграбастал его, малыша, стал подкидывать высоко, так что Заур визжал от восторга, а все думали – от страха, и старались урезонить дядю, чтобы он прекратил, а потом дядя Ягуб расцеловал мальчика в обе щеки и усадил на место. Дядя был рад и горд, что у его старшего брата есть дача, что в те годы не многие люди, если только они не выдающиеся деятели культуры или науки, или не высокопоставленные чиновники, каким и был его брат, могли себе позволить; он с комически важным видом водил за руку свою молодую жену Хадиджу по маленькому садику, срывал для неё с веток, свесившихся от тяжести плодов, теплые, напоенные солнцем абрикосы, просил открыть рот, и жена его, смеясь, отталкивала его руку с абрикосом, предварительно вытертым дядей о рубашку. Счастье переполняло молодого дядю Ягуба, и он готов был щедро им делиться со всеми, кто хотел и кто не хотел… И еще вспомнил Заур похороны Хадиджи, жены дяди, умершей от тяжелой болезни, ему уже было лет пятнадцать, и он видел, как дядя был убит горем, как он сидел, безжизненно свесив голову, а все подходили к нему и что-то говорили, а он – тогдашний дядя как живой предстал перед глазами Заура – сидел неподвижно, как мертвый, и очень напоминал дядю Ягуба сегодняшнего, что влачит жалкое существование в приюте для одиноких стариков, в инвалидном кресле…

Заур поднял руку с револьвером, приставил короткий ствол к виску старика… что-то извне ломало его волю, не отпускало, притягивало его руку с оружием – палец на спусковом крючке – к голове старика, он старался опустить руку, помогал другой рукой, хотел спрятать, убрать револьвер, будто приросший к ладони, но рука, как неживая, как деревянная, не подчинялась его воле, сломленной его воле, разбитой, расслабленной его воле, жидкой, как грязь... Он весь напрягся, все тело сейчас готово было прийти на помощь руке – плечи, шея, голова, ноги – все в нем изо всех сил напрягалось, чтобы опустить руку, убрать её от головы старика…

Дикий, нечеловеческий вопль страдания вырвался из горла Заура… И тогда вдруг все вокруг зашевелилось, будто ждало этого, как сигнала, захлопали двери комнат, вышли в коридор люди, заковыляли старики и старухи по коридорам, зашмыгал мимо медперсонал дома, который до той минуты словно прятался по углам, все зашумели, заговорили громко, а какой-то старушечий голос запел в конце коридора, и песня эта чудесным образом перекрывала весь шум, вдруг, внезапно поднятый в доме…

Заур шел под накрапывавшим дождем по улице поселка к остановке автобусов, задумчивый, печальный, и живая, напоенная летним зноем, солнцем и радостью картинка одуревшего от счастья молодого дяди на мардакянской даче так и стояла перед глазами. В кармане, тяжело отвиснув, напоминал о себе холодный, озябший, обиженный револьвер. Заур вытащил его, огляделся и швырнул в кусты, мимо которых проходил…

…Заур открыл дверь своим ключом и обнаружил в комнате расположившегося, как у себя дома, незнакомца. Тот даже не взглянул на вошедшего, продолжая увлеченно читать страницу из тетради перед собой на столе.

– Вообще-то я никому не даю читать эти тетради… – сказал Заур, снимая плащ и вешая его на двурогую вешалку на двери.

– Занятно, – подытожил свое чтение гость, закрывая тетрадь и, проигнорировав слова хозяина, вытащил револьвер, который Заур часа два назад выбросил в кусты в поселке. – Я забыл вам напомнить, – сказал гость. – Этот револьвер так или иначе должен выстрелить.

И он, не целясь, выстрелил в сердце хозяина. Заур в страхе отшатнулся, схватившись за сердце и ожидая, что сейчас фонтаном забьет кровь из раны, но никакой крови не было, не было и раны, и боли не было, а гость вдруг весело, заразительно захохотал.

Немного придя в себя, рассмеялся и Заур, дикий, потрясший его испуг вылился вдруг в истерический хохот. Постепенно и у гостя, и у хозяина смех затих, погас. Гость, все еще улыбаясь, внимательно следил за выражением лица хозяина.

– Испугались? – спросил он. – То-то… Я пошутил… Надо же и мне немного расслабиться, а то все такие серьезные задания, мозги свихнешь. Ну, оставайтесь… с чертом!

И незнакомец исчез.

А как только захлопнулась за ним дверь, из раны в груди Заура яркой струей забила кровь, дикая боль охватила, парализовала его с ног до головы, ноги подкосились, он упал на колени и, падая и теряя сознание уже навсегда, уже навечно, он увидел в зеркале на столе, перед которым каждое утро брился, свое перекошенное от боли, мгновенно постаревшее лицо, сейчас напоминавшее старческое, морщинистое, небритое лицо дяди, с которым он расстался совсем недавно.

РУСТАМ КЯМАЛ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЕБРИЗ С МИРЗОЙ ИБРАГИМОВЫМ

Путешествие по сути сродни медитации…

5-6 лет тому назад наконец-то и я отправился в Тебриз. Проделал путь в город нашего духа. Во время поездки я прочел «Тебризские тексты» («Южные рассказы», «Гюлябетин», «Наступит день», «Буревестник» и пр.) народного писателя Мирзы Ибрагимова и тем самым еще раз обновил в памяти этот город. Этот текст – результат той самой медитации, поминания.

Я все еще удивляюсь: переехать в ранние годы из селения Эва в Южном Азербайджане в Северный Азербайджан, остаться сиротой, прожить всю жизнь в Баку, но сохранить в памяти Тебриз настолько живым и красочным!

Писатель нашел судьбу и славу в Баку, его мировоззрение, литературный вкус и стиль сформировались в Советском Азербайджане, но в памяти всегда первенствовал Тебриз…

«Тебризские тексты» Мирзы Ибрагимова – плод богатого жизненного опыта и предвидения писателя. Эти произведения – судьбоносный текст древнего народа, художественный проект этнического бытия, выражение исторической силы и слабости, героизма и безнадежности, ненависти и любви азербайджанских тюрков, история жизни и борьбы, национальной чести и достоинства, эпос гордости. Благодаря «Тебризским текстам» Мирза Ибрагимов становится одним из главных и надежных авторов азербайджанской истории… Художественно-эстетическая ценность этих произведений и их историческая ценность идут рука об руку.

Писатель создал тебризский миф.

Этот тебризский миф выражает этнические (и этические!) ожидания азербайджанца и сохраняет в национальной памяти образ целостности и единения нашего народа. Тебризский миф повествует о самой этой нации, о каждом отдельно взятом азербайджанце. «Наступит день», «Южные рассказы» уже стали нашей мифологической, сакральной историей.

Тебриз манит меня невероятным образом. Я хочу слиться с духом этого топоса, ибо этот город – имя космоэнергетического центра в бессознательном, образ мифического пространства: *«В древние времена в Тебризе жил падишах»* («Совет пастуха»). *«Поэт жил в долине Узгю, а падишах в Тебризе»* («Дар поэта»).

Мое знакомство с Тебризом началось с воздуха.

«В этом прекрасном городе, расположенном на высоте тысячи трехсот метров, соединились горный воздух и низинное солнце» («Гюлябетин»).

Один из излюбленных литературных приемов Мирзы Ибрагимова – начинать описание Тебриза с погоды. Возможно, погодные условия были для писателя средством вспомнить в Баку Тебриз, установить с Тебризом ассоциативную духовную связь. Только обладающий сильной «климатической памятью» и художественной «метеочувствительностью» писатель мог воплотить сезонные изменения погоды:

«Спустя два дня тени деревьев и стен удлинились, воцарилась вечерняя прохлада, и именно тогда в дверь Гемербану постучались» («Наступит день»). *«Когда мы вошли в Тебриз, солнце уже давно взошло, разогнало облака и излило свой теплый и ласковый свет на горы, улицы и дома…»* («Двенадцатое декабря»).

С утра до вечера я брожу по тебризским улицам и переулкам. Ищу связи между настроением, жестами, мимикой встречных тебризцев и воздухом Тебриза и нахожу их: *«Видели ли вы всполохи на небесах после заката? На ее лице, губах блуждала улыбка, греза о жизни, напоминающие те всполохи»* («У костра»).

Я гляжу на всё глазами Мирзы Ибрагимова и хочу пройти вместе с ним все улочки, порог за порогом. Прав Марсель Пруст: наши глаза играют реальную роль в исследовании прошлого.

Сила визуальной памяти Мирзы Ибрагимова заключалась в неспособности забыть вид тебризских домов, цвет тебризских стен. Он пишет, что *«у них был двухэтажный дом, построенный из красного кирпича. Высокий забор тоже был из красного кирпича»* («Дар поэта») – я гляжу и изумляюсь.

Я это где-то то ли читал, то ли видел. Вспомнил – прочел у Мирзы Ибрагимова: «*По обе стороны улицы одноэтажные дома. Иногда можно увидеть двухэтажные. Большинство построено из сырого кирпича или серой глины вперемешку с соломой. Многие из домов повернуты к улице и без единого окна. Потому, когда глядишь вдоль улицы, кажется, что обе ее стороны состоят из серых стен*» («Гюлябетин»).

Путь в Тебриз – начало совершенно другой энергетики. Это особенно ощущается после того, как перейдешь границу в Астаре. Образ нашей национальной судьбы, цельность национального бытия – начинаются с пути в Тебриз. Лишь этот путь может создать целостность образа судьбы нашего народа.

Тебриз – сакральное завершение всех путей, конечная точка. Выйдя из Тебриза, отправляешься будто бы в бесконечность, неизвестность. В Тебризе видны одни горизонты. Герои писателя либо умирают, либо покидают город, чтоб вновь «воскреснуть» – отправляются к горизонту!

Азада хоронят в земле Тебриза, откуда видны горизонты, образ целостного Азербайджана: *«Эта земля – тебризская долина, объявшая великий путь, соединяющий Тебриз с Зенджаном… Перед глазами человека, стоящего у одинокой могилы на самом высоком холме, открываются широкие горизонты, оттуда видны как юг, так и север Азербайджана»* («Азад»).

Герои, покидая Тебриз, мечтают о возвращении в этот город, либо изменив внешний вид, либо сменив социальный статус.

Фиридун и Судабе, покидая Тебриз, *«верят, что темный и скорбный мир»* остался позади, *«а впереди открывается светлый и широкий путь. Этот путь ведет в сияющее утро, счастливое будущее»* («Наступит день»).

Гюлябетин, уходя из дома, верит, что впереди *«ее ждут неизвестные, невиданные пути-дороги»* («Гюлябетин»).

Спустя неделю мы выезжаем из Тебриза. Наш путь лежит в Баку. Я смотрю на горизонт. Мы испытываем странные чувства, и *«вдруг нам кажется, что горизонт окрашен в алый цвет. И там рождается прекрасный город, чистое и незапятнанное будущее»*.

«Восход и закат солнца на горизонте» может означать для Мирзы Ибрагимова идеологическую символику минувшей эпохи. Образ горизонта указывает на пространственную субстанцию будущего.

Роман «Наступит день» открывается сценой заката солнца на горизонте: *«Солнце, на протяжении дня полыхающее огнем, только что зашло. Редкие облака, спящие на отражающем его лучи горизонте, напоминали камни в костре, раскаленные до алого цвета»*.

Кажется, что все в Тебризе связаны с Небом.

«Гюлябетин любила смотреть на небо. В детстве, когда в тихие ночи они спали во дворе, ее мысли и мечты к небу устремляла мать…»; *«Когда Гюлябетин стояла возле бассейна и смотрела в открытое синее небо, в ее груди оживали сложные чувства»*.

Отчего-то я всегда верил, что ширь Небес величественнее выглядит именно над этим городом и становится его великой историей.

Из Тебриза вышли великие правители, сильные поэты и художники, герои революции, причина тому – сияние притяжения и милость Небесного свода. Ни над одним другим городом я не видел такого прозрачного неба, как над Тебризом.

Вот почему герои Мирзы Ибрагимова, глядя на небеса Тебриза, на бесчисленные звезды в безбрежном небе, размышляют о судьбе Родины и людей.

«Кто удачлив, у того сияет звезда, кто неудачлив, у того звезда погасла, словно лампа» («Гюлябетин»).

Именно влюбленность писателя в Небо подчеркнула в его произведениях «активность метафоры птиц».

«Беда нависла над Тебризом внезапно. Смерть распростерла свои крыла над Тебризом словно черные тучи, пришедшие с горизонта и покрывшие всё небо» («Конец страданий»).

Гюлябетин смотрит на голубей, она мечтает стать птицей.

От радости Фиридун хочет лететь, как птица и т.д.

Вообще в «Тебризских текстах» Мирзы Ибрагимова выражение «представить» именует повторяющееся психологическое настроение. Тебриз можно представить лишь в грезах, мечтах.

Баяты, которое издали слышит Фиридун, словно «материнская колыбельная», «словно греза» оживляет в его глазах Тебриз: «Марага над Тебризом…»

Мои переживания, связанные с городским пейзажем, настроены на песни, которые распевают герои Мирзы Ибрагимова. Точно так же, как баяты, озвученное дядей Керимом у костра, мысленно уносит Мирзу Ибрагимова в Тебриз:

Улицы Тебриза,
Не кукарекают петухи.
Слиться бы мне с любимой
В осенние ночи.

(«У костра»)

В мифологическом мышлении акты воспоминания и воскрешения оказываются тождественными. Видимо, Мирза Ибрагимов вспоминал Тебриз, чтобы «воскреснуть». Потому он повторял устами своих героев, словно заклинание, название Тебриза: *«Через два дня Тебриз! Тебриз!.. Знаешь ли ты, что это такое? Мечта, надежда и будущее»* («Наступит день»).

В моем путешествии Мирза Ибрагимов хочет убедить меня в этом будущем.

Несмотря на то, что Тебриз постепенно становится миражем и грезой…

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ЛЯМАН БАГИРОВА

Ноябрь

Городские картинки и мечта о зиме

Город одет в гусиную кожу.
Мерзнут ржавые листья каштанов.
Женщины в тяжелых одеждах
Уже не прельщают тонкостью станов.

Прячется в подвале бездомный котенок.
Ему, как душе моей, зябко и страшно.
Он трет глаза лапами, что-то ворчит спросонок.
Выживет он или нет – никому особо не важно.

Может быть, только для одинокой старухи,
Что кормит поутру голубей и кошек,
Его жизнь что-нибудь, да и значит.
Пусть она живет долго –
Это будет большой удачей
Для зверья.

Как темнеет рано!
В серых сумерках торопливо стучат ботинки –
Люди бегут с работы. Ожесточенно, рьяно
Где-то играют на скрипке. Играющий входит в раж.
И вдруг тишина... И негромкая долгая ругань:
Видимо, не получается какой-то трудный пассаж.

В парке сидят старухи, говорят о засолке капусты,
О плате за воду, за свет, и об отсутствии чувств
Молодых к ним. «Боже, как все дорожает!
Как обнищали души! Как это ужасно!
Куда катится мир? Сейчас каждый стяжает
Лишь для себя. Вот раньше было прекрасно!
И не говори...» Разговор их длинен.
Я усмехаюсь и бегу мимо...

Ноябрь стелется по асфальту,
Словно струйки угарного газа.
Хорошо бы вдохнуть его так,
Чтоб проснуться уже в декабре
Сразу!
и – испариться...

МАРАТ ШАФИЕВ

СКАЗАНИЕ ОБ ОТЦЕ

маленькая повесть

Биби-Эйбатская мечеть

«Здравствуйте, даи». «И тебе добре. Как дела, сынок?» «Да вот, из военкомата, в армию забирают». «А ну-ка, зайди», – сторож молельного домика пропускает Ахмеда под тёмные облупленные невысокие своды. «Твои родители – коренные, и ты здесь родился, а знаешь, вокруг какой могилы вырос сей посёлок? Ну конечно, вас в школе обучают другой истории – проклятых большевиков, взорвавших в тридцать шестом году старинную мечеть. Вот только этот закуток от неё остался. Запоминай: возле могилы Укейма-ханым, дочери седьмого шиитского имама Мусы Казыма, скрывавшейся в Баку от преследования арабских халифов. А сам имам казнён в Багдаде Харун ар-Рашидом в 183 году хиджры».

Старик раздел юношу до пояса, смочил водой из кувшина голый торс, шепча молитву: «Ничего не бойся. Аллах даровал тебе жизнь, Он и позаботится о дальнейшем». «Скажи, дядя, а Аллах есть?» «Не богохульствуй. Я не могу рассказать тебе историю наших святых, работа которых продолжается даже после их смерти – она очень длинная, но одну – самую короткую молитву – ты запомнить в состоянии? Тогда повторяй за мной…»

Перевал Гиндукуш

По-рыбьи наклонясь и выбросив хвост осветительных оранжевых ракет, вертушка пролетала над растянувшейся по трассе равными интервалами в пятнадцать метров «нитке»: красные наливники с серебряными пузатыми цистернами, КАМАЗы с зерном, «барбухайки» – разноцветные аляповатые грузовики, наполненные детьми в пёстрых тюбетейках, женщинами, завёрнутыми в паранджу, вперемежку с овощами и фруктами. Между ними втиснулись задравшие вверх свои хоботы, вращающиеся в разные стороны, обнюхивающие крутые вершины спаренные зенитки; танк с бульдозерным ковшом, готовый скидывать с бетонки подбитый и пылающий железный хлам; стремительные, похожие на тёмно-зелёных ящериц бэтээры. Борта «зерепушей» – бронетранспортеров – облепили солдаты в касках, кто-то приветственно помахал «акаэсом» с заряженным рожком. Это шла колонна, одолевшая Саланг, свободно вздохнувшая в «зелёнке», уже представляющая отдых в Кабуле.

Свистела и курлыкала рация. Ахмед, стараясь в тяжёлом грохоте дрожащего вертолёта не потерять настройку и устало взывавший: «Роща! Роща! Я – Берёза», успевал всё же поглядывать и вниз и впитывать захватывающую дух панораму. «Так вот ты какая – страна «пойдёшь, не вернёшься», – думал он про себя. – И совсем не страшно – праздничный карнавал».

Двигались красно-рыжие горы; хребты, толкаясь, менялись местами, будто огромные жернова перетирали пространство; маленькие по сравнению с ними лопасти работали вхолостую – разреженный воздух не мог удержать их, и железная птица, покинув скукожившееся небо, нырнула в длинное ущелье и вдруг, как подстреленный крупнокалиберной пулей большой слон, неловко завалилась на бок, огненным шаром врезалась в белую скалу, рассыпалась на части.

Перекинутый через седло лошади лицом вниз, заваленный ворохом сухих колючек, прокусивших рубаху и брюки, Ахмед дёрнулся, но понял, что связан. Лошадиные ноги катились колесом по пылящей земле с обглоданной куцей травой, с бурыми, чёрными, серыми клочьями овечьей шерсти и рассыпанными чёрными бусинами помёта. Когда отъехали на приличное расстояние, афганец освободил его и блеснул в бороде зубами – в этом рокочущем лопотанье было одно понятное слово: «шурави» – будто одинокая щепка мелькнула и утонула в речном течении.

Забирались всё выше зигзагообразными тропками в заиндевевшие горы. Тишь стояла такая гулкая и объёмная, что было слышно и движение крови в собственных жилах, и сухой, болезненный кашель далеко впереди бредущего человека. Утром ещё ничего – доброе солнце плавилось, словно кругляк масла в согретом молоке, но ночное небо было холодным, чёрным до озноба, до траурной боли. Сияющая несметь недоступных звёзд – иглистых, с переливами – лишь подчёркивала ощущение одиночества и сирости, мнилось – ещё поворот и всё: окончательная, непреодолимая бездна, конец мира, ни вперёд, ни назад. Но покуда выход находился – вертикально в небо. Направо страшно смотреть – сплошной отвесный каменный водопад; всадник, притираемый слева щелястой, выдуваемой ветром стеной, вынужден только доверять чутью животных. Но даже низкорослые проворные лошадки с косматыми загривками, привыкшие к горным походам, боялись и прядали ушами – с ними надо было разговаривать, петь или, на крайний случай, повторять команду: «Чу!» Звон в ушах, посвист ветра, хруст щебёнки – звук всё ширился, полнел, давил непомерной тяжестью. Весенние снега таяли, и бурные потоки, бегущие во всех направлениях, вызывали обвалы. Кучи камней разбирали руками, ледяная вода прожигала ладонную мякоть до костей.

Наконец перевалили хребет Гиндукуш. Лошади перешли с рыси на галоп, уносясь из промозглого, студёного предзимья, из черноты ущелий в запахи жилья и травы, в беззаботное пение птиц, в ярко-красное море пылающих маков, застилающих глаза, как кровь. Всё чаще попадались на пути светлокожие высокие люди с фиолетовыми, как у лошадей, глазами.

Плен

На миг показалось, что дома: проснулся от настойчивого воробьиного писка, от солнечного лучика, легко, как рука матери, коснувшегося лица. В глиняном среднего размера сухом коробе, подпираемом на потолке крепкими жердями, светится только дверь с деревянной решёткой, через которую Ахмед видит другую стену, куполок мечети с вырезанным из жести, косо торчащим полумесяцем. Протопал подросток-водонос, согнувшийся под тяжестью бурдюка. Гулам, стоя на коленях, обнял голову барашка, что-то шепчет ласковое на ухо, а когда распрямляется, барашек выпадает из его объятий, дёргается в пыли, из перерезанного горла хлещет чёрная кровь.

И для Ахмеда находится работа – топить тендиры. Руки в кровь собьёшь, обдирая растительность. Пытаясь добраться до живой мякоти земли, и корявый уродец-саксаул, и мускулистая арча разламывают камни, запуская в щели свои корни – и сдаваться просто так не желают. Он мог быть и молодым, и старым: высокий, обветренный, с длинными гладкими волосами, в обветшалом заплатанном халате, в самодельной обувке из автомобильной резины – бьёт в барабан, крича: «Внимайте Рустаму!» Поднимая палочку, призывает собравшихся к молчанию: «Я расскажу сказку, хотя зачем я трачу на вас, болванов, своё время?» Зачарованная толпа, реагирующая на каждую интонацию, на каждый жест, разразилась аплодисментами. Собрав горсть медяков, никого не поблагодарив, Рустам зашагал к ближайшей лавке, сопровождаемый детьми, и купил леденцов для своих спутников и поджаристый чурек для себя. Он что-то спросил у сидевшего на корточках Ахмеда.

Ахмед недоумённо пожал плечами. Рустам засмеялся, показывая на две их соединившиеся на земле тени и, протянув руку, повлёк Ахмеда к дувалу, к которому приткнулся пыльный «Опель».

Преградившему им дорогу молодому человеку в сером шерстяном чекмене, в мягких сапогах-чамузах, сшитых из сыромятной кожи, Рустам сказал: «Позаботься о моём товарище. Он из числа немых» и, перекинув через плечо хурджин из ковровой ткани, напялив на голову шапку конической формы, исчез в мареве полуденного солнца. «Рустам благословил тебя. Это хороший знак», – слышит Ахмед на чистом русском. «А кто такой Рустам?» «У Всевышнего есть разные любящие: молодые и старые, разумные и сумасшедшие. Этот из тех сумасшедших… Меня зовут Махмуд. А ты тот самый радист, которого хотят продать янки? А ты цэрэушникам всё, что знаешь: коды, позывные – выложи, – глядишь, и обломится грудастая блондинка, катер и домик в штате Аризона». «Как ты можешь? Я не предатель».«Кто ты по национальности? А не врёшь? То-то я смотрю – на нас похожий. Я ведь в Баку учился. Здорово, земеля! А в городе где жил?.. Где это? Так бы и сказал: Шихово, знаю – пляж мазутный, водоросли, особенно если моряна. Но всё равно – чудо, своим рассказываю – не верят».

Из распахнувшейся калитки дувала вышли оживлённо прощающиеся люди: целование рук, прижимание ладоней к сердцу. Махмуд побежал к машине, занял место водителя. На заднее сиденье, хлопнув дверцей, опустился человек в европейском костюме и каракулевой шапочке, в очках в золотой оправе, с густой щетиной на лице (но не бородой!). Провожавшие в белых чалмах, в голубовато-серых вольных одеяниях продолжали кланяться. Натужно тарахтящий мотор неожиданно смолк, двое вылезли из машины, и Махмуд поманил рукой стоящего в отдалении Ахмеда. «Вот, раис, тот самый – из Шейховой деревни». «Дочь бедного Мусы аль-Казыма? А ведь и мой род восходит к зятю Пророка и дочери его Фатимы, так мы, получается, родственники? – сказал раис под смех прислушивавшихся к его речи. – Ахмад – одно из имён Хазрата Мухаммада, у них общий корень «хамада», прославленный… Как же ты, мусульманин, воюешь с мусульманином?» «Я никого не убил», – ответил Ахмед, более обращаясь к переводившему его Махмуду. «Тебе не представилось такой возможности. В ином случае – дрогнула бы твоя рука? – тонкие пальцы раиса в тяжёлых тусклосеребряных перстнях изобразили нажатие курка. – У афганских матерей не осталось слёз оплакивать своих сыновей. На Страшном Суде первыми рассмотрят дела по крови. И горе мусульманину, пролившему кровь мусульманина. До переворота какого-либо отношения к политике мы не имели. Участие дервишей в войне – вынужденное обстоятельство». «Какой он мусульманин? – раздалось со стороны. – Разве знает хоть один сурат?» «Какой сурат вы хотите услышать? Мы могли бы произнести вместо него». «Не надо, я сам!– воскликнул обрадованно Ахмед и зачастил: – Ашхаду алля иляха илля-Ллах, ва ашхаду анна Мухаммадан расулю-Ллах». И когда все вокруг, добрея лицами, радостно загалдели, зацокали языками, Ахмед понял: спасён! Нашли Гулама. «Какую цену ты хочешь за пленника?» «Такому уважаемому господину мы не можем предложить цену». «Спасибо. Я твой должник… Завещано Пророком: освобождать пленного, кормить голодного и навещать больного. Все эти три устремления уже сами по себе являются джихадом».

Вместо ломтика сушёного мяса с жёсткой лепёшкой теперь получал Ахмед пити – жирный суп из баранины с горохом в глиняном горшочке, на второе – плов; вместо вшивого рубища, в которое превратилась гимнастёрка, носил белую длиннополую рубаху и шаровары. Решетчатая дверь больше на ночь не запиралась, на земляной пол постелили тростниковую циновку. По пятницам он участвовал в «Сама», священном ритуале суфиев. В молитвенной комнате мужчины сидели на коврах, поджав ноги, закрыв глаза, покачиваясь телами под печальную музыку ная, и обильные слёзы стекали по щекам, оставляя тёмные полосы. И у тех, кому суждён ад, не загорится плоть, омытая слезами.

Затем приехал Махмуд – вывезти к ближайшей заставе шурави. В пути он только после длительных уговоров нехотя назвал имя – Саид Исхак Гилани. «А что касается светлокожих высоких людей, это – потомки армии Искандера Македонского. Не одна Империя – греческая, монгольская, британская – здесь зубы обломала. Афганец рождается с оружием в руках, с оружием и умирает». Ночи коротали у костра с его сладковатым кизячим дымом, выпивая из припасённой Махмудом бутылки. «Тьфу, русское влияние», – вздыхает Махмуд, выплёскивая остатки водки из пиалы в жадно трещащий костёр. Спирт развязывает языки. «Что Македонский? Есть вещи более интересные. Согласно нашему преданию, Иса спасся с креста и вернулся под именем Юс Асафа в Кашмир, где уже жил в юности. На западе Афганистана есть несколько деревень, в их священной книге «Предание о Масихе» об этом сказано. Масих – это Помазанник. Халиф Али похоронен в мавзолее Мазари-Шарифе, поэт аль-Ансари в Герате. Великий Мауляна Руми родился в Балхе, как и считающаяся вашей Мехсети. Хаким Санаи – газниец. Как можно не знать Санаи? «Божественная комедия», этот столп западной литературы, больше, чем литературы, – целиком вышел из его поэмы «Сайр ал-Сабад», то есть «Путешествие рабов божьих к месту возврата». Чего лыбишься? Ничего, когда-нибудь убедишься в моей правоте… Источник Знания скрыт в Афганистане. Почему все мировые державы рвутся сюда? Не за камнями же».

Таяла ночь, щедрая звёздами и открытиями; высветившиеся горные пики щекотали пятки небес. Величественные горы – такое же богатство, как зелёная дремучая тайга, неизбывное непокоем море, просторная полынная степь; они по-своему выковывают дух, без страха заглядывающий в глаза смерти и находящий в их глубинной пустотности знакомые черты. На каком языке говорит Бог? И если это язык твоего сердца, язык высокоречивого молчания, то Бог говорит языком гор. Не забывайте, горы – это корни небес.

На прощание обменялись рукопожатием. «Жду в гости в Союзе». «Иншалла!»

Возвращение

«Даже здесь, на передовой, где привыкли к сказкам «тысячи и одной ночи», верится с трудом. Тем более, не поверят в штабе». Ахмед без обиняков выложил свою историю особисту, расположившемуся за столом напротив; недоверие майора заставляло его выуживать из памяти мельчайшие подробности, отчего история не становилась правдоподобнее. «Вы хотите меня арестовать?» «А ты рассчитывал на медаль? Ещё Суворов сказал: лучше быть мёртвым, чем пленным. Мёртвые сраму не имут». Майор заставлял Ахмеда рассказывать сначала – надеялся поймать на какой-то неточности? «А точно Гилани? Командующий Южным фронтом – и без сопровождения, а номер машины? – потом вместе со стулом придвинулся ближе. – У моджахедов объявилось новое оружие – Стингер. Сколько самолётов сбито – ужас! Это же перелом в войне, и не в нашу пользу. Не видел? Жаль, разведка сколько времени землю носом роет. Вот если бы видел, да описал – сразу бы и медаль, и всё простилось». Особист поднял трубку телефона: «Охрану и машину!» В дверь постучали: «Товарищ майор, разрешите доложить». «Докладывай, сержант». «Машина не заводится, ничего не понимаю, с утра нормально катались». «Тогда командирскую». «С командирской мотор сняли, перебирают». «Сержант, десять минут, и чтобы всё у тебя завелось. Чего дожидаемся? Время пошло». Майор барабанил пальцами по столу: «Чёрт-те что. А я ведь сам из семьи сеидов. Я-то понимаю, что творится». «Может, и мне объясните?» «Это хорошо, что умеешь держать язык за зубами. Ладно, где наша не пропадала, отправлю тебя в часть – дослуживать». «Спасибо, Ривлет Ризванович. Век не забуду». Ахмед выходит из кабинета, щурясь и улыбаясь на солнце, говорит лежащему под «УАЗиком» сержанту: «Спасибо, браток. Выручил». «Да отстаньте вы все от меня, ради бога! В самом деле не заводится».

Ползти вверх на трёхтысячник или совершать марш с полной выкладкой на тридцать километров – пот глаза выел, и соль пропитала хэбэ – пожалеешь, что на свет родился. Еще год службы – как это было? До кишлака далеко, и пространство вокруг него – неприкрытое, легко простреливаемое из засады. Патронов порой берёшь мало, только то, что в лифчиках. Батальон разбросан далеко по задачам. Один человек уползёт по арыку, а взвод постреляют, порежут на лоскутки. Тела, конечно, вытащат; артиллерия дома с землёй сравняет – но кому от этого легче? Горе и с той, и с другой стороны. Но кому – война, кому – мать родна. Война – бизнес прибыльный. Оставим в стороне наживающих политический капитал, некоторые – особенно предприимчивые – специально организовывали нападение на советские гарнизоны. А на следующий день приезжали на грузовике торговать стреляными латунными гильзами от снарядов.

Чтобы по-настоящему осознать свободу, надо побыть в тюрьме, чтобы обрести вкус к жизни – надо пройти вдоль бездны. Ты думаешь, что нуждаешься в славе, силе и богатстве? Нет, ты нуждаешься в Любви.

Это ещё был не рай, но чистилище: женщины с открытыми лицами и гладкими коленками, встреча после затянувшейся разлуки с родителями и сёстрами, сутолока и соблазны большого города. Сосед Аркадий взял его своим подручным на телефонную станцию. На их участке стояло двухэтажное женское общежитие. Молодое тело требовало своё, Ахмед сошёлся с бойкой комендантшей, старше него чуть ли не вдвое. И как его на всё хватало: работа, вечерний техникум, любовные бессонные ночи?

Алёна

А потом он заметил светлокожую, большеглазую Алёну. Приезжая из Пятигорска, она работала в химической лаборатории треста «Азнефть». Ахмед караулил её с работы, приглашал в кино, ресторан, она всячески отнекивалась. Общежитие праздновало Новый Год. В актовом зале нарядили ёлку, накрыли столы с обязательным винегретом, шампанским и дамским портвейном «Три семёрки» (пьём, чтобы снять стресс; жизнь – стресс, так что пьём всю жизнь), модными пластинками французского оркестра Поля Мориа и Бони-Эм. Кавалеров немного, и потому – нарасхват. Кто-то спросил: «Где Алёна?» «Я приведу». Аркадий не возвращался, Ахмед вышел в пустой длинный коридор. За дверью комнаты слышались сдавленные вскрики. Долго не отпирали. Выглянул потный, в полурастёгнутой рубашке Аркадий, держась рукой за расцарапанную щеку: «Сучка, отрастила когти». Плакала растрёпанная Алёна. Ахмед вышвырнул Аркадия в коридор. «Ты что, друга на бабу променял?» «Я тебя предупредил». На улице валил снег. Ахмеда бросало то в жар, то в холод.

Уже весной, возвращаясь поздним вечером из техникума, Ахмед увидел во дворе Аркадия, под жёлтым светом голой лампы играющего в шахматы с племянником. Аркадий, не отрываясь от доски, крикнул: «Беги в общагу! Там такое…» Наверное, на представление он опоздал. Хотя всюду горели окна и за кисейными занавесками маячили тёмные силуэты, в самом здании было тихо. Возле запертой двери застыла Алёна с двумя большими чемоданами: «Комендантша выставила, куда теперь, на ночь глядя?» «А за что?» «За нарушение правил социалистического общежития. Придирается по пустякам: стирала чулки в умывальнике, пользуюсь электроплитой, привожу посторонних. Ты же знаешь, – ложь. Ещё антисоветчину шьёт. А тебе, вижу, смешно». Смех Ахмеда был заразителен, Алёна и сама тихо смеялась: «А я общежитие назвала Паноптиконом». «В моём доме прошу не выражаться. А что сие означает?» «В восемнадцатом веке Иеремия Бентам спроектировал круглую тюрьму, где заключённые, не подозревавшие об этом, круглосуточно контролировались. А философ Фуко сравнил Паноптикон с современным обществом». «Откуда такие знания?» «А ты думал, что ты один такой умный? У меня папа, хоть и лесни-

чий, увлекается историей, собирает рукописные раритеты». Мимо проезжало такси. Ахмед по-разбойничьи звонко свистнул, закинул в багажник поклажу, подтолкнул слабо сопротивляющуюся Алёну, хлопнул водителя по плечу: «Гони, шеф! Тут недалече».

Через год Алёна родила девочку. Каждое лето летали в Пятигорск. Из добротного деревянного дома с застеклённой верандой открывалась картина Машукского заповедника. Плутая по лесу, густо разросшемуся по горным хребтам, вышли к бронзовому Лермонтову. «Место его гибели?» – спросил Ахмед. «Вероятное», – ответил Олег Фёдорович. «Неужели нельзя было определить точно?» «Место определяли сорок лет спустя. Свидетелей не осталось». «Подозреваю я, Олег Фёдорович, вы-то настоящее место нашли, вам же здесь каждый кустик знаком». «Угадал, зятёк. Многие годы об этом кричмя кричу, не слышат. В показаниях очевидцев что сказано? Лермонтов стоял лицом к югу, спиной к горе Машук, а убийца Мартынов – лицом к северу, спиной к Перкальской скале. Ну и где здесь направление север-юг?» «Не томите, покажите место». На развилке дорог под наклон сбегала в овраг тропка. «Здесь и есть. Секундант князь Васильченко в мемуарах оставил: кто-то по Георгиевской дороге ехал, и они ночью без оружия, поэтому тело Лермонтова стащили с дороги. Позиция поэта была почти на самой проезжей. А на месте памятника никакой дороги нет. – Олег Фёдорович указал ориентиры: – Вот Машук, вот скала. Овраг мешает, и если человек ехал из Железноводска в Георгиевск, то терять время, преодолевая острый угол, нет смысла. Он срезал по кромке оврага и выигрывал маневром почти километр. Таков был путь весёлой компании офицеров июльским вечером 1841 года, закончившийся трагедией и страшной грозой». «Олег Фёдорович, не жаль потратить несколько лет жизни? И для чего? Уточнить метры. Не всё ли равно, где лежать?» «Эх, Ахмед, что ты такое говоришь? Обидно мне даже», – закашлявшись, Олег Фёдорович восстанавливает дыхание и изменившимся глухим голосом декламирует: – «*Есть место близ тропы глухой,\ В лесу пустынном, средь поляны,\ Где вьются вечером туманы,\ Осеребрённые луной…\ Мой друг! ты знаешь ту поляну,\ Там труп мой хладный ты зарой,\ Когда дышать я перестану*». Мистика! Так точно в шестнадцать лет предсказать. Действительно, и туман садится, и облака, зацепившись за гору, полдня стоят».

Это было самое светлое время Империи – середина восьмидесятых: воскресшие надежды, распахнувшиеся архивы с прежде запретным. Как пел тогда Александр Башлачёв: время колокольчиков. Но уже томились большие колокола в предвкушении своей партии.

Олег Фёдорович показал средневековую рукопись Серапиона Владимирского: «*несытовьство имѢния поработи ны, не дасть миловати ны сиротъ, не дасть знати человѢчьскаго естьства — но, акы звѢрье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы всѢхъ погубити, а горкое то имѢнье и кровавое к собѢ пограбити; звѢрье Ѣдше насыщаються, мы же насытитися не можемъ: того добывше, другаго желаемъ*!». «Интересно, да? Заметил ли ты, Ахмед, дела давно минувшего имеют обратную сторону, а будущее – уже прошлое, только мы о том не знаем. Много ли изменилось нутре человека за шестьсот лет? Сними с него табу – эти оковы цивилизации, и в диком поле останется дикий человек, зверьё зверьём».

15 февраля 1989 года Ахмед смотрел по телевизору вывод советских войск из Афганистана. Проезжала техника, на одном из бортов мелькнул гроб, обёрнутый красным стягом. Последним мост над рекой пересёк генерал Громов и сказал в камеру: «За мной ни одного солдата не осталось».

Остались их души. Случилась гибель не 14 тысяч молодых ребят, а гораздо большего числа, ибо обрывались родовые нити, и, как парусник, брошенный на произвол ветров, будущее становилось без этих креплений легче и иллюзорней.

В январе 1990 года Ахмед вывез Аркадия и его больную мать из растревожен-

ного и разорённого, как муравейник, города на своей развалюхе – «Москвиче» к морскому вокзалу, посадил на переполненный паром. «У вас тесно, почему бы не занять освободившийся дом? Ахмеду, как участнику войны, жилплощадь полагается», – в исполнительной власти оформили документы. Ахмед продал «Москвич», и деньги, вкупе с имеющимися на сберкнижке, выслал Аркадию до востребования. Через семнадцать лет я встретился с Аркадием в Москве. Прямо на улице у ларька выпили из пластиковых стаканчиков за упокой души отца. «Одним бы глазком взглянуть», – признался Аркадий. Я промолчал, подумав: «Хорошо, что не могут вернуться. В их счастливом неведении предстаёт уютный, зелёный, приветливый город, которого уже нет».

«Если ты уйдёшь на войну, меня больше не увидишь. Тоже мне, доброволец выискался, молодость захотел вспомнить? Не настрелялся? Я запрещаю, я так и знала – этим кончится, решил оставить меня вдовой, а ребёнка – сиротой. Юлечку сперва на ноги поставь». Она действительно уехала в Пятигорск. Когда Ахмед на несколько дней вырвался домой, уже никого не застал.

Гарабах

Во время атаки он напевал про себя Высоцкого: «Ведь это наши горы, они помогут нам». Во время атаки всё, чем жил, чем дышал раньше человек, представляется чем-то маленьким, ничтожным, невесомым. И нет индивидуальной, неповторимой личности – всё лишь месиво, замешанное на крови, из которого возводится кладка Истории. Война есть предел насилия всякой государственности. Даже мудрецы заражаются милитаризмом и звериным национализмом, что страшнее всякого поражения. Антиномия этому: от «нельзя и надо» до «нельзя и не надо!»

Залегли под шквальным огнём. Лейтенант кричит: «Вперёд!», никто не шелохнётся. Поднялась ещё одна фигура, сняла шапку, рассыпала длинные волосы. И все встали. Потом Ахмед снова встретит эту девушку, когда она с поле боя вынесет по очереди двух раненых. Сразу, в горячке, в дыму она не разобралась, что один из обгорелых, истекающих кровью – армянин, но, обнаружив в середине пути, всё равно вытащила обоих.

У хачика, с которым сошлись в перестрелке, закончились патроны; он с диким визгом метнул в сторону приближавшего Ахмеда автомат и плюнул ему в лицо. Ахмед отвернулся и пошёл прочь. «Зачем ты не убил меня?!» – крикнул армянин. «Я не убиваю из-за собственной ненависти. Я не убийца». Врага не надо видеть в упор. Когда ты видишь его лицом к лицу, он перестаёт быть врагом.

23 октября 1993 года в результате армянского наступления на юге пал Горадиз – в изоляции оказались Зангеланский, Джебраильский и Губатлинский районы. Тысячи жителей хлынули в сопредельный Иран. Ахмед в составе остатков Зангеланского полка прикрывал этот исход.

«Веди нас, командиров нет, один молоденький лейтенант, что он может? Будь нашим командиром», – эти люди, с мольбой обступившие Ахмеда, с жилистыми, заскорузлыми, вечно перепачканными землёй крестьянскими руками, даже в форме мало напоминали бойцов. Но они уже устали бегать и бояться и теперь только желали правильно распорядиться своей жизнью. А правильно распорядиться заключалось в одном – правильно умереть. «Если мы сейчас не прольём своей крови, то в будущем прольётся кровь наших детей. Вы хотите трусливо существовать в кротовых норах, пережив детей? Наши товарищи уже принесли свои жизни в жертву, чем мы хуже? Вы спрашиваете, что вас ожидает? Видите непогребённые кости? Шехиды не нуждаются в почестях, сам Аллах ныне оказывает им почести. Если тебя одолевает страх, выпей кружку воды и съешь кусок хлеба, а потом пошли к чёрту эту мирскую жизнь». «Зачем ты нас стращаешь? Мы и так еле живы. О какой завидной участи толкуешь?

Над нашей головой повис меч, мы пьём из луж и жуём горькую траву, так за какие блага мы будем отвечать?» «За это и ответите».

Они не хотели его оставлять. Теперь он говорил нечто противоположное раннему: «Вы нашли очень лёгкий выход. Умереть – это мало». Они снова подчинялись его убеждённости и горячей силе слова. Расстреляв последние рожки, Ахмед оглянулся назад. Вдалеке последние бойцы переходили горящий мост. Он стянул с себя гимнастёрку и кинулся к по-осеннему холодному Аразу, стремясь пересечь реку вплавь.

Иранский шейх

На противоположном берегу, гулко натягиваясь под ветром, хлопали брезентовыми боками белые палатки. Беженцы не торопились обживать их, они ожидали отправленные к ним из Азербайджана автобусы. Старый, грузный иранец, опиравшийся при ходьбе на посох, с коричневой, как каштан, кожей, с крючковатым носом, долгое время прочёсывающий палаточный городок, остановился перед Ахмедом: «Йа-Хакк!» «Йа-Хакк!» – вспомнив афганские уроки, ответил Ахмед и поцеловал старческие руки. «Меня зовут Баба Тахир. Ночью мне было видение относительно тебя», – старец говорил на плохом азербайджанском, часто примешивая в речь фарси, но всё равно было понятно. До дома Баба Тахира добирались на жёлтом такси. На пограничном посту их пропустили беспрепятственно. Стражник лишь посоветовал быстрого возвращения. «На свой автобус мы всегда успеем», – пробормотал Баба.

В саду цвели и благоухали розы. В комнате, где они сидели на толстом ворсистом ковре, коврами были увешаны даже стены. «Если тебе очень необходимо на тот берег, ты перешагнёшь реку и не умея плавать. Но никогда потом не сможешь повторить это действо. Чудеса не совершаются напоказ, жизнь – самое большое чудо. Приходится удивляться человеку, ежеминутно переходящему Реку Небытия и возвращающемуся. Я не требую веры, я тебе её показываю», – Баба Тахир взял в свои ладони ладони Ахмеда и неожиданно выдохнул в его лицо громкое и грозное: «Ху-у-у!» Руки Бабы удерживали и не позволяли ему свалиться в притягивающую бездну. Ахмед закрыл глаза. Внезапно он столь явственно увидел внутри себя огромное Око в паутине морщинок, внимательно изучавшее его, что похолодел от ужаса. Как в калейдоскопе, цветные пятна складывались в узоры; каждый узор, каждое новое сплетение заключало в себе тайну, казалось, ещё чуть-чуть и тайна станет как небо – обморочно глубокой, но одновременно прозрачной, лёгкой и понятной. Может, он и впрямь заснул. Медитация – тот же сон, маленькая смерть, точнее, добровольное её приятие; но после сна ничего не помнишь, тогда как после пробуждения, последовавшего после деликатного покашливания шейха, он всё помнил и, главное, чувствовал, что в его сердце взошла и закрепилась, подобно горной арче, сила, которой он не знал названия, но которая была благом. Теперь им не надо было слов, в благоговейной тишине они кивали друг другу лучистыми глазами, многозначительно улыбались и попивали чай с ароматной травкой.

О, мы ещё не умеем вымолвить слово, где уж нам научиться говорить молчанием.

Тубу

12 июня 1994 года вступило в силу соглашение о прекращении огня. Соседи в складчину в честь возвращения Ахмеда накрыли дастархан: резали барана, варили в закопчённых котлах плов. Ахмеда назначили инженером телефонной станции, он обзавёлся связями, стал деловитым, не прикасался к спиртному – к нему обращались за помощью не только по поводу его профессиональных обязанностей, одно его при-

сутствие предотвращало множество конфликтов. Со стороны это выглядело жизнью светской – он не соблюдал религиозных обрядов, но религия – не особенная жизнь, а сама – ежедневная живая практика.

Метя двор, беженка Тубу то и дело бегала в складское помещение (где и жила среди мётел, лопат, бочонков с известью; нужду справляла в ведро, которое выносила по ночам и сливала в канализационный колодец) – покормить или проведать грудное дитя, которое укладывала в чугунную ванну и сверху прикрывала досками – на складе водились крысы. Поначалу Ахмед мимоходом просто совал ей деньги, потом она убиралась в его доме, стирала и гладила, готовила ужин. Однажды, задержавшись допоздна, – ребёнок сладко посапывал рядом, и не надо никуда торопиться, – она подошла к дивану, на котором, читая газету, ненароком заснул Ахмед и, скинув с себя одёжку, прилегла с краю. Вся веснушчатая, молодая и горячая – была минута слабости. Как часто под покровом ночи случается то, что непозволительно днём: «Прости, Тубу. У нас ничего не получится. А ты живи здесь».

Ахмед переселился в опустевший после замужества сестёр отцовский дом. Объявилась Алёна, но лишь для того, чтобы оформить развод – она получала российское гражданство. «Недолго же ты горевал. Но мог бы найти объект более достойный внимания. Конечно, ты всю жизнь, как истовый мусульманин, мечтал о мальчике». «Какие глупости ты говоришь. Слава богу, нет людей, недостойных любви, что ж, и дворничиха способна любить, как гений. А мальчик хоть и не мой, но принял его как родного. Не оставлять же на улице». «Но почему именно ты? Почему именно тебе до всего есть дело?» «Алёна, не дури. Это временные трудности: голод, разруха, всё утрясётся». «Не могу, Ахмедик. Вся страна была Родиной, а теперь каждый заперся в своей коммунальной квартире и соседу глотку перегрызёт».

Мне кажется, я помню Юлю, хотя что может помнить человечек, едва ступивший на ножки? Две короткие вздёрнутые косички с бантиками – она любила изображать индийский танец, смешно дёргалась, заставляла отца хлопать в ладоши и кричала: «Посмотрите на меня!» Отец сильно смеялся. Он так больше и не женился. Когда ему рекомендовали достойных женщин, отвечал шуткой: «Господь милосердный избавил меня от жены, не будет же Он навязывать мне другую». А маму забирал другой мужчина. Я уже учился в школе, спрятался и не откликался на взволнованный мамин зов. Мама приходила ещё несколько раз, потом смирилась – у неё родилась двойня.

Конец

Отец перенёс инфаркт. Рано ложился спать, вставал со вторыми петухами (первые голосят в полночь). И эти два-три часа до восхода Солнца были самыми сладкими в жизни, когда можно, ни на что не отвлекаясь, творить зикр – неслышную молитву. Не только внутренний голос, каждая его частица взывала: «О, Аллах!» Какое сердце выдержит подобную нагрузку?

Он всё более мягчел. Его кроткость доходила до комизма. Просил прощения у врача, делавшего укол, за доставленное беспокойство. Радостно щерящаяся и машущая хвостом собака бросилась ему на грудь передними лапами и запачкала белую рубашку. «Почему ты её не прогнал?» – спросил я и услышал замечательное: «Я не мог отказать выказанной мне дружбе». Но есть ведь иная власть – власть слабости. Она походит на власть, которую имеют над родителями малые дети. Она основана на нравственной чистоте того, кто повелевает, и на уверенности, что своим повелением он не желает совершить насилия над чужой волей, и что повеление приносит радость тому, кто её принимает. В мире, где преуспеяние вошло в плоть и кровь, подобная кроткость вызывает уничижительный смех. Но в том то и дело, что при таком порядке вещей смирение достаётся с большим напряжением.

Его выписали из больницы – не хотели портить статистики. Лицо его осунулось, но общее выражение показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. «Как хорошо умирать!» – он действительно умирал легко, с полным осознанием происходящего и внимательно изучающим новый опыт. «Старая карга! Кто бы мог представить – как сладки её объятия, словно объятия юной красавицы… Я не мог жить от горя, теперь умираю от силы Его любви».

Опыт этот касался другой Реальности. И когда он вдруг поинтересовался последними новостями, и я перечислил: бельгийский психопат в клоунском гриме пырял ножом новорождённых, падение цен на нефть, талибы взорвали мост в Хайберском проходе, в пещерах Тора-Бора… отец отвернулся к стене: «Ничего не меняется: тарыбары, суета сует».

В январе 2001 года обещанный Конец Света на стыке двух тысячелетий так и не состоялся, но случилась катастрофа единичного масштаба. Отец умер в сорок лет. Сорок лет – это только молочные зубы мудрости, Мухаммад лишь становился Пророком – и впереди целая жизнь, опрокинувшая миропорядок. По ледяным скользким ступеням трудно подняться в гору, его хоронили близко к дороге (под могилой героя советского пантеона – Ханлара, убитого царскими агентами на нефтепромысле во время стачки 1907 года, гроб поддерживал сам Сталин и будущие комиссары) – лом еле пробивал промёрзшую землю. Совсем как по хадису Пророка: «К нему рано придёт кончина, скорбящих о нём будет мало, а имение скудно». В ту ночь я видел сон: сияющий Престол на возвышении, по одну сторону – пророки и святые, и Мухаммад на Престоле показывает отцу место по другую сторону – где воины и шехиды.

Будда определяет страдание как наказание за вину и видит Истину в избавлении от страданий, не подозревая, что страдание – есть награда и самый кратчайший путь. Встретить беду – значит, встретить удачу.

Вернувшись после некоторой отлучки в 2007 году, я не узнавал посёлка: вместо ветхих самостроек – двухэтажные виллы, песчаный пляж перегорожен каменными заборами, выкорчеваны ельник и маслинная роща, вместо прежней мечети – громада новой. Дорогу расширили, могилы перезахоронили. Чужие люди показали мне новое место, я не смог преклонить головы, я не уверен – моего ли отца эти кости.

Я стажировался в газете «Каспий» и стал инициатором публикации беседы журналиста Искандера Аманжола с предводителем Афганского движения за национальную солидарность и кутбом тариката Кадрийа Саидом Исхаком Гилани. «Какое отношение Афганистан имеет к нам?» – возражали мне, но я настоял ещё и потому, что это имеет отношение ко мне. Что добавить? Может, то, что мою жену зовут Кадрия. Весь мир связан какими-то нитями, тронешь в одном месте, аукнется в противоположном. Есть сотни вещей, которые можно сделать сотнями способов. В конце концов выясняется, что для каждой вещи есть один-единственный способ.

Я пишу эту рукопись, сын, пробегая, со смехом сбрасывает со стола листки. Кому нужна сия повесть? Кому интересна сия судьба, когда каждого ожидает собственный рок? Мне бы хотелось думать, что дети будут жить лучше нас. Может, и будут лучше. Но никогда они не станут лучше нас.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ХАТУНЦЕВА

НА ЕГО МОГИЛУ НЕ ПРИНОСЯТ ЦВЕТОВ

Николай Борисович Хатунцев родился и умер в городе Баку (1932 – 2004). Его отец прибыл в Баку из Саратова, откликнувшись на призыв поднимать науку на былых царских окраинах. Дед – Николай Николаевич – был действительным статским советником, потомственным дворянином, руководившим строительством Восточно-Китайской железной дороги, а его потомки жили в тупике улицы Красного Аскера – спаянные в одно целое «итальянские» дворики, над которыми, подобно дыму соседней городской бани, витал дух коллективизма.

Николай Хатунцев учился в школе № 6 (1940 – 1950). Ещё в детстве перечитал всё, что только возможно – мама заведовала библиотекой имени Короленко. В 1948 году победил в юношеском чемпионате города по шахматам и в составе сборной республики выступил на командном чемпионате СССР, где, играя на первой доске, свёл вничью партии против будущего чемпиона мира Спасского и будущего гроссмейстера Лутикова.

Образование – юридическое. Работал в районе заместителем прокурора, но потом случилась какая-то тёмная история (в карман вложили конверт с деньгами), и он вынужден был переквалифицироваться в литераторы: газета «Молодёжь Азербайджана», почти сорок лет (1965 – 2003) – главный редактор издательства «Элм» при Академии наук Азербайджана.

В 1980 году под влиянием старшей (на три года) сестры увлёкся живой этикой Рериха: «Именно она со свойственными ей настойчивостью и энтузиазмом находила редкие книги, пожелтевшие дореволюционные издания, копии с копий, густо перепечатанные через один интервал на папирусной бумаге. А сколько вот таких копий напечатала она сама, полуслепая, часами сидя за своей допотопной машинкой!»

О Елене – разговор отдельный. Она закончила школу с золотой медалью, но, заболев костным туберкулёзом, несколько лет провела в неподвижности, закованная в гипс. Однако закончила с отличием заочно два института: филологический и иностранных языков. Выздоровев, преподавала русский язык в Институте иностранных языков им. Ахундова, защитила кандидатскую, перевела с английского солидное по объёму «Посвящение» Элизабет Хейч, выдержавшее два издания в московском издательстве «Сфера» (1993, 1998). Елена и сама писала стихи, но исключительно духовного плана.

При газете «Вышка» Хатунцев вёл литературное объединение «Родник». Если прежний руководитель – Владимир Кафаров был аристократично-строг, порой едко-беспощаден, то Хатунцев, наоборот – мягок, терпелив, демократичен.

Однажды мне попенял за рифму «порфира» – «квартира», говорил, что в данном контексте она искусственно сконструирована, а всякая рифма должна быть естественной и необходимой, как дыхание. Ещё запомнилось: «Первую книгу надо выпускать, когда твёрдо решил судьбу связать с литературой». С удовольствием вспоминаю те удивительные меджлисы! С распадом СССР расслоилось общество, кого здесь только не встречали: от всей в золоте жены олигарха до горемыки (бывшего филолога-аспиранта), только вышедшего из психушки, в рубашке на голое тело, в тапочках на босу ногу. Но всё равно – единое цеховое содружество, и ценилось совсем другое богатство: золотые россыпи слов и души.

Прогрессирующее заболевание головного мозга привело к расстройству речи, неподвижности; в последний год жизни Хатунцев сжигал какие-то бумаги, раздавал вещи. Приходили к нему сиделка, ученики, но после потери сестры, сына, жены не покидало

ощущение его громадного одиночества. Смерть его сопровождалась некрасивой историей с делёжкой квартиры, пропажей архивов. Он успел ещё сдать в типографию рукопись, но печатать её уже никто не желал. Тофик Агаев – друг с 60-летним стажем – забрал рукопись, на 16 лет она запропастилась, а потом прибилась ко мне, я создал её электронную версию.

На могиле Хатунцева поставили простой камень, никто сюда не ходит, иногда ученики вспоминают его по какому-то случаю. Все книги Хатунцева выходили в Баку: «Восхождение» (1978), «Связь времён» (1981), «Свет» (1984), «Донести огонь» (1987), «Единение» (1992), «Голоса» (1998), «Товарищ, верь!» (поэма, 1999), «Любимый портрет» (2000), «Смотрите вверх» (2001). Переводы из Низами – более 50 газелей, рубаи, начальные главы поэмы «Лейла и Меджнун» – вошли в ряд академических изданий.

Марат Шафиев

НИКОЛАЙ ХАТУНЦЕВ

ШУМ ВРЕМЕНИ

(Отрывки из рукописи)

Вечер

Вечер...
Потемневший асфальт отдаёт постепенно дневное тепло.
Старый тополь шуршит оловянной изнанкой листвы.
Этот шелест, чуть слышный,
Превращается в эхо дождя,
И его повторяет, как рупор,
Гулкий свод подворотни.
Я стою, ожидая,
Когда загорится напротив
Красным светом окно на втором этаже...

У моря

С расстановкою, не торопясь,
волна накатывает на берег
и гулко шлёпается о него, а затем
отступает, оставляя среди камней
шипящие пенные лужицы.

Песчаный берег, шорох и скрипы гальки,
йодистый и рыбный запах моря,
зелёные обрывки клейких водорослей,
клекот белых гребней.
Какое блаженство –
сидеть на валуне
и глядеть в зеленоватый на просвет,
шипящий край очередного
зазубренного вала.
Море знает всё.

Ты сказала

**Ты сказала: «Как я люблю цветы!»,
срывая на альпийском лугу букет,
который через пару часов был выброшен,
засохший и увядший.
Ты сказала: «Как я люблю всё живое!»,
уплетая за обе щеки бифштекс, сочащийся кровью.
Ты сказала: «Как я люблю тебя!»,
и я почувствовал страх и стал невольно оглядываться:
куда бы ускользнуть?**

...Тень надежды

**Как мне плохо!
Тень надежды,
изгнавшей себя отовсюду,
словно робкая птица,
стучится в окошко ко мне.
Голова тяжела, как с похмелья,
хотя и не пил я давно,
и успехи, пускай лилипутские,
тоже не радуют.
Только одна голова,
только разум
пока не изъеден проказой,
имя которой – старость.
Потому-то сегодня
я, зажав своё сердце в горсти,
не пускаю в окошко
озябшую бедную птицу –
тень надежды.**

**С ней мне станет ещё тяжелее...
Но сумеет ли кто-то
сегодня всё это понять?**

***

**Разлюбил...
Это значит – перестал
видеть твой профиль
в кроне каждого дерева,
в очертаниях скал,
в летучем облаке.
Разлюбил...
Это значит – перестал думать:
– О, если бы она была со мной!
О, если бы она видела это!**

Старик

Старик
во дворе ворошит железным прутом
горящий мусор –
старые бумаги, пожелтевшие газеты, тряпьё.
Золотые звёздочки искр,
взлетев,
превращаются в пепел
и сыплются сверху,
как бесчисленные извещения
о чьих-то похоронах.
Старик
следит за их полётом,
сстулясь, глубоко втянув голову в плечи,
неподвижный, как тень от одиночества.

Мореплаватель

Мореплаватель
Тоскует без океанской свежести,
Он видит синеющий берег залива,
крутые утёсы,
извивы морской травы,
песчаные отмели.
Мореплаватель знает:
ничто не уходит,
не исчезает совсем.
Из океанского чрева
вновь и вновь возникают
упругие волны и быстрые рыбы,
раковины и водоросли.
Мореплаватель
перебирает горсть песка;
взгляд его
устремлён в синеву.

Шум времени

Даль горизонта сужается,
ландшафт превращается в плоскую фотографию.
В потоке воспоминаний
мелькают отрывочные картинки:
громада какого-то замка,
лунный прибой,
облака над горами.
Слова испаряются,
превращаются в шёпот,
и остаётся неясный шум –
разговор текучей воды...
Может быть,
это и есть шум времени?

Прощайте!

**Сердце моё –
кровоточащий, но ещё живой
кусок мяса
грубо волочили
по бритвенным лезвиям и
остриям торчащих шпилей.
Ослепнувший от слёз,
я потом брёл без дороги
по каменным коридорам
под какими-то сводами,
где, совсем рядом, что-то шептала
чёрная вода забвения.
Прощайте, мои дорогие!
Забудьте меня поскорей!**

Звезда

**Над крышами домов,
Над синевой кварталов
Горит одинокая звезда.
Её лучи несут нам свет.
Но звезда — не лампа!
Она горит не затем,
Чтобы освещать улицы...**

Близорукость

**Близоруким
люди кажутся красивей,
чем они есть на самом деле.
Близорукие
не видят мелких деталей:
морщинки сглаживаются,
дефекты теряются,
миловидные женщины
становятся загадочными,
как «Неизвестная» Крамского,
кассир смахивает на Декарта или Спинозу.**

**Близорукий смотрит на мир
взглядом лакировщика
действительности.**

**Каждый предмет
окружает маленький радужный мираж.
как фонарь в дождливый вечер.
Может быть, поэтому
среди романтиков
столько очкариков?**

На пароме

На пароме
мы плыли через узкий пролив,
больше похожий на широкую реку.
Бессчётные чайки
вопили,
кружились, как мусор в воронке,
заполнили небо вокруг.
Их грязно-белые крылья
почти задевали стоящих на палубе.
Их злобные хриплые крики,
их жадные жёлтые клювы,
казалось, долбят наши головы,
добираясь до мозга.
Чаек кормили.
Им кидали объедки и крошки,
куски недоеденной булки,
стаканчик с мороженым.
Белые птицы
метались, кидались,
садились на волны,
глотали добычу, поймав на лету,
порой затевали жестокие драки,
вылавливая очередную подачку.
Паром всё плыл,
и казалось, не будет конца
омерзительным хриплым баталиям.
Чайки не были голодны –
жирные, сильные, с мощными крыльями.
Они дрались не ради того, чтобы выжить,
а просто за жирный кусок,
утверждая себя по привычке,
как частицы большущей закваски.
Я подумал:
а может. и мы
превращаемся (или уже превратились)
в стаю
безмозглых и яростных
оголтелых существ,
подбирающих всё,
что обронят нам с борта.
А корабль под названьем «Прогресс»
будет плыть – нет нам дела, куда.
Наш девиз:
Потребляй, насыщайся, хватай!
А наука, культура, искусство –
лишь стыдливая ширма,
прикрытие сути,
простой камуфляж, за которым опять и опять проступает,
как скелет проступает под плотью,
тот же клич:
Потребляй, насыщайся, живи!

Спящая

**Я видел во сне
застывшую, спящую речь.
Существительные замерли в именительных падежах,
как холодные утюги-дредноуты
из затвердевшего желе
на водной глади.
Глаголы,
утеряв окончания,
свернулись, подобно улиткам,
в инфинитивах.
Исчезли
шнырявшие между ними,
как юркие лодки,
предлоги, союзы, частицы и т.д.
Прилагательные
потеряли цвет и форму,
когда их стало не к чему прилагать.
Словно утекла живая плоть –
запахи, оттенки, фактура –
и остались лишь остовы,
которые будут отныне ржаветь
под дождём и солнцем,
отдельно друг от друга.
Я подумал:
Как жить с этими скелетами?
Не хочу!
И проснулся.**

Разлука с морем

**Наступило время
мелких белых ракушек
и морской травы –
их выбрасывает
после каждого шторма.

Вода тёмно-зелёная,
чуть обжигающая.
Тело становится в ней
бархатистым.

Я увидел твой след на песке
и сразу
ощутил на губах
горькую соль.
Да, это октябрь,
месяц разлуки с морем.**

Жаворонок

**Высоко-высоко,
как воздушная арка,
выгибается синий сияющий свод,
а над ним в пустоте
затерялся невидимый звонкий певец.
Льётся песня,
словно звон бесконечной струны,
неприметно сливаясь
с полуденным запахом трав,
медовыми струями дрожа,
дыханьем горячей земли –
хрустальная песня неба.**

Одиночество

**Одиночество – грустное слово.
Мысленно мы всегда ставим к нему
знак минус.
Оно холодного синеватого цвета
с сизым отливом.**

**Одиночество противопоказано
большинству людей.
Ведь многие
просто не могут
быть наедине с собой.**

**...Что делать, если вдруг
испортился телевизор,
не пришли гости?
Они будут маяться,
висеть на телефоне,
назначать встречи,
а в конце концов
выбегут из дома
в поисках себе подобных.
Такие люди напоминают,
что человек –
животное общественное.**

**У женщин это выражено
известной формулой:
«Лучше пусть будет кто-то,
чем никто».**

**Я не сторонник одиночества,
отнюдь не анахорет.
Но иногда я чувствую:
очищение одиночеством
необходимо.**

От загрязнения среды зудит кожа,
от чрезмерности общения – душа.
Нечто вроде аллергии.
Одиночество – прохладный, целебный душ.
Собственные чувства,
собственный ум,
неколлективные мечты!

Как песок и ржавчина, осыпается шелуха будней,
К тебе возвращаются твои друзья:
облака,
птицы,
деревья,
Дождевая вода
течёт сквозь листву,
Цепи гор встают за холмами,
звучит ручей.

Одиночество –
это изнанка абсолютной свободы.
Как прекрасно быть одному
и как невыразимо скучно!

К тому же
очищение одиночеством недолгосрочно,
В этом
оно подобно лечебному голоданию.
Скорлупа его хрупка –
не забывай об этом!

Он улетит...

Особое состояние души:
беззвучно лопнула
тусклая перепонка из рыбьего пузыря,
и мир предстал первозданно-светлым,
сияющим лаковыми красками,
как переводная картинка,
омытый каплями свежей росы, со всеми своими звонами,
запахами, оттенками,
рельефный на ощупь,
с восхитительными неровностями почвы,
трещинками камней, песчинками,
кристалликами кварца.
Спеши запомнить этот облик,
знай:
мир, открывшийся тебе,
недоверчив и пуглив,
как лесная птица,
и он так же внезапно
улетит.

***

**Наукой установлено, что вселенная расширяется,
галактики разбегаются,
и весь мир произошёл некогда
из единого сверхатома
в результате так называемого
«большого взрыва».**

**Мы понимаем это умом,
Но –
разбегание галактик
волнует нас куда меньше,
чем уход любимой женщины,
а большой взрыв ничтожен
в сравнении с гневом
непосредственного начальника.**

Муравьиный лев

**Барахтаюсь в воспоминаниях,
как муравей в песчаной воронке.
Края осыпаются,
струйки песка
стекают со всех сторон,
отбрасывая на дно.**

**Снова и снова скатываюсь,
не могу добраться до верха.
А где-то притаилось
самое страшное воспоминание –
муравьиный лев.**

Наше свидание

**Наше свидание
соткано из дождевых капель,
шуршания зонтов,
шелеста плащей.
Слова расплываются,
как отражения деревьев,
лица прохожих,
круги на лужах.
И всё же
нет-нет, да проглянет
клочок голубого неба –
твоя улыбка.**

Осенью

Осень...
Плавно-обрывистый полёт
сорвавшегося с ветки
падающего листа.
График уходящей жизни:
до оси абсцисс,
до земли,
до небытия.

На балконе

Балкон голубовато струится.
Его прутья,
вмурованные в шероховатый бетон,
оживают, как арфа,
под ударами норда.
Облака несутся,
закрывая луну,
а вдали беспокойные волны вздымает Хазар.
Неужели
я опять не усну до рассвета?

Туман

Помню, в летнюю пору
здесь стоял оглушительный гам
от гнездящихся птиц,
а сейчас – тишина,
и безжизненный иней
блестит на крутых валунах.
Только волны шуршат, как и прежде, по гальке,
появляясь одна за другой из тумана,
под невидимым небом
с молочным свечением слабого солнца
над невидимым морем,
катящим студёные волны.
Я долго стою.
Всё хочу разглядеть или что-то услышать.
Напрасно! Окрестности тонут в тумане –
он всё поглотил, всё окутал вокруг,
и не на что нам опереться.
Повсюду бесплотная мякоть,
где нет ни земли, ни воды,
куда не доносятся звуки.
Не так ли обычно кончаем мы жизненный путь –
в одиночку, в тумане, в беззвучной глуши, у берега моря,
которому имя – Забвенье?

ЭТИМАД БАШКЕЧИД

Велосипед

Рассказ

Перевод **Солмаз СУЛЕЙМАНОВОЙ**

Известная пословица гласит: «Мой ребенок мне дорог, но его воспитание – дороже». Мы, азербайджанцы, много говорим о воспитании, возможно, даже больше, чем народы всего мира, вместе взятые. Если говорить по совести, то мы не ограничиваемся только разговорами, есть немало людей, которые посвящают все свое свободное время детям. И мой отец, который много лет работал директором школы в Дманисе, был таким человеком. Правда, у моего отца было не так много свободного времени, он работам и по выходным. Вот почему он ничего не знал о том, что мы вытворяли на протяжение всего дня, чем занимались. И если бы не мой младший брат Мехти, это так бы и было! Отец назвал брата в честь своего отца, однако брат больше походил на деда по материнской линии – не мог держать язык за зубами. Как только наш отец переступал порог дома – начиналось. Мехти в красках рассказывал отцу то, что случалось и не случалось в течение дня.

Сколько раз я бил этого балабола за ябедничество, по-хорошему уговаривал его – не срабатывало. Возможно, причина была в том, что он учился в русском секторе, или еще почему-то, но Мехти не было равных в этом деле. В то время он учился во втором классе, я же был старше него на три года. Папа всегда терпеливо слушал брата. Его, состоящая из русских и азербайджанских слов, словно винегрет, речь могла вывести из себя любого, но только не нашего отца. Отец не сердился на Мехти, всегда либо гладил его по голове, либо нежно трепал волосы. Но все было иначе, если у отца случалось плохое настроение. В этом случае, опираясь на информацию, почерпнутую из монолога Мехти, отец хмурился и начинал читать наставления, приводя в пример образцовых детей соседей и родственников. А затем, как правило, обещал, что будет весьма плотно заниматься нашим воспитанием, ибо нашей матери не до нас, и если так будет продолжаться, то из нас не получится достойных людей.

* * *

Говоря, «вы сами себе предоставлены», отец косвенно предъявлял претензии нашей матери, и на этот раз он был прав. Когда он в последний раз (незадолго до события, которое я опишу ниже) читал нам нравоучения, мама была беременна третьим ребенком и ей было не до нас. В последние дни мама уже не находила себе места. Она то ложилась на кровать и спустя некоторое время, охая, вставала, а то весь день ходила вперед-назад. Иногда они с отцом тихонько разговаривали. В то время я уже перешел в пятый класс, и кое о чем имел представление. Я знал, что максимум через неделю или дней десять в доме появится еще один человек.

В тот вечер отсутствие настроения у моего отца повлияло на нас всех, но

больше остальных насупился Мехти. Даже будучи ребенком, он понимал, что после столь серьезного порицания он продолжительное время не сможет ни о чем просить отца. И, в частности, мечтам о велосипеде придется долго ждать. Он молча взял книги и тетради, сел у печи и, шевеля губами, запел про себя.

– Разве я не говорил тебе, что когда ешь, то не надо шевелить губами, – в этот момент отец был недоволен всем. – Что это за привычка у тебя?

* * *

Прежде чем продолжить наше повествование, расскажем об увлечении Мехти велосипедами. Если сказать, что ему снились велосипеды, значит, ничего не сказать. Как только выпадала возможность, к месту или нет, Мехти сразу же заводил речь о велосипедах. У него была большая коллекция вырезанных из газет и журналов картинок с изображениями велосипедов. Это сокровище он хранил в одном из отсеков своего портфеля.

Следует заметить, что Мехти был не из тех детей, которые, поговорив, умолкали. Он, как и мой дед по материнской линии, старался добиться желаемого упрямством. И это несмотря на то, что очень хорошо знал: отец сам должен захотеть что-то сделать. Другого варианта не дано. Наконец перед непрекращающимися атакующими требованиями Мехти сдалась и наша мама: перешла на его сторону:

– Ради Аллаха, купи ему велосипед, мы уже сыты по горло!

Отец так скоро не собирался сдавать свои позиции. Поэтому он твердо отвечал:

– Еще не время!

– Почему не время? Он уже большой. Купи велосипед, пусть катается. Надоело!

Настойчивость нашей матери в этом вопросе привела к перестановке сил в пользу Мехти. Все более неубедительными становились слова отца, мол, «еще не время». Но надо было принимать решение. И наконец он озвучил свои аргументы:

– Пойми, это плохо отразится на поведении нашего сына. Придет время – купим. Что за спешка?

Если тема затрагивала вопросы воспитания, то спорить с отцом было бесполезно. Он был учителем и хорошо понимал, что надо делать и как следует поступать в этом случае. И знал это, возможно, лучше всех жителей нашего села еще и потому, что был не просто учителем, а директором школы. Разве могли бы назначить директором человека, который бы не разбирался в воспитательной работе? Нет.

Я больше Мехти был разочарован отказом отца. Признаюсь, что несмотря на мою неприязнь к Мехти, я с нетерпением ждал дня, когда же ему купят велосипед…

* * *

Почти месяц минул с того разговора, и за это время Мехти ни разу не заикнулся о велосипеде. Но я очень хорошо знал Мехти, знал, что он так легко не сдастся. К тому же я не желал упустить случай посмеяться над ним, уколоть его. Чем черт не шутит, а вдруг его раны заживут, и он распрощается с мечтой о велосипеде. По утрам спросонок, украдкой, чтоб отец не слышал, я подтрунивал над Мехти:

– Мишель, а можно я возьму твой велосипед? У меня сегодня много дел. – Мехти не отвечал. Я же нарочно приободрял его: – Ничего, Мишель. Вырастешь, заработаешь денег и купишь себе шикарный велосипед. Правда, взрослый мужчина на велосипеде смотрится несколько неуклюже. А что делать? Не станешь же ты, купив велосипед, причинять себе душевную боль?

Мехти же вел себя так, словно мои едкие слова его никак не касались.

* * *

Как-то я ел груши под нашим грушевым деревом. Ко мне подошел Мехти и протянул скомканный клочок бумаги. Протянул ее мне и сказал:

– Возьми и прочти.

Прочитал. На русском языке было написано весьма замысловатое предложение.

– Что это?

– Сможешь перевести? – он в упор смотрел на меня. На лице же читалась ирония, мол, «друг, это тебе не под силу».

– А что тут переводить-то. Сделаю за две минутки, – ответил я в пику ему.

– Сделай, посмотрим. Сможешь – молодец.

Две минуты превратились в два часа. Я собрал все словари, которые были в доме. Наконец смог составить предложение. Следует сказать, что азербайджанское предложение было не менее сложным, чем русское. Мехти переписал азербайджанский вариант предложения, сунул бумагу в карман брюк и поднялся из-за стола со словами:

– Если мне купят велосипед, то ты сможешь кататься, сколько душе угодно. Даю честное мужское слово!

Думаю, что сказал он это в знак благодарности. На все мои дотошные вопросы относительно того, как это предложение соотносится с велосипедом, ответа не последовало.

* * *

Вечерело. Мы сидели вокруг стола и пили чай. В то время беременность нашей мамы не была столь очевидной. Она смеялась и шутила с нами. Отец обратился к Мехти:

– Мехти, как только занятия кончатся, я куплю тебе велосипед. Обязательно куплю, по рукам?

Мехти молчал. Но поскольку наш отец был учителем, ему не нравилось, когда вопросы оставались без ответов.

– Тебе говорю. Договорились?

– Нет, я сейчас хочу.

Отец передразнил Мехти:

– Я сейчас хочу. А кто за тебя уроки будет делать?

Мехти был не из тех, кто лез за словом в карман:

– Ты же не купил мне велосипед. Откуда ты можешь знать, что если у меня будет велосипед, я буду плохо учиться.

– Я не говорю того, чего не знаю. Разговор окончен. Наступит лето – куплю велосипед.

Мехти слегка заерзал на месте, словно набирался решимости. Он прошелся взглядом по каждому из нас и остановился на отце:

– Отец, знаешь кто ты?

Отец с нескрываемым удивлением посмотрел на Мехти:

– И кто же?

– Ты последовательный субъективный идеалист, который считает свое сознание единственно верным и отрицает объективную реальность.

Я замер на месте. Это было именно то предложение, которое я с большим трудом перевел накануне. В одно мгновение мне показалось, что все смотрят на меня.

Как бы я ни старался собраться, я покрылся холодным потом, и по моим щекам пошел нервный тик. Но нет, все внимание было сосредоточено на Мехти. Отец старался выглядеть хладнокровно. Немного помолчав, он сказал:

– Скажите, пожалуйста! Молодой человек, потрудитесь объяснить, почему вы думаете, что я – последовательный субъективный идеалист.

Он обратился к Мехти на «вы», словно подчеркивая, что выказывал ему уважение как серьезному противнику.

– Потому что происходящее во вселенной для тебя – ничто, а твое представление о нем – всё … То есть, для тебя! …

Я и мама молча смотрели то на отца, то на Мехти. Было очевидно, что мама ничего не понимала в этой словесной дуэли.

– Даже так! Хорошо. Что вы имеете в виду, когда говорите «объективная реальность»? – отец затянулся сигаретой и выдохнул дым над головой Мехти.

Но тут Мехти, словно ученик, плохо выполнивший урок, растерялся и стал ретироваться:

– Объективная … реальность …

Он был похож на певца, который сходу взял самую высокую ноту и теперь не может продолжить песню.

– Ради Аллаха, вы о чем? – мамин голос выручил Мехти. – Говорите так, чтобы всем было понятно.

Отец, как ни в чем не бывало, сказал:

– Так, ни о чем. Сын хочет сказать, что я неправ и должен купить ему велосипед.

Когда закончилась «чайная церемония», выходя из кухни, отец повернулся к Мехти и сказал:

– Скажешь дяде Мамишу, что последовательный субъективный идеалист – это он сам.

В сказанных отцом словах прослеживалось чувство самоудовлетворения, словно он не позволил кому-то обмануть себя.

* * *

Дорогой мой читатель, наш рассказ будет неполным, если я не заведу разговор о дяде Мамише. Он – младший брат нашего отца. На самом деле его звали Магомед, но вся деревня звала его «Мамиш». От нашего отца он отличался тем, что любил застолье и не упускал случая устроить драку. Если он кого-то и сторонился в деревне, так это был наш отец. Время от времени односельчане приходили к отцу с жалобой на дядю. Отец же старался убедить их, что, мол, это уже случилось и больше не повторится. Когда люди уходили, то он посылал меня или Мехти за дядей. Тот шел к нам не спеша, отец отводил его в дальнюю комнату и вел с ним продолжительные беседы. Но дядя Мамиш был еще тот дядя Мамиш: он был очень упрямым человеком. После подобных разговоров он как ни в чем не бывало вместе со всеми пил чай и при этом незаметно для отца хитро подмигивал нам, легонько кивал в сторону отца головой и исподтишка посмеивался. В таких ситуациях моя симпатия к дяде увеличивалась в разы. Мне казалось, что втроем мы создали тайный орден, и никто кроме нас не знает о его деятельности.

Но была одна вещь, которая выделяла дядю Мамиша из односельчан – наличие у него машины марки «Виллис». Вы даже не можете представить себе, что значит иметь в таком месте, как наше село, машину марки «Виллис». Особенно в зимние

месяцы, когда дороги заносило снегом, и мы оказывались полностью отрезанными от внешнего мира. Когда где-то застревал «ПАЗ», приезжающий в деревню раз в день, людей выручало единственное средство передвижения – «Виллис» дяди Мамиша. Зимой дядя Мамиш сиял от радости. Как только начитал выпадать даже самый мелкий снежок, радости дяди Мамиша не было предела.

В один из таких дней дядя Мамиш произнес:

– С неба не снег сыплет, а манаты. Манаты!

Эти слова сказаны были неспроста. В снежные зимние дни дядя Мамиш спозаранку выкатывал свой «Виллис» в центр села и, словно опытный рыбак, закинувший удочку в воду, терпеливо ждал. Часть людей, вынужденных ехать в районный центр по своим делам, не дождавшихся автобуса, расходилась с бранью в устах в адрес шофера и властей. Другая же часть вынуждена была прибегать к услугам дяди Мамиша. Его такса за проезд была известна каждому: за тридцатикопеечную дорогу до районного центра он брал ни много, ни мало – ровно один рубль. Когда я говорю один рубль, то ты, мой дорогой читатель, знай, что в то время он был равен нашему «ширвану»[1], а может быть, и больше.

Выражение «с неба не снег сыплет, а манаты», стало крылатой фразой. Когда в селе выпадал снег, то все говорили друг другу, мол, «кажется, снова мощный манат выпадет». Я помню, когда мой отец узнал о том, кому адресована эта фраза, то сильно разозлился.

– Какой же он невоспитанный человек! И в кого же он такой? – ворчал отец по этому поводу.

Дядя Мамиш дружил с Мехти. Несмотря на протесты отца, дядя часто брал с собой Мехти и даже научил его держать руль «Виллиса». Отец говорил, что Мехти похож на дядю, но сколько бы я ни старался, не мог найти общих черт в их лицах…

Если принять во внимание теплые взаимоотношение дяди и Мехти, то, безусловно, отец не ошибся в своих предположениях – именно тот дал указание Мехти. Иначе откуда Мехти мог знать про «объективную реальность», про «последовательный субъективный идеализм».

* * *

Итак, наконец-то мы можем продолжить рассказ с того места, с которого и начали. Как я и говорил, в тот вечер у отца не было настроения. Более того, он был несколько рассеян и расстроен. Отец часто заходил в дальнюю комнату, к маме. А когда выходил, то становился еще более взволнованным. Дверь в ту комнату была приоткрыта, и я мог видеть, что маму окружали соседки. На земле не было других живых существ, которых я так сильно ненавидел в тот момент: речь о женщинах, которые, как мухи, слетевшиеся на мёд, обступили нашу маму. Мне казалось, что именно они были виноваты в царивших в нашем доме панике и суматохе.

Было около пяти-шести часов вечера. Отец надел стеганую куртку и поспешно вышел из дома. Словно сговорившись, я и Мехти побежали вслед за ним. Порог был сильно заснеженным, а ночь – ясной. Ступая по проложенным в снегу следам отца, мы направились к дому дяди Мамиша. У меня не оставалось сомнений (это показывал и ход событий), что наступило время везти маму в больницу. В другое время отец отправил бы за дядей одного из нас. Но в этот раз он стал действовать сам, из чего была очевидна серьезность ситуации. Наконец мы дошли до дядиного дома. Во дворе была привязана огромная серая собака, которая своим глухим лаем оповестила хо-

[1] Ширван – сокращенное название выпущенной в 1994 году денежной единицы Азербайджана номиналом 10000 манатов. Названа так из-за изображения на лицевой стороне купюры дворцового комплекса «Ширваншахов».

зяев о нашем приходе. Спустя некоторое время дядя Мамиш высунул голову из дверей и позвал нас:

– Что стоите там? Проходите в дом.

Отец с нетерпением:

– Время не ждет. Быстро выводи машину, едем!

– Куда? – дядя Мамиш вышел на порог и закрыл за собой дверь.

– Жену мою в роддом надо везти, торопись, говорю тебе!

Я ожидал, что, услышав эту новость, дядя Мамиш разволнуется больше отца, бегом спустится по лестнице и побежит в сторону гаража. Но не тут-то было: человек полагает, а бог располагает. Дядя стоял, как вкопанный, на его лице отражалось спокойствие Будды. Отец шагнул вперед:

– Мамиш! Ты что, остолбенел?

– Ммм.. Я в это время …. Не смогу поехать.

– Что?

– Не смогу поехать… Сам знаешь … Время такое … Литр бензина подорожал до 50 копеек, покрышки никуда не годятся.

Я не верил своим ушам, если бы сию секунду разверзлась земля, то я с большим удовольствием провалился бы туда. Я сильно пожалел, что не остался дома. Мехти спрятался за отца, словно хотел раствориться в его тени.

«Так ему и надо, – подумал я. – Он и похож на дядю Мамиша, и дружит с ним».

– Так вот что! – многозначительно заговорил отец, Мне показалось, что я услышал свист отраженных от дяди Мамиша слов. – Ты пьян?

– Ни грамма не выпил!

Я думал, что отец повернется и уйдет. Но нет! Напротив, он стал договариваться:

– Сколько манат хочешь?

– Двадцать пять хватит …

– Двадцать пять? Ты в своем уме?

– Это такое дело, что … С постороннего человека я взял бы больше …

– Конечно, конечно! Спасибо, что уважил …

Наконец стороны пришли к согласию. Дядя Мамиш поспешил к гаражу, и, едва мы уселись, «Виллис» набрал скорость. Ранее (да и потом) я не видел, чтоб дядя Мамиш водил машину с такой скоростью.

Когда мы усаживали маму в «Виллис», смог всунуться туда и хнычущий Мехти. Конечно же, он не мог упустить случая попутешествовать на машине. Я тоже молча пристроился рядом: не оставаться же одному дома! Всю дорогу ни отец, ни дядя Мамиш не проронили ни слова. Глухой звук работающего на большой скорости мотора, мамины причитания, неуместные реплики сопровождающей ее соседки не смогли убрать на задний план неудобств создавшегося положения.

* * *

Когда мы добрались до больницы, было достаточно темно. Маму уложили на носилки на колесах и увезли внутрь. Отец подошел к курящему у машины дяде Мамишу и протянул ему приготовленные двадцать пять рублей. Дядя хладнокровно взял деньги, положил их в нагрудный карман пиджака, сел за руль и уехал. Некоторое время отец смотрел вслед машине. Но потом вернулся к нам. Мы стали ходить по двору родильного дома. Убирающий снег старик сделал замечание отцу:

– Почему дети мерзнут тут? Идите домой.

Отец в упор посмотрел на старика, словно не слышал или не понимал его.

Спустя полчаса издалека послышалось знакомое гудение «Виллиса». Машина медленно подъехала к нам и остановилась. Дядя высунул голову из машины:

– Так, садитесь, поехали. Тут больше делать нечего, – в его голосе были веселые нотки, которые никак не сочетались со сложившейся ситуацией.

Поколебавшись, отец тихонечко подтолкнул нас к машине:

– Дети, вы езжайте, а я завтра приеду.

Вслед за Мехти и я сел в машину. Как только машина тронулась с места, дядя пробурчал в адрес нашего отца:

– Проклятье, словно ему рожать.

* * *

«Виллис» покинул районный центр и направился в сторону села. Дядя два-три раза попытался шутить с нами, но из этого ничего не вышло. Он включил радио и искал любимые турецкие песни или еще что-то, но, не найдя, выключил радио и принялся напевать. Мы проехали немало, когда он повернулся к нам и сказал:

– Кто-то хочет в туалет? Смотрите, в следующий раз я остановлю машину только в селе. – Мы промолчали. Тогда он остановил машину и настойчиво сказал: – Выходите и справьте нужду. До села остановок не будет.

Мы вышли из машины. Правая сторона дороги была сплошь в кустах. Лишь в одном месте в кусты была проложена тропинка. Только мы ступили на нее, как Мехти задел что-то ногой. В следующую минуту раздался его радостный крик:

– Велосипед! Дядя, тут велосипед.

Дядя Мамиш растерянно ответил:

– Что ты такое говоришь? Откуда взяться велосипеду посреди пустынной равнины?

– Клянусь Аллахом, идите и посмотрите сами!

Мы приблизились к тому месту, где стоял Мехти. Он поднял велосипед на колеса:

– Видите?

– Ты посмотри! – вздохнул дядя Мамиш. – И ведь совсем новый. Везет же тебе, друг. Ну-ка, бери велосипед и поехали! Что происходит!…

– А если хозяин обнаружится? – сказал Мехти так, словно сомневался.

Дядя Мамиш рассердился:

– Парень, какой хозяин, хозяин чего? Ты как твой отец, – дядя Мамиш о чем-то задумался и добавил тихим голосом: – Если хозяин найдется – вернешь, не съешь же железку!

Мы погрузили велосипед в машину. Всю дорогу Мехти не умолкал, говорил о своей чудесной находке. Блеск его глаз ясно просматривался сквозь тусклое освещение салона машины. И было чему радоваться: настоящий велосипед марки «Украина», да еще и в масле.

Дядя поддакивал Мехти…

В те времена (не как сегодня) в магазинах ценник на товар не наклеивали. Цена гравировалась на раме еще на заводе. Я нагнулся и внимательно рассмотрел цену найденного велосипеда. Было написано: «Цена – 25 руб.»

АЙТЕН РУСТАМЗАДЕ

ЯРКАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исмаил Шихлы – последний бек XX века.

Чингиз Абдуллаев

Исмаил Шихлы с первых дней в литературе показал себя как личность.

Видади Бабанлы

Исмаил Шихлы является одним из мастеров слова, вписавших новую, яркую страницу в летопись художественной мысли азербайджанского народа. В произведениях, созданных талантливым прозаиком, продолжившим традиции классического наследия и использовавшим фольклорную сокровищницу, нашла полное выражение глубокая философия жизни. Совершенство стиля, образность художественного языка, широта и разнообразие описания внутреннего мира – характерные особенности, присущие прозе Исмаила Шихлы.

Как справедливо отмечает известный ученый, академик Низами Джафаров, есть современные писатели, написавшие больше произведений, чем Исмаил Шихлы, однако дело не в объеме и количестве. «Все, что написал Исмаил Шихлы, это произведения. Даже его первые рассказы и те – большие произведения...», – подчеркивает академик.

Воспитанный на народных традициях, Исмаил Шихлы с детства впитал в себя свободолюбивый дух представителей своего рода, любимых в народе поэтов Казым-аги Салиха, Мустафы-аги Арифа, патриотические идеи генерала Али-аги Шихлинского. Этот дух и эти идеи проявились и в романе «Буйная Кура», и в других произведениях, принадлежащих его перу.

После появления в 1947 году «Рассказа врача» один за другим в течение последующих лет вышли сборники его рассказов и очерков «Етар Асланова» (1949), «В водах Керчи» (1950), «Горы гудят» (1951), «Дашкесан» (1953) и другие. В 1957 году публикуется роман «Пути расходятся». Все произведения автора, изданные в тот и последующий периоды, имеют большую общественно-художественную ценность. В них отражается немалый, накопленный к тому времени опыт, и весьма сложный жизненный путь писателя. До войны он работал пионервожатым, затем, по окончании педагогического института, учителем в школе. С сентября же 1942-го и до самого конца войны сражался на фронтах Великой Отечественной, пройдя сквозь огненные годы которой был награжден Орденом Красной Звезды, а также медалями «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

После войны, в 1946-м году Исмаил Шихлы уже учился в аспирантуре и свою кандидатскую диссертацию написал по творчеству своего знаменитого земляка – одного из самых видных представителей азербайджанской литературы Мехти Гусейна. После получения Исмаилом Шихлы ученой степени, он приступил к педагогической деятельности, которой и посвятил более 50 лет своей жизни.

Жестокие фронтовые будни, мир научных работников, мир студенчества и преподавания, – все это так или иначе находит свое отражение в творчестве автора.

Известный русский писатель Анатолий Иванов подчеркивал, что Исмаил Шихлы от произведения к произведению, от книги к книге все глубже постигает механику социальных законов жизни, глубинную суть социально-нравственных процессов, происходящих в недрах человеческого общества, в самой гуще жизни.

Особенно характерен в этом отношении роман «Пути расходятся», в котором описана драма человека, возомнившего себя незаменимым, глубокий конфликт индивидуума с обществом.

События, происходящие в романе, касаются актуальных проблем того времени. Исмаил Шихлы, как чуткий художник, подчеркивает опасность для общества серьезных нарушений демократических принципов жизни, в появлении людей, наделенных неограниченной властью, руководителей-диктаторов.

По сюжету руководителю диктатору Гурбану Кеса оглу противостоят молодые, честные и глубоко патриотичные люди, трудящиеся на благо народа. Писателем была создана галерея незабываемых образов, таких, как Имран, Зейнаб, Наргиз, дядя Насиб, Тукезбан. Представители старшего поколения морально поддерживают молодежь. В этом романе нет выдуманных событий, нет никакого преувеличения. Победа дается героям нелегко.

Вспомним Наргиз, которая в конце книги возвращается в село. Ей приходится идти против семьи, против собственного отца, который, будучи высокопоставленным чиновником, не одобряет ее выбор. Мысль о том, что дочь отправляется работать в деревню, кажется ему невыносимой, а приход в его дом Тукезбан и дяди Насиба в качестве сватов и вовсе выводит его из себя.

В финале за Гурбаном Кеса оглу приходят сотрудники соответствующих органов, как и следовало ожидать, он понесет заслуженное наказание. Однако его помощники успевают сделать свое черное дело, устроив пожар в том месте, где хранился хлопок. В результате пожара пострадала мать Имрана, Тукезбан. От полученных ожогов она умирает в больнице. Таким образом автор подводит нас к тому, что никого из героев не обходят стороной потери и удары судьбы. Это делает произведение правдивым и жизненным.

Следует отметить, что прекрасная в своей живописности и суровости природа вокруг неукротимой Куры вдохновляла таких самобытных певцов родной земли, любимых всеми нами поэтов, как Мирварид Дильбази, Осман Сарывелли, а также и Исмаила Шихлы. Это отчетливо сказывается и в романе «Буйная Кура», и в произведениях малых жанров – рассказах, притчах, легендах.

Как известно, малый жанр – жанр трудоемкий, он требует от автора глубокого ума, понимания причин сложнейших жизненных явлений, проникновения в самые потайные уголки человеческой души, высочайшего писательского мастерства.

Исмаил Шихлы никогда не изменял своим художественно-эстетическим принципу. Основополагающей задачей в творчестве писателя является утверждение в человеке мужества, чистоты, благородства.

Герои Исмаила Шихлы живут в разные времена, обладают разными характерами, писатель подвергает их разным жизненным испытаниям, стремясь исследовать истоки, особенность этих человеческих черт.

Вспомним рассказ «Встреча». В основу сюжета положен безобразный, но не редкий в 30-е годы прошлого столетия случай. Молодой учитель Паша, ретивый комсомолец, один из тех, из кого вскоре вырастут чудовищные руководители-диктаторы, основывающиеся «на последней речи вождя», где сказано, что дореволюционных специалистов Советская власть использует временно, – жестоко расправляется со старым преподавателем, недавним своим воспитателем, выбрасывая его, больного и беспомощного, на улицу со словами: «Можешь идти на все четыре стороны... Только попробуй пожаловаться. Не успеешь и моргнуть, как в Сибири окажешься...»

Жизнь идет, меняется, судьба сводит их детей – сын старого учителя Исрафил, ставший преподавателем института, принимает экзамен у сына Паши. Узнав, кто перед ним, Исрафил от ненависти поначалу теряет самообладание, ведь действия отца этого студента в конце концов погубили его родителей. Но Исрафил понимает, что этот парень с открытым, добрым лицом ни в чем не виноват. И Исрафил поступает по неписаному закону, бытующему в азербайджанском народе: ответить злом на зло может каждый, но только настоящий, истинный мужчина способен ответить на зло добром. И этот неписаный, благородный закон предков стоит во главе угла во многих произведениях Исмаила Шихлы, так или иначе проходит через все его творчество. И когда писатель исследует души стяжателей, карьеристов, приспособленцев, беспринципных личностей, он всегда противопоставляет им людей, живущих по закону справедливости и братства, оставляя победу за ними.

Лучшие народные чувства особенно ярко отражаются в фольклоре. Поэтому неслучайно Исмаил Шихлы обращался в творчестве к этому пласту духовного богатства своего народа, создавая на основе преданий и легенд своеобразные произведения – такие, как «Золотая змея», «Хлеб насущный» и другие.

Основываясь каждый раз на каком-либо конкретном народном поверии, притче, предании, писатель перерабатывает их содержание, придавая им современный характер, с целью как можно ярче донести богатейший народный дух, высокие принципы человеческих отношений до новых поколений.

Как уже упоминалось, Исмаил Шихлы прошел по долгим огненным дорогам войны. Он воевал в инженерно-саперных войсках, с боями прошел Северный Кавказ, Кубань, Белоруссию, Литву, закончил войну в Восточной Пруссии. Ему довелось быть свидетелем и участником многих грандиозных воинских подвигов. Конечно же, бывший солдат, ставший писателем, не мог не писать об этом. Одна из его повестей так и называется – «Огненные дороги». Это документальное, в форме дневниковых записей, повествование о нелегких боевых буднях во время десантных операций в Керчи, Коктебеле, в боях за Белоруссию, за Кенигсберг.

Как справедливо отмечает А.Иванов, в этой книге, рожденной из военных дневников писателя, больше теплых человеческих чувств, чем военного огня. Естественно, огня в повести с избытком, но огонь этот как бы забывается, отступает, когда автор рассказывает с большой любовью и теплотой о своих товарищах-фронтовиках, в основном, о своих ровесниках – Балакиши Османове, Смирнове, Черкасове, Новрузе, Али Субхи, Кондрачуке, Ахмеде Чайлы и других. И лишь когда люди гибнут – читатель вздрагивает и, очнувшись, возвращается в суровую и безжалостную реальность, видит снова людей на огненных дорогах войны.

Исмаил Шихлы – личность незаурядная. Он был не только хорошим писателем, мастером слова, но также и хорошим литературоведом, блестящим переводчиком и настоящим преподавателем. Переводы Исмаила Шихлы рассказов «Пышка», «Ожерелье», «Мать уродов» Ги де Мопассана, «Письма из Тахталыкея» Азиза Несина являются образцами лучших литературных переводов.

Большую часть своей жизни Исмаил Шихлы посвятил преподаванию. И, быть может, для многих стало неожиданностью, что человек, долгие годы преподававший античную и западноевропейскую литературу, посвятивший много лет своей жизни изучению этого направления, вдруг выходит на литературную арену с чисто национальным романом «Буйная Кура».

Однако ничего удивительного в этом нет. Подлинно общечеловеческое и интернациональное берет свое начало именно в национальном. Без национального характера не может быть интернационального и общечеловеческого характера. Понятие «просто человек» существует в философии, а в художественной литературе это невозможно. Если лишить художественные образы национального характера, они окажутся безжизненными, неинтересными, не захватят читателя. Читателю нужны правдивые, захватывающие произведения, «живые» герои.

«Буйная Кура» – подлинно азербайджанский национальный роман, он признан многими литераторами переломным в азербайджанской прозе, положившим начало новому направлению – неореализму. «Буйная Кура» – произведение, которое и сегодня заставляет думать, и сегодня стоит на магистральной линии нашей литературы.

Когда мы говорим об Исмаиле Шихлы, мы вспоминаем в первую очередь «Буйную Куру».

Нужно отметить, что, начав писать этот роман, Исмаил Шихлы задумал его несколько иначе. Он говорил, что пишет историю трех поколений учителей. Однако герой романа вовсе не учитель и не интеллигент, хотя там много образов учителей, а помещик Джахандар-ага. Образ, который каждый азербайджанец воспринимает как собственный.

В романе «Буйная Кура» многообразно проявляет себя драматическая стихия. Прежде всего она ощущается в непосредственных взаимоотношениях персонажей, в их бесчисленных спорах, столкновениях и схватках. Остатки патриархального быта способствуют обостренности житейских ситуаций, держат их все время на грани возможной вспышки. Родовая честь, чувство достоинства, весьма ревниво относящегося ко всему, что его ущемляет или что может показаться ущемляющим его, привычка «старших» повелевать, а «младших» – слушаться, но уже не прежняя, нерассуждающая, а, напротив, постоянно рефлексирующая, желающая поддержать свои права, и поэтому как раз сталкивающаяся с правами других людей, других семей, поколений – все это в романе чревато драматизмом, и драматизмом, так сказать, уже более высокого порядка, когда сталкиваются не просто личности, но через них и принципы.

Сам Джахандар-ага объясняет себе все свои неудачи старостью, усталостью. Ему все более тяжко жить на свете, хотя он все время, казалось бы, добивается своего. Ощущение постоянности неудач, тем не менее, преследует его. Старческая беспомощность еще далека от Джахандара, но он уже чувствует себя на переломе; его прежний мир рушится, а в новом мире слишком много такого, чего он не понимает, не может принять, потому что правота этого нового означает неправоту его,

мудрого, отважного, главенствующего человека. Но неправота бесчестна, а с чувством утраченной чести он никак не может и не хочет жить.

Как писал в свое время известный ученый-литературовед Ю.Суровцев, Шихлы свойственны живописная детализация изображаемого, наблюдательность писательского глаза, которая не делает описания утомительно подробными.

Быт у И.Шихлы, сплавлен, можно сказать, с философией характеров, и если читатель отчетливо сознает, что перед ним именно азербайджанское село конца XIX века во всем своеобразии его бытовых привычек и нравственно-психологических навыков поведения и чувствования, то, с другой стороны, читатель нигде в этом романе не попадет в плен этнографического эмпиризма, изображения обычаев ради них самих: обычаи тут объясняют что-то важное в характерах и поступках персонажей.

В романе присутствует образ Куры, буйной и жизненосной реки. Образ реки – живой символ бытия. Кура внимает человеческому сердцу, укрепляет и утешает его.

Образ Куры присутствует и в последнем романе писателя – «Мир мой умерший», являющемся «последним аккордом» творчества писателя. Кура – свидетельница всего происходящего вокруг, всех исторических событий. Даже люди, попавшие в безвыходное положение и решившиеся на самоубийство, находят последнее убежище в водах Куры.

Политическая система, навязанная насильно азербайджанскому народу, послужила причиной многих бед – такова суть произведения.

Писатель создал ряд ярких, запоминающихся образов. Омар-Кеха, Гюллюханым, Гасан-ага, Ала-бек, Амрах, Кесаманли и другие предстают перед читателями как живые люди. Описывая трагически сложившиеся судьбы своих героев, Исмаил Шихлы не допустил ни малейшего преувеличения. Бесчисленные потери, лишения, смерть многих невинных детей и стариков – результат событий, о которых вынужденно молчали долгие годы.

Роман «Мир мой умерший» является одним из лучших образцов азербайджанской прозы.

Деятельность Исмаила Шихлы, постоянно демонстрировавшего гражданскую позицию представителя интеллигенции в отношении судьбоносных вопросов, в целом является наглядным примером преданности идеологии азербайджанства и уважения к традиционным ценностям.

Творчество Исмаила Шихлы не теряет своей актуальности и сегодня, играет большую роль в идейно-воспитательном процессе нового подрастающего поколения.

АЛИНА ЛИТОВЧЕНКО

(Украина)

В Лахидже

Пока в горах не разошлась зима,
Пока доступны горные дороги,
В садах Лахиджа налилась хурма,
Набрав в себя целительные соки.

По шаткому канатному мостку,
Глаза зажмурив и дрожа от страха,
Я повторю старинную дугу
Исчезнувшего шелкового шляха.

Гряда седых кавказских сизых гор
Приковывает издавна мой взор,
Не блажью праздной движимый поход,
Не поиск экзотических красот –

В звучаньи струн таинственного тара,
Да и хурма – не самоцель моя,
Она и в наши забрела края,
На наших скромных поселясь базарах.

Лахидж – очаг седого ремесла,
И мастеров чеканки по металлу,
Куда б судьба меня не завела,
Я медников Лахиджа вспоминаю...

На труд их я, бывало, загляжусь,
На молотки, на точные стамески,
Не всем доступен сей изыск и вкус –
Выстраивать на меди арабески.

Плодов куплю и запихну в суму
Я в лавочке знакомца Рашид-бека.
Забуду я про сладкую хурму
После её недолгого успеха.

Помазание хною

(Предсвадебный обряд)

Тар, зурна на положенном месте,
Предстоит вскоре свадьба невесте,
По адату заварена хна,
Украшеньем послужит она.

Разноцветные теплятся свечи,
Всем достанет хлопот в этот вечер.
В отчий дом поздравления сыплются –
Кто желает детей целый воз,
Кто добра и житейского счастья.

Помазание хной – «хна-яхды» –
Увенчает домашних труды.
«Хна-яхды» – оберег для четы,
Оберег от несчастий, беды,
Невезенья, недоброго глаза,
Чтобы жизнь их была прекрасной.

Хной омоют подруги косу,
Разузорят пальцы невесты,
Мать уронит порою слезу,
Заглядится на дочку-красу.

Но и это не всё. Напоследок
Полагается ценный браслетик
На запястье невесты замкнуть,
Да камней драгоценных сыпнуть.

А невеста поймет, от кого
Этот дар искромётный –
Улыбнется слегка мимолетно.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ЕФИМ АБРАМОВ

Ноктюрн

Рассказ для кино

Игорь старательно избегал её взгляда, а она смотрела на него, казалось бы, спокойно и ждала. Чего? Что он скажет нечто важное и по существу, и это важное сможет всё изменить, повернуть вспять, поможет забыть частые, бессмысленные ссоры при редких встречах, забыть ворохи обещаний, трепотни и вранья?..

Она улыбнулась горько и печально...

Он продолжал говорить о своих проблемах. А она слышала только отдельные слова и совершенно не улавливала смысла. А в памяти каким-то странным образом всплыл далекий, почти пятнадцатилетней давности вечер – весенний и теплый.

Странно, – подумала она. – Именно сейчас, когда вокруг пасмурно и серо, когда происходит это мучительное расставание, когда впереди лишь эмигрантское одиночество почти двадцатипятилетней женщины, память воскресила тот вечер, веселый голос отца, вернувшегося из командировки, низкий баритон папиного друга, пришедшего неожиданно в гости и заразительно-радостный, искренний смех матери...

... Может это и есть защитная реакция организма, – промелькнула у нее мысль. Когда хочется закричать, ударить его изо всех сил по бритой физиономии и бежать от этих чужих улиц, чужих домов и лиц. Бежать, чтобы не слышать, не видеть и не жить. А память вдруг подбрасывает тебе спасительную нить, за которую ты с благодарностью хватаешься и в итоге оказывается, что ты, как воспитанный и благоразумный человек, спокойно стоишь на безлюдной улице и слушаешь человека, которого любила и который тебя предал...

...Она усмехнулась собственному глубокомыслию и вновь вернулась в тот весенний вечер, в тепло родительского дома и шумное застолье. На короткое мгновение ей показалось, что она окунулась в ванну с теплой водой...

...В просторных холщовых брюках, в майке с короткими рукавами, под которой едва угадывалась наметившаяся грудь, с короткой стрижкой темных волос, обрамлявших узкое, почти аскетичное лицо с большими карими глазами, она больше напоминала юношу, чем девушку, переступившую порог четырнадцатилетия.

...Она пошла навстречу отцу, вернувшемуся из командировки, поцеловала в небритую щеку и протянула его другу свою узкую ладонь.

– Как нас зовут, молодой человек? – полушутя-полусерьезно спросил он.

– А мы девушки! – вступился отец. – И без оскорблений, Анатолий Семёнович. Пожалуйста!

Анатолий Семёнович торопливо выпустил её руку, а в это время в комнату вошла смеющаяся мама. Они обнялись, расцеловались, прошли в кухню, потом стали, как говорится, совместными усилиями накрывать стол, и мама всё рассказывала, что

после Верки, старшей на два года охламонши, которая и сейчас шляется неизвестно где, она мечтала о сыне, у которого верхняя часть лица была бы папина, а нижняя её, мамина, но вот родилась она и действительно очень похожа на мальчишку...

И мама развела руками...

– Но я её всё равно очень люблю! – сказала мама растроганно и поцеловала дочь.

Анатолий Семёнович посмотрел на неё и улыбнулся, и ей показалось, что в его взгляде было нечто большее, чем просто мужское любопытство...

... Ночью Верка юркнула к сестре под одеяло, лениво поинтересовалась гостем, занявшим её комнату, вздохнула пару раз мечтательно и томно и сразу заснула. А ей стало грустно. Хотелось рассказать Верке про Анатолия Семёновича, про крохотного деревянного мышонка, которого он ей подарил, про приглашение приехать к нему на зимние каникулы и про то, как он неожиданно поцеловал её пропахшими табаком губами... Но слушать было некому. Верка крепко спала, в доме было тепло и тихо, и наступавшая взрослая жизнь казалась прекрасной...

Деревянного мышонка она потеряла, когда переезжали на другую квартиру. Она плакала, а мама кричала из коридора:

– Растяпа. Ничего толком не можешь сделать. Всё у тебя куда-то пропадает: то карандаши, то авторучки, то комсомольский значок. Ты хоть запоминай, куда что кладёшь...

– Да ладно тебе, – вмешался папа.

– Она летает, – вклинилась Верка. – Она в мечтах... – И стала кривляться, изображать то ли птицу, то ли самолёт, и получила от отца по заднице. А она по-прежнему сидела в своей комнате и давилась слезами...

... Анатолия Семёновича она случайно встретила спустя почти десять лет на одной из центральных улиц Тель-Авива. Он слабо улыбнулся и даже не решился пожать ей руку. Он выглядел неожиданно старым, уставшим и растерянным, хотя им с отцом было чуть больше шестидесяти...Она поинтересовалась его делами, силясь вспомнить имя-отчество, и он стал долго и нудно рассказывать о том, что он не у дел, что тяжело болеет жена, что дети разъехались кто куда, а он пытается и пытается...

«И я всё пытаюсь, – подумала она, – собрать осколки...»

– Не получается, – вздохнул Анатолий Семёнович и ушёл...

...– Не получается, – услышала она голос Игоря и вернулась к действительности. – Не получается, – повторил он, поглядывая в конец улицы, где мог появиться автобус. – Работаю, как раб, за эти насчастные полтора куска. Кручусь, как белка в колесе. Работа, дом, будь он неладен, бегу к тебе и уже к одиннадцати валюсь с ног, а вставать в шесть... Нет даже минуты, чтобы осмотреться, найти каких-то людей, подумать о собственной профессии...

«...Неужели я долеталась, – подумала она».

– У меня нет времени хотя бы несколько часов нормально пообщаться с собственным ребёнком. Ухожу – она спит, прихожу – она спит... Мне жалко её!..

– Жалко, – согласилась она, и горькая усмешка мелькнула на её губах.

– Да, жалко, – почти возмутился он, ничего не поняв, слыша только самого себя. – И твоя ирония совершенно неуместна. Тебе, между прочим, полегче, чем многим. Ты одна, никаких обязательств, с языком, слава Богу, всё хорошо, работаешь, ходишь на курсы – чего ещё? Да, я всё прекрасно понимаю – приехали вместе, ты хотела быть рядом, ты ни на что не претендуешь, но я-то, я не выдерживаю.Я же живой человек. Какие-то хмыри квартиры покупают, на машинах уже разъезжают, а я не могу себе дешёвые брюки купить. Господи! Ты же прекрасно знаешь – я весь в долгах, и конца этому не видно...

– Я могу дать тебе денег, – сказала она почти с жалостью и добавила: – У меня немного есть...

– Да не нужны мне твои деньги, – воскликнул он. – Не о них речь.

«...А о чём, – подумала она. – О том, что моя жизнь, которая казалась мне восхитительно неповторимой, так неуклюже складывается и становится похожей на страницы из бездарных бульварных романов?..»

– А о чём? – спросила она.

Он молчал.

– Ты хочешь, чтобы мы перестали видеться? Да? Ты не будешь больше приходить? Никогда?

– Ну, почему никогда, – сказал он. – Я буду звонить, иногда заглядывать. Но... И поверь. Не надо делать из этого трагедию. Это жизнь, понимаешь? Ради Бога, только не плачь!..

«...Верка!.. Верка, сестренка, где ты?!.. – Это кричала её душа, но голос молчал, и глаза были сухими... – Верка, ты же учила меня, что в таких ситуациях, когда мужики паскудно ведут себя, сразу надо бить его по яйцам, и когда он согнётся, глотая воздух, врезать коленом по губам, чтобы захлебнулся, сучий потрох, собственной кровью и зубами... Где ты, Верка?!..»

– Пожалуйста, не плачь, – повторил он.

– А я и не плачу, – сказала она почти спокойно.

– Вот и хорошо, – заключил он. – Я поеду. Поздно. Как раз мой автобус. Четвёртый уже...

– Считал, – сказала она.

– Я позвоню.

Он вошёл в автобус, показал водителю проездной билет, сел у окна и не оглянулся...

...Был поздний прохладный январский вечер. Редкие прохожие торопились по домам – дальние раскаты грома предупреждали о дожде. У автобусной остановки, где она продолжала сидеть, притормозила машина, и сидевшая рядом с водителем женщина обратилась к ней с вопросом на плохом иврите. Она ответила на русском, обьяснила, как проехать на нужную улицу и вдруг спросила:

– Скажите, пожалуйста, вы давно купили машину?

– Да гори она синим огнём, эта машина, – ответила женщина. – Из долгов не вылезаем.

– Что ты заводишься, – вмешался мужчина. – Расскажи ещё, что на обед ела.

– Ладно, поехали, – махнула на него рукой женщина.

Начался дождь. Она поднялась, пошла к своему дому, вошла в подьезд.

Обернулась, прислонилась к стене, устало прикрыла глаза, будто прислушиваясь к чему-то – то ли шуму дождя,то ли пустоте внутри себя...

В квартире, обставленной скудно, но уютно, она сняла куртку, бросила на диван, включила телевизор, прошла в ванную, отодвинула в угол таз с бельём, глянула на себя в зеркало, затем пошла в кухню, положила в раковину грязную посуду и вернулась в комнату.

На экране телевизора очередной американский герой страстно целовал очередную героиню.

За окном лил дождь. Улица и дворик были пусты. Тоска и безысходность заполнили комнату, и она заплакала. Плакала она громко, навзрыд, воя и царапая оконное стекло. И столько горя и боли было в её бессвязных словах, столько невысказанной обиды, нерастраченной страсти, что казалось, будто стенает по неудачной судьбе семидесятилетняя старуха, а не молодая женщина. А ведь она была совсем ещё молода – ей в декабре исполнилось двадцать пять...

Настойчивые телефонные звонки вернули её к действительности. Она откашлялась, высморкалась, вздохнула, подняла трубку.

– Да, я вас слушаю.

– Привет, Моше, – послышался мужской голос. – Как дела?

– Вы ошиблись, – сказала она и положила трубку.

На улице погода разыгралась вовсю – лил дождь, гремел гром и сверкала молния.

– Не Израиль, а Сибирь, – проворчала она, выходя из комнаты. Вновь раздался телефонный звонок.

– Моше? – спросил тот же голос.

– Я же вам обьяснила – вы ошиблись. Уточните номер.

– У кого я буду уточнять? – весело поинтересовались на другом конце провода.

– Не знаю. До свиданья.

Она скинула туфли, надела мягкую домашнюю обувь, плюхнулась на диван и уставилась в телевизор.

Вновь раздались звонки. Только после пятого она подняла трубку и сказала:

– Моше слушает.

В трубке раздался смех – весёлый и искренний. Она невольно улыбнулась.

– Ну?

– Я решил не уточнять, – сказал голос и неожиданно спросил: – Ты плакала?

– Да, то есть, нет, – поспешно поправилась она.

– Тебе плохо?

– Мне хорошо, – резко ответила она. – До свиданья.

– Ты действительно плакала. Мне очень жаль...

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствую...Успокойся. Пожалуйста.

– Чего ты хочешь?

– Помочь и больше ничего.

– Мне помощь не нужна.Надеюсь, ты не работник министерства абсорбции?

– Давай поедем куда-нибудь...

– Чего?!

– Впереди два выходных дня – пятница и суббота. Ты могла бы отдохнуть. Увидеть что-то новое...

Голос его звучал по-дружески тепло и доверительно, и досада, которая охватила её с самого начала, вдруг растаяла и исчезла.

– Ты меня слышишь?

– Что? – встрепенулась она.

– Ты в пятницу работаешь?

– Нет.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Называй свой адрес. Я сейчас приеду и на месте всё решим... Что ты молчишь?

– Ты ... Ты это серьезно?

– Конечно. Говори, я слушаю.

– Арлозоров, дом пятнадцать, квартира четыре. Таня.

–...четыре, Таня, – повторил он её последние слова. – Я буду через десять минут. Зовут меня Арье. Всё...

Послышались гудки. Таня, как во сне, положила трубку, всё ещё не веря, что это именно она несколько секунд назад разговаривала с незнакомым мужчиной и даже согласилась каким-то образом провести с ним время.

Чудеса да и только. Она тряхнула головой, вздохнула, засунула руки в карманы брюк и стала раскачиваться взад-вперёд.

– Так, так, так, – пробормотала она. – Начинаем новую жизнь.

Телефонные знакомства, короткие встречи, одноразовые мужчины... Лихо.

И вдруг спохватилась. Бросилась к журнальному столику, сгребла в охапку трусики, бюстгальтер, носки, зашвырнула в шкаф, переодела кофточку, застыла у зеркала, торопливо навела уточняющие штрихи, как всегда, осталась недовольна, подвинула кресло на середину комнаты, села и стала ждать.

И дождалась. Арье появился через десять минут – деловой, обаятельный и целеустремлённый. Он не представлялся, не заглядывал философски-глубокомысленно в глаза и не окидывал взором её фигуру. Он вошёл, посмотрел на неё, улыбнулся и сказал, как говорят очень близкие люди:

– Вот и я.

– Что надо делать? – задала окончательно глупый вопрос Таня.

Арье засмеялся. Она виновато улыбнулась и развела руками.

– Собираться, – сказал он. – По-армейски быстро и четко.Только самое необходимое. И не забудь взять купальник. Мы летим в Эйлат...

...И они действительно прилетели в Эйлат, который своим ранним рассветом, тёплым утром, нежным, чуть холодноватым морем, желто-розовым песком пляжей и пока ещё сонными зданиями гостиниц покорил её сердце. Арье, незнакомый, фактически чужой человек, в одночасье ставший близким, почти родным, шёл рядом, рассказывал какие-то забавные истории о своих друзьях, об Эйлате, о домах, которых ещё несколько лет назад просто не было, о встречах с разными людьми и непрестанно шутил. Она смеялась, удивляясь тому, что уже не помнила, когда вот так искренне и радостно отдавалась веселью – просто так, потому что хорошее утро, потому что начинается день, потому что легко и интересно рядом с этим симпатичным человеком.

«...А может быть, ничего этого нет? Может быть, всё это ей только снится, и всё это ещё одна насмешка судьбы?..»

...Они пили кофе, завтракали, знакомились с его приятелями, случайно оказавшимися здесь. Она купалась, а он ёжился в своём легком пиджаке, с улыбкой смотрел, как она выходит из воды и торопился накинуть ей на плечи полотенце...

«Странно, странно, странно, – думала она. – Я почти обнажена, он подаёт мне полотенце и даже не делает попыток обнять, прикоснуться, остановить то мгновение близости, которое обязательно наступает между мужчиной и женщиной в такие минуты... Странно, странно, странно», – думала она, пытаясь хоть как-то перехватить его любопытный взгляд, его жест, его желание.

Они обедали в кругу приятелей, пили легкое вино и рассказывали друг другу всякие байки. «Танья, Таньюша, Таньюшечка!..», – склоняли израильтяне на разные лады. Она смеялась. Смеялась и танцевала. Танцевала с Арье, с Шимоном, с Бени, с Меиром и ещё с какими-то людьми – милыми и не назойливыми.

«...Господи, не сон ли это?...»

Был второй час ночи, когда он проводил её в номер, пожелал спокойной ночи и ушёл. Она осталась одна – усталая и счастливая, чуточку пьяная и готовая к любви. Но его не было. Она приняла ванну, накинула лёгкий коротенький халат, поглядела из окна на ночной Эйлат, легла на большую двухспальную кровать...

Он не приходил.

Она поднялась, выглянула в коридор, вернулась, оставив дверь не запертой, легла под одеяло и хитрым, чуть напуганным зверьком уставилась на дверь...

Она не открылась, и никто не вошёл.

Он разбудил её телефонным звонком, сообщив, что утро давно наступило, что светит солнце, что ей, коренной южанке, давно пора нырнуть в прозрачные воды Красного моря, и что вообще она ведёт себя бестактно, потому что он с семи утра на ногах, сделал часовую гимнастику, дважды отменял завтрак и так страшно соскучился, что не выдержит более пяти минут, если не увидит её обалденно красивые глаза...

Она рассмеялась, выпорхнула – да, да, именно выпорхнула – из-под одеяла, скинула халатик и бросилась в ванную.

«Господи, – думала она, стоя под тёплыми струями воды. – Не сон ли это?..»

Субботний день был неповторимым – они ездили с друзьями в пещеры, пили ликёр у знаменитого художника, слушали прекрасного русского певца-репатрианта, который угощал всех водкой, катались на велосипедах и разговаривали, шутили и улыбались, перехватывая взгляды друг друга...

Вечером в ресторане, за ужином, («за прощальным ужином», – подумала она) – они почти не разговаривали. Тень нежной грусти печальной нотой окрашивал этот последний вечер. Он пригласил её танцевать, не сказав при этом ни слова, – взглядом, едва уловимым жестом. Она подошла, прижалась к нему, да так и замерла – от внезапно нахлынувших чувств, от волнения и нежности...

Арье чувствовал на лице её горячее дыхание, прикосновение ресниц и нежно, словно боялся спугнуть нарождающееся чувство, касался её щеки губами. Кончалась суббота. Кончался день. Кончался этот странный двухдневный отпуск, этот удивительно сказочный праздник...

Что-то безвозвратно дорогое оставалось в этом залитом огнями прекрасном городе, где жили милые, добрые люди, где писал свои картины талантливый художник, где пил водку и замечательно пел репатриант из России...

... Она стояла в дверях своей квартиры – красивая, радостно-грустная – и прижимала к груди роскошный букет. Он легонько подтолкнул её в плечо, прикоснулся кончиками пальцев к её щеке и закрыл дверь...

Она оглядела свою квартиру, решительно шагнула в комнату, поставила цветы в вазу, включила телевизор, нашла музыкальный канал и начала перестановку. Диван к окну, поближе к свету, журнальный столик сюда, кресло в угол, и шкаф...Ну, поднатужились, поехали. Вот так вот...Затем она перестирала бельё, вернулась в комнату, открыла сумку, порылась в ней в поисках чего-то и не смогла найти. Порылась ещё...Нет.

– О, Господи! – вырвалось у неё. – Дура, дура, дура!..

Как же она могла, как она могла?! Всю жизнь, всю свою бессмысленную жизнь она оставляла всё напоследок, на последнюю минуту, секунду, какой-то миг. Идиотка! Ну почему, почему, почему надо было записывать его телефон на салфетке, на вшивой ресторанной салфетке, которую кто-то убрал, куда-то дел или просто выкинул...

Господи! Почему же я такая несчастная?!.

Она устало опустилась на диван и тихо заплакала...

Проснулась она от яркого солнца, от того тепла, которое лилось в комнату. Было на удивление легко и спокойно, светло и радостно. Что это с ней было? И было ли вообще? Не сон ли это?

Она взглянула на журнальный столик – прекрасный букет искрился в солнечных лучах. Было, – подумала она и улыбнулась.

В прихожей слабо зазвенел телефон.

Она повернулась на звук и, продолжая улыбаться, прислушалась. Второй гудок, третий...

Действительно всё было, – ещё раз подумала она. – Или всё-таки мне это только показалось? Только привиделось? Только почудилось?..

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ БАЛЬЗАКА ИЛИ НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА ТИТАНА

«Бальзак, Бальзак, Бальзак!..» – кричит надрывистым голосом человек в чёрной монашеской рясе, пытающийся догнать красивого мальчугана, стремительно бегущего по длинному коридору на встречу с матерью. Мать же, чопорная и холодная женщина, резким движением руки и чётким отрицанием «нет» отстраняет от себя маленького героя. Этой на редкость ошеломляющей сценой начинается фильм-шедевр о Бальзаке – Прометее, человеке исключительного ума, таланта и творческой энергии.

Бальзак никогда не мог простить матери, что она удалила его от себя. «У меня не было ни матери, ни детства, – скажет потом Бальзак. – Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на воспитание кормилице; семья не вспоминала о моём существовании в течение трёх лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих» («Лилия долины»).

В действительности же, как пишет биограф Бальзака Андре Моруа, «госпожа Бальзак, напуганная смертью первого ребёнка, которого она сама кормила грудью, на сей раз (Оноре был вторым ребёнком в семье) подчинилась распространённому в те времена обычаю».

По описанию старшей сестры Лоры, «Оноре был прелестный ребёнок с весёлым нравом; хорошо очерченный, всегда улыбающийся рот, тёмные глаза, блестящие и кроткие, высокий лоб, густые чёрные волосы – всё заставляло прохожих оглядываться на него во время прогулок».

Этот миловидный мальчуган, наивный и ласковый, постоянно встречал «суровый и испепелявший, как пламя, взгляд». Мать Бальзака, Лора Саламбье – красивая юная девица из богатой семьи, будучи на тридцать два года моложе своего будущего мужа, «не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела создать для своих близких счастливый семейный очаг». Светская жизнь, пристрастие к роскоши, желание нравиться ещё больше отдаляло её от семьи.

Отец Бальзака, Бернар-Франсуа, отличался своими философскими воззрениями на жизнь, был одержим навязчивой идеей о своём здоровье, мечтал о долголетии, необычайно заботился о себе и неустанно следил за тем, чтобы «сохранять равновесие жизненных сил». Он быстро достиг довольно высокого положения в обществе. Пользуясь покровительством генерала-префекта, он постепенно становился одним из самых именитых жителей города. Став помощником мэра, он должен был приобрести недвижимость в Туре. Продав ферму, принадлежащую жене, Бернар-Франсуа приобрёл красивый особняк с конюшнями и садом. Самоучка, интересовавшийся правом и историей, он много читал, приобрёл большую библиотеку иАнтиномия повсюду оказывался полезным благодаря познаниям в области судопроизводства. Наделённый

безграничным честолюбием и энергией, он получал жалованье в нескольких местах, был назначен помощником мэра в провинциальном центре Туре и попечителем богоугодных заведений.

Родители Бальзака больше занимались собой, нежели воспитанием своих детей. Оноре де Бальзак (1799–1850) с четырёхлетнего возраста воспитывался вне семьи (пансион Легэ в Туре, Вандомский коллеж монахов-ораторианцев). В 1813 году родители вынуждены были прекратить обучение сына из-за его нервного расстройства, вызванного невыносимо казарменной обстановкой в коллеже. В 1814 году семья переехала в Париж, где Бальзак продолжал своё образование в Школе прав и практиковался в конторе адвоката де Мервиля (этот адвокат, под именем Дервиля, затем появляется во многих произведениях «Человеческой комедии»). Одновременно слушал лекции по литературе в Сорбонне. Окончив Школу прав (1819 г.), Бальзак, к великому огорчению родителей, отказался от юридической деятельности и заявил им о своём желании попробовать силы на литературном поприще. К этому времени отец Бальзака уходит в отставку и переезжает в провинцию. Будущий писатель остаётся в Париже один, живёт впроголодь на нищенское пособие, получаемое от родителей.

Жизнь Оноре де Бальзака – содержательная и созидательная, проникнутая жаждой творчества, неимоверной тягой к творческой деятельности, переполненная великими замыслами и творческими деяниями Гения, охваченная горечью утраченных иллюзий, нескончаемых и тягостных боёв с жестокими кредиторами и издателями. С детства чувствуя себя отверженным и не признанным своими родителями, Оноре жаждал успеха и славы, стремясь таким путём вознаградить себя за неуёмную тоску души.

Оноре обладал счастливым свойством – он жил в воображаемом мире. Считая себя изгоем на земле, юный Бальзак ждал чудес от неба. Бальзак со времени Вандомского коллежа считал себя «предназначенным для тесного общения с ангелами». Сын вольтерьянца Бернара-Франсуа никогда не отличался природной покорностью, присущей тем детям, которые без усилий и рассуждений приобщаются к вере. Он слыл вольнодумцем и вступал в споры со священником коллежа. И тем не менее в пору своего первого причастия он отличался «жаждой божественного». Худой, с красивыми чёрными, блестящими глазами, «он стал на колени и в радостном, восторженном порыве возблагодарил Бога. Он чувствовал себя счастливым, на душе у него было легко, хорошо… Вечером ему казалось, что он уподобился ангелам, потому что за целый день не согрешил ни словом, ни делом, ни помышлением» («Красная гостиница»).

Бальзак с детства мечтал стать великим человеком. Воспитанник Вандомского коллежа пытался писать стихи и вскоре пристрастился к ним. «Увлечённый этой несвоевременной страстью, я пренебрегал уроками и сочинял поэмы…

В насмешку над моими опытами я был прозван Поэтом, но такие насмешки не могли меня исправить. Я продолжал рифмовать строчки, несмотря на мудрый совет господина Марешаля, нашего директора, который пытался излечить меня от моей пагубной застарелой болезни, рассказав о несчастьях малиновки, которая выпала из гнезда, попытавшись летать раньше, чем у неё выросли крылья. Я продолжал читать и стал самым бездеятельным, самым ленивым, самым задумчивым учеником младшего отделения, и, следовательно, меня наказывали чаще других» («Луи Ламбер»).

В произведениях Бальзака нередко персонажи и их создатель походили друг на друга.

С детства чтение превратилось для него в «некую жажду, которую ничто не могло утолить: он глотал подряд все книги, причём его в равной мере занимали произведения, толкующие о религии и об истории, о философии и о физике… Одним взором он охватывал сразу семь или восемь строк, а его ум постигал их смысл, не уступая в скорости глазу; часто ему достаточно было одного слова, чтобы уловить суть фразы». «К двенадцати годам его воображение, возбуждённое постоянным упражнением всех его способностей, необыкновенно развилось, и это позволяло ему получать такие точные представления о вещах, которые он познавал только через книги, что образ, запечатлевшийся в его душе, не мог быть более живым и при непосредственном наблюдении. Он достигал этого, быть может, потому, что пользовался аналогиями, или потому, что был одарён вторым зрением, с помощью которого он охватывал всю природу» («Луи Ламбер»).

В одном из ранних писем любимой сестре Лоре Бальзак сообщает: «Пока что я только учусь и совершенствую свой вкус». Оноре читал запоем: стихи и прозу, французских и иностранных авторов, изучал философию истории, задавался вопросом, сумеет ли он – после всех бурных перемен, принесённых Революцией, а главное – после кодекса Наполеона дополнить труд Монтескье, книгу «Дух новых законов».

Он находил приют в небесах, которые открывались ему силой воображения. Подобно своему герою Луи Ламберу, ещё подростком читал произведения писателей-мистиков, возможно, предопределивших творческие замыслы его фантастических произведений. «Я как будто чувствовал, что во мне зреет мысль, которую стоит выразить, система, достойная быть обоснованной, знания, достойные быть изложенными» («Шагреневая кожа»).

Он часто отдавался воображениям и грёзам. На кладбище Пер-Лашез, стоя на холме между могилами, он видел Париж, раскинутый вдоль берегов Сены, Париж в синеватой пелене, сотканной из дыма и городских испарений. Зажигались огни. Глаза его жадно устремлялись к этим сорока тысячам домов. Между Вандомской площадью и куполом Дома инвалидов обитал в особняках тот высший свет, куда он хотел проникнуть и куда хотел силой собственного гения проложить себе путь в будущем.

Семья дала ему двухлетний срок, чтобы он мог проявить свой талант. За что приняться? Любознательность толкала его к философии. Он пытался постичь общество, мир, человеческие судьбы. В Вандоме, в Туре, а затем в Париже он изучал труды мыслителей – Декарта, Спинозы, Лейбница. Бальзак и сам ощупью искал собственную философскую теорию. Он «не допускал, чтобы выдающийся талант мог обойтись без глубокого знания философии… Он был занят тем, что усваивал богатое наследие древних и новых времён», что запечатлевается им в романе «Утраченные иллюзии». Философская основа романов Бальзака была разработана им до того, как он приступил к их созданию. В ту пору, когда он жил на чердаке, он заложил фундамент, на котором позднее воздвиг своё монументальное творение.

Ученические годы гения, начавшиеся с подражаний и творческого освоения мирового опыта, завершились не скоро.

Трагедия «Кромвель», сценические постановки, первоначальное увлечение театром обманули его ожидания, и теперь он надеялся, что славу ему принесёт роман. Ещё в отрочестве он пробовал свои силы в прозе, писал философские заметки. Мечта о всемогуществе и славе неотступно преследовала его.

После «Кромвеля» Бальзак в 1820–1821 году работает над романом «Стени, или Философские заблуждения». «Стени» для Бальзака – попытка испробовать силы

в жанре, который его привлекает, в романе, насыщенном философскими мыслями. Но автору не хватает опыта и зрелости, чтобы добиться решения трудной задачи – сплавить воедино романтический сюжет и умозрительные рассуждения. Роман «Стени», посвящённый его молочной сестре Стени де Формозон, так и остался незавершённым. Зачастую причиной тому служили и катастрофически пагубные для творческой деятельности жёсткие условия работы, когда писателя вынуждали за двадцать дней написать два тома «Этюдов о нравах». Невзгоды порой только обостряли его талант, и никогда ещё тема произведения не была ему так близка, как в романе «Утраченные иллюзии». Герой романа Люсьен Рюбампре – небогатый молодой человек из Ангулема. Госпожа де Баржетон увозит возлюбленного поэта в Париж, где вдали от родного города он будет добиваться успеха. «Провинциальная знаменитость в Париже» – книга, которая стала поэмой о его собственной борьбе и разбитых мечтах. Описывая любовь между юным Люсьеном и женщиной, которая старше него на пятнадцать лет, Бальзак, должно быть, время от времени вспоминал о госпоже де Берни. Но великий писатель всегда любит запутывать следы. Образы и воспоминания, собранные в кладовых памяти великого художника, часто возникают из разных периодов его жизни, из всех мест, где он побывал.

Как известно, первоначально идея о создании «Человеческой комедии» родилась, как утверждал Бальзак в своём Предисловии, из сравнения человечества с животным миром, что было обосновано им подобием Общества Природе: «Ведь Общество создаёт из человека, соответственно среде, где он действует, столько же типов, сколько их существует в животном мире …всё же повадки каждого из них, (животных) по крайней мере одинаковы во все времена, а между тем обычаи, одежда, речь, жилище князя, банкира, артиста, буржуа, священника, бедняка совершенно различны и меняются на каждой ступени цивилизации».

Аналитические суждения подводят Бальзака к конкретному умозаключению и твёрдой жизненной позиции писателя-гуманиста: «Я не верю в бесконечное совершенствование человеческого Общества, я верю в совершенствование самого Человека».

Роман «Шагреневая кожа» является первым произведением, которое связывает определённым образом сцены нравов с философскими этюдами посредством восточной фантазии (мистического талисмана с надписью на санскрите, запечатлённой на лоскутке шагреневой кожи).

Чем больше размышлял Бальзак над этой мудрой восточной легендой, тем больше философской глубины находил он в ней, в этой надписи, как в заклинании, предупреждающем своего обладателя, что при каждом его страстном желании кожа будет сокращаться, убывать как дни и жизнь. Легенду, таящуюся в шагреневой коже, которая олицетворяет жизнь, Бальзак переносит в современную ему эпоху и представляет её в виде философской повести.

В «Шагреневой коже» Бальзак пытался показать духовную анархию, царящую в его жестокий век. Рафаэль де Валантен – герой романа, в первый раз пожелав проверить могущество талисмана, требует оргий, пиршеств, женщин. Выйдя из лавки антиквара, он столкнулся со своими приятелями Блонде и Растиньяком. Молодые люди потащили его на роскошный обед, который давал некий банкир.

В Рафаэле много черт самого Бальзака. Автор, как и его герой, хочет всего: славы, богатства, женщин. Он знает, что владеет талисманом, который ему принесёт всё, и что талисман – его талант. Он знает также, как и Рафаэль, что растрачивает

свои жизненные силы и что кончится это плохо. Друг его героя Рафаэля Растиньяк – ловкий карьерист, подлинный гасконец – считает Рафаэля гениальным человеком и вместе с тем глупцом. По мнению Растиньяка, ключ к успеху – вовсе не труд, а интриги, эгоизм, рассеянная жизнь. Проматывая состояние, человек как бы вкладывает его в друзей, в удовольствия, в возможных покровителей.

Если расточитель и потеряет свои капиталы, ему, может быть, представится случай выгодно жениться, получить тёплое местечко при министре или посланнике. Надо только опираться на друзей. И он представляет Рафаэля Феодоре, первой красавице и самой модной женщине Парижа. Рафаэль влюбляет в себя графиню. Он не признаёт любви в нищете. И в помыслах Бальзака была «любовь в шелках и кашемире, окружённая чудесами роскоши, которые потому так чудесно украшают её, что и сама она, может быть, роскошь!».

Бальзаку удаётся создать великолепное произведение, где фантастика искусно переплетается с реальностью, отличающееся своей философской глубиной и новаторством.

Часто творческим успехам Бальзака сопутствовали и неудачи. «Я был жертвою чрезмерного честолюбия, – как пишет Бальзак от имени героя романа «Шагреневая кожа» Рафаэля (маркиза де Валантена), – я полагал, что рождён для великих дел, и прозябал в ничтожестве…».

Очевидно, великий писатель имел в виду годы своей юности в Париже, когда он познакомился с молодыми литераторами, хорошо знавшими театральный мир и мир книгопродавцев. Юный Бальзак, глаза которого сверкали, как звёзды, а голова была полна идей, показался им подходящим компаньоном, и они предложили ему место на своей фабрике романов. Они фабриковали модные сентиментальные романы с аристократическими персонажами. Для них это было не искусство, а ремесло, со своими рецептами и особыми приёмами, подённая работа.

Он ступил на опасный для всякого художника путь – путь пренебрежения своим искусством. Однако, несмотря на избитость и тривиальность самих произведений, нетрудно было заметить, что молодой автор внимательно наблюдал за удивительными изменениями, которые внесли в жизнь его класса Французская революция и наполеоновская Империя. Временами из-под маски литературного подёнщика выглядывало лицо ясновидца. Подражание готовым образцам помогало рождению нового писателя, который, сам того не подозревая, отмечал свои романы печатью дарования. Однако постоянная нужда в деньгах вредила его таланту, заставляла работать слишком торопливо.

В мыслях Бальзака уже то и дело возникали цифры: «Если я продам за две тысячи франков роман «Клотильда Лузиньянская», или «Красавец еврей», который напишу один, и если я буду публиковать по четыре романа в год, то разбогатею».

Оноре всегда остерегался позиции покорности, предпочитал свободу и независимость. Молодой человек смертельно боялся, как бы доктор Наккар (их семейный врач), движимый излишней доброжелательностью, не подыскал ему какое-нибудь место. Ведь в этом случае он, Оноре, «превратится в писца, в машину, в манежную лошадь, которая покорно ходит по кругу, пьёт, ест и спит в положенные часы. Я стану тогда как все. …Если бы ещё кто-нибудь освещал моё унылое существование своей прелестью!».

Такой «прелестью», сыгравшей исключительную роль в жизни и творческой деятельности Бальзака, была госпожа де Берни.

После возвращения в Вильпаризи, где находился Королевский замок, Оноре де Бальзак часто встречал госпожу де Берни и её детей. «Барышни в белых платьях и их родители в чёрном» присутствовали на деревенских праздниках, были они и на крещении ребёнка кухарки Бальзаков.

«Дамы с околицы» играли в Вильпаризи роль владетельных особ. Оноре, посещавший «дом на околице», где он давал уроки детям Берни, пленился их матерью. «Она не скрывала, что ей сорок пять лет, что она уже бабушка, и, разумеется, не собиралась соблазнять двадцатидвухлетнего юношу. Очень насмешливая, даже язвительная, госпожа де Берни весело подтрунивала над манерами Оноре, над его хвастливостью и честолюбивыми помыслами. Но при этом она признавала в нём незаурядный ум, редкостный дар импровизации и пылкую натуру, что полностью искупало все недостатки. Юноша рассказывал ей о своём детстве, когда он был совершенно заброшен матерью, и госпожа Лора де Берни внимательно слушала "горячую исповедь молодого человека, чьи раны всё ещё кровоточили". Со своей стороны он не уставал расспрашивать её о придворной жизни при старом режиме». Оноре живо ощущал контраст между буржуа из квартала Марэ – друзьями его родителей – и этой крестницей королевы. Он упивался звуками её серебристого голоса. «Когда она произносила «ш», это звучало как поцелуй…. Таким образом, сама того не ведая, она расширяла смысл слов, увлекая мою душу в неземные выси», – так писал Бальзак в своём произведении «Лилия долины», посвящённом ей, уподоблял её белой лилии, считал светочем своей жизни, ангелом-хранителем. Госпожа де Берни же поможет ему узнать свет и женщин, она вдохновит Оноре на другие произведения, достойные его таланта.

Бальзак много и упорно работал. Однако всё писал под псевдонимами, ибо сам не верил в ценность того, что создавал.

«Оноре работает без передышки, он занят изящной словесностью, из-под его пера выходят славные и весьма интересные произведения, их хорошо раскупают», – пишет в одном из своих писем к родственникам отец писателя Бернар-Франсуа, неизменно благожелательный и бодро настроенный.

Но сам автор судил себя гораздо строже; он до такой степени себе опротивел, что иногда подумывал о самоубийстве.

Однажды вечером, прогуливаясь по мосту через Сену, один из его друзей заметил Бальзака: тот стоял неподвижно, облокотившись на парапет, и глядел на воду.

«– Что вы тут делаете, любезный друг? Уж не подражаете ли персонажу из «Мизантропа»? Плюёте в воду и любуетесь расходящимися кругами?

– Я смотрю на Сену, – отвечал Бальзак, – и спрашиваю себя, не следует ли мне улечься спать, завернувшись в её влажные простыни…

Услышав такой ответ, Этьен Араго остолбенел.

– Что за мысль? – вскричал он. – Самоубийство? Да вы с ума сошли! Вот что, пошли-ка со мной. Вы ужинали? Поужинаем вместе».

Маловероятно, но факт… Его мучила и угнетала подённая работа для книгопродавцев.

Его чувствительную натуру ранила жестокость окружающего мира. Он ощущал в себе силы для великих свершений. В романах, которые он писал ради денег, порой попадались глубокие и верные наблюдения: о всеобщей растленности, о коррупции, ставшей язвою века, о торжестве порока. У отца Оноре позаимствовал некую систему взглядов – о соотношении физического и нравственного облика человека.

В 1822 году юный Бальзак по совету доктора Наккара купил, а затем и переплёл сочинения Лафатера. Этот швейцарский писатель, которым так восхищался Гёте, написал большой труд «Физиогномика» (искусство узнавать характер людей по их наружности). Этот труд «отличался тонкими и блестящими наблюдениями», в нём были рассмотрены шесть тысяч человеческих типов, их внешний облик и душевные свойства. Бальзаку приходилось очень много читать и штудировать, он рылся в книгах, изучал иностранных авторов, поэтов и художников. Ученик Лафатера, он будет рисовать портреты мужчин и женщин, но постарается, чтобы волнующие их страсти осветили для читателя эти внешне непроницаемые образы. Бальзак покажет нам, как возник тот или иной город, как он рос, расскажет, почему каждый квартал имеет свой облик, который зависит одновременно и от исторических событий, и от рельефа почвы.

В многочисленных произведениях «Человеческой комедии», этой грандиозной эпопеи, состоящей из уникального цикла романов, Бальзак стремится дать полный обзор человеческих типов, как реальный и в то же время аранжированный им бальзаковский мир, как сам себя порождающий– иногда по закону симметрии («Провинциальная знаменитость в Париже» внушает автору желание написать роман «Парижская знаменитость в провинции», сюжет которой намечен в «Модесте Миньон» и в «Провинциальном музее»), иногда по закону сходства («Брачный контракт» порождает неосуществлённый замысел написать «Раздел наследства»).

Роману «Луи Ламбер», где показан гениальный человек, которого убивает мощь собственной мысли, должен был соответствовать роман «Кретин», в котором отсутствие способности мыслить обеспечивает герою долголетие. Бальзак, дающий правдивые подробности, стремится быть верным человеческой природе. «Мне нравятся существа исключительные, – говорит Бальзак в письме к Жорж Санд, – я сам один из них. Мне и надо быть таким, чтобы выдвинуть на авансцену моих вульгарных героев, и я никогда без необходимости не жертвую ими. Эти вульгарные герои интересуют меня гораздо больше, чем вас. Я их возвеличиваю, я их идеализирую – только в обратном смысле, преувеличивая их безобразие или их глупость. Я придаю их уродствам ужасающие или комические пропорции».

Как художник, который, отойдя немного от своей картины, лучше видит её и добавляет лишний мазок или новый оттенок, Бальзак, окинув взором всё, что уже «нарисовано», стремится придать картине больше выпуклости, чтобы сделать её воплощением заветной идеи.Как мыслил Бальзак, у наций, как и у отдельных людей, есть свой лоскуток шагреневой кожи. Жизнь убывает в прямой зависимости от желаний человека. Следовательно, народы можно сделать долговечными, умерив их жизненный порыв.

Бальзак, живущий и творящий в свете двух вечных истин – религии и монархии, высказывается в пользу устойчивых политических режимов и законов. Он отстаивает традиции, брак, семью, монархию, потому что они существуют, и потому, что сохраняют энергию наций.

Изображая прогнившее общество, он пробуждает желание преобразовать его. В этом деле Бальзак придаёт важное значение церкви и религии, как хранительницам нравственных и социальных истин, усматривает в них единственный выход для избавления от порочных стремлений человека. Достаточно обратиться к «Луи Ламберу», «Сельскому врачу» или же к прекрасному рассказу «Обедня безбожника», чтобы убедиться в том, что Бальзак в равной степени познал как Зло, так и сущность

Добра и человеческого Милосердия, ибо добрые дела искупают грехи, как явно мыслит этот строгий защитник веры.

У Бальзака были врождённые смутные верования в то, что эволюция приведёт человека к ангелу. Чем больше Бальзак наблюдает, тем больше он убеждается в том, что деньги – «ныне единственное божество», движущая сила общества. Наделённый философским складом ума и редким даром естествоиспытателя, он был охвачен идеей изображения развивающихся страстей в современном ему буржуазном мире.

С целью осуществления своего великого замысла, как внезапного озарения объединить все свои произведения в единый цикл, где вновь и вновь будут появляться одни и те же персонажи, Бальзак вскоре приступает к возведению «кафедрального собора», твёрдо решив за короткий срок написать задуманный им роман «Отец Горио» – о славном старике, отказывающем себе во всём ради своих дочерей.

В письме к госпоже Ганской он пишет, что выбрал своим героем «человека, для которого быть отцом то же, что для святого мученика быть христианином». И тем самым он снова покажет, какие опустошения производит страсть, ставшая манией.

Изобретатели и скупцы всегда привлекали романиста накалом своих страстей. «Жизнь скупца, – говорил Бальзак, – требует от человека постоянного напряжения сил». В романе «Евгения Гранде» все действия сосредоточены вокруг удивительно бальзаковского образа – папаши Гранде. Это борьба, завязавшаяся между двумя кланами за руку богатой наследницы. Писатель уже в который раз стремился показать разрушительную силу навязчивой идеи о накопительстве «безжалостных гениев наживы» – представителей новой буржуазии.Однако Гранде не просто скупец, это человек, умеющий зарабатывать деньги, приумножать их, подобно Бернару-Франсуа Бальзаку; для него денежный вопрос гораздо важнее всяких чувств.

В своём грандиозном и могучем творении Бальзак любит часто напоминать о единстве мира физического и духовного. Мы все обладаем жизненной силой. Одни направляют её на благую цель, другие – действуют во зло. Отказ от удовольствий укрепляет волю, и этот мощный фактор силы воли позволяет человеку воздействовать на мир. Бальзак был одержим идеей сосредоточить волю, чтобы она стала магической, даже божественной силой. Но силы человеческие имеют свои пределы. Человек исключительных способностей, Бальзак и сам порой признавался, что страшится подстерегающего его безумия. От неистовства и сумасбродств его спасли труд и несколько женщин.

В романах Бальзака с сюжетами о любви, как правило, присутствуют любовные сцены и истории, в них много любовных интриг, любовных похождений, приключений и пр., однако лексикон Бальзака всегда остаётся целомудренным, нет никаких описаний наготы, сладострастных сцен.

Бальзаку, страстному и глубокому наблюдателю, хорошо известна связь телесных порывов с зовом души и порывами сердца. Бальзак с большим знанием дела описывает «жгучий взгляд» влюблённых, которых влечёт друг к другу. Ему известны все рецепты «любовной кухни». Он знает, какую роль играет чувственность, в каких ласках отказывает любовнику герцогиня де Ланже, почему тайная порочность Беатрисы, зрелой женщины, берёт верх над прелестью и молодостью Сабины, на которой женился Каллист, как Валерия Марнеф или куртизанка Торпиль удерживают при себе стариков. Бальзаку нравилось вести сразу несколько интриг, разделённых непроницаемыми перегородками. Это расширяло горизонты романиста.

Бальзак по-прежнему уверял мистическую супругу – божественную Еву – в своей непоколебимой верности и беспорочном целомудрии.

Осенью 1835 года на одном из больших приёмов в посольстве он встретил молодую женщину лет тридцати, восхитившую его нежным румянцем, пепельно-белокурыми волосами, стройным гибким станом и очами, достойными принцессы Востока. То была графиня Френсис Сара Лоуэлл – жена графа Эмилио Висконти.

В своём любимом романе «Лилия долины» (1835) автор уделяет особое внимание этому великолепному типу англосаксонской красавицы, подробно раскрывает сущность английских нравов, пишет о жизни англичан, в совершенстве овладевших искусством наслаждения каждой крупицей материального мира.

«La Contessa» («графиня» – итал.) отличалась незаурядным умом и характером. В ней не было ни подозрительности, ни придирчивости, ни настороженности Эвелины Ганской. Когда она подарила Бальзаку свою благосклонность, то сделала это от всего сердца, открыто. Она не находила нужным считаться с мнением света и поэтому смело показывалась с Бальзаком в ложе Итальянской оперы, но она не стремилась безраздельно завладеть им, она понимала, что художнику необходима свобода, и тихонько подсмеивалась над его приключениями.

Графиня Гизобони-Висконти и её супруг, граф, неоднократно оказывали Бальзаку безвозмездную материальную поддержку в моменты его житейских трудностей, находясь даже за пределами Франции. Несомненно, ему доставляло удовольствие рисовать на одном и том же полотне два контрастных женских образа: госпожу де Берни и новую свою страсть – госпожу де Морсоф и леди Дэдли. Жизнь Бальзака состояла из реального и воображаемого мира.

В реальном мире он успокаивал Зюльму, писал ласковые письма Еве, интриговал Анриетту де Кастри, рассуждал в австрийском посольстве о магнетизме, завтракал с сыщиком Видоком и парижскими палачами – отцом и сыном Самсонами.

А в воображаемом мире он мало-помалу создал целое общество, в котором определённое место предстояло занять Иссудену, как и Алансону. Вместе с майором Карро, супругом Зюльмы Карро, он бродил по Иссудену, расспрашивал жителей, и они рассказывали ему всякие истории. Всё это в один прекрасный день должно было найти себе место в романе «Жизнь холостяка».

Этот необыкновенный человек за несколько дней узнавал о любом городке больше, чем знали старожилы. Из воспоминаний о квартале Марэ медленно возникали контуры «Цезаря Бирото»; горестные воспоминания, связанные с виллой Диодати, породили «Герцогиню де Ланже». Одно соседствовало с другим: литературные поделки ради заработка, этюды о нравах и великие замыслы. Истинная сущность Бальзака не в денежных хлопотах, не в любовных интрижках, а в творческом горении.

В редкие часы досуга Бальзак отправляется в Консерваторию послушать пятую симфонию Бетховена и признаёт в композиторе собрата по духу, равного себе художника. Он пишет Ганской: «Ах, как я жалел, что вас не было рядом. Я сидел в ложе один. Один. Какая это невыразимая мука. Во мне живёт потребность в душевных излияниях, я её обманываю упорным трудом, но при первом же волнении слёзы бегут у меня из глаз… Я завидую только знаменитым людям, которых уже нет в живых: Бетховену, Микеланджело, Рафаэлю, Пуссену, Мильтону, – словом, всякий, кто был велик, благороден и одинок, не оставляет меня равнодушным. Обо мне ещё не всё сказано; я создал только часть великого творения».

Этот занятой человек урывает время на то, чтобы добежать по крутым спускам до парижского дилижанса. Пятнадцатого декабря 1840 года он ездил смотреть на перенесение праха Наполеона в Дом инвалидов. Из письма к Ганской чувствуется, что Бальзак в этот день был счастлив; он до безумия любит величественные зрелища, императора Наполеона и пышные траурные драпировки.

Бальзак поглощён творениями своей фантазии. В своём мире, единственно в который он верит, он будет нежным и страстным, ибо только там живёт он умом и сердцем, только там развёртывается его напряжённая деятельность. Его персонажи живутв вымышленном им мире, прочно утвердившись в этой второй реальности.

Причины первостепенной роли, которую играют в произведениях Бальзака деньги и золото, и способы их приобретения, подделки и мошенничества, торговля, банки, ростовщики и не в меньшей степени женщины, причастные к ним, следует искать в эпохе Бальзака, в растленном мире, где при старом режиме поступками людей руководили и честь, и алчность, а в период Революции и Империи играли роль энтузиазм, жажда славы и обогащения. Кругом безнравственность, заразившая всё общество. В Париже невероятно растут цены на земельные участки, размножаются акционерные общества. Ротшильд финансирует строительство железных дорог на севере Франции, и Бальзак, веря в их будущее, вовлекает в эту спекуляцию и госпожу Ганскую.

Деньги властвуют в мире. Бальзак описывает мир, но не судит, так как знает, что это не его дело – выносить приговоры. Он всецело занят изображением пороков общества. Принося себя в жертву Золотому Тельцу, красавицы девушки с готовностью выходят замуж за дряхлых пэров Франции, лишь бы сохранить своё положение в обществе, или за старых банкиров, чтобы добиться богатства. Не уступают им и молодые люди, которые ради денег и власти продаются женщинам зрелого возраста. Растиньяку устраивает гнёздышко Дельфина де Нусинген, Максима де Трай содержит графиня де Ресто. Люсьен де Рюбампре сначала ждёт богатства от Корали, а затем от Эстер. Ла Панферин («Принц богемы») принимает от своей любовницы «значительную сумму», подстать самому Бальзаку, который брал у своих знакомых богатых женщин – «дам своего сердца» – ещё более значительные суммы.

Бальзак, как сын своего века, ещё с детства мечтающий о великих свершениях, о славе и почестях, был склонен к богатству и роскоши. Его всегда увлекало убранство, роскошная, красивая мебель, драпировки, ковры, посуда, антиквариат, дорогие безделушки, со вкусом и изяществом обставленные апартаменты. Создатель «Человеческой комедии», Бальзак, с юных лет мыслящий оригинально и глубоко, отличался не только своим бальзаковским миром, но и непревзойдённым бальзаковским стилем. «Он вкладывал бесконечно много труда в поиски выразительных средств», – говорит Теофиль Готье. При этом добавляет, что «у Бальзака был свой стиль, притом превосходный стиль, неизбежно необходимый, с математической точностью соответствующий мысли автора».

Бальзак привлекает наше внимание и как мастер эпистолярного жанра. Изумительны его письма к Ганской с использованием подтекстов и намёков, проникнутые романтическими излияниями, глубокими душевными переживаниями и искренними признаниями мучений и терзаний страстно любящего человека, жаждущего построить «своё гнездо». «Страстным фантазёром» называл Бальзака Шарль Бодлер и считал, что все его герои наделены горячей жизненной силой, которая воодушевляла и его самого.

«Все его вымыслы красочны, как мечты. От верхушки аристократии и до самых низов общества, городской бедноты. Все актёры «Комедии» больше цепляются за жизнь, более энергичны и хитры в борьбе, более терпеливы в несчастье, больше жаждут наслаждений, проявляют больше ангельской доброты и преданности, чем мы видим это в комедии реального мира».

И как всё это верно подмечено!..

А сам Бальзак представлялся ему «финансистом»: «в этом поэтическом уме повсюду цифры».

Жизнь Бальзака – напряжённая, беспокойная и тревожная, обременённая житейскими трудностями и материальными невзгодами, прошедшая в борениях с жестокими кредиторами и требовательными издателями, – часто вынуждала его в целях спасения от их преследований снимать квартиры на чужие фамилии, а нередко приходилось скрываться и от судебных исполнителей.

В 1846 году, когда работа продвигалась трудно, он пишет Ганской из Парижа в Неаполь: «Мне крайне трудно писать, мысль несвободна, она больше не принадлежит мне… Вчера весь день была такая ужасная тоска… А ведь надо кончить шесть листов, чтобы дополнить один из томов «Человеческой комедии»… Глаза всё время моргают, зрение ослабело так, что, работая ночью, мне пришлось свой подсвечник на три свечи заменить пятисвечным канделябром… Талант вернётся ко мне, но вернётся в тот день, когда женитьба избавит меня от неуверенности. Это не любовь, это наваждение…».

Мысль о союзе с Эвелиной Ганской всецело завладела им и лишила его воображение творческой свободы. С таинственной чужестранкой – автором одного из многочисленных писем, которые Бальзак получал отженщин, писатель познакомился в 1832 году. Бальзак привлёк её внимание своим пламенным воображением творца, восхитительной тонкостью души, как несравненный знаток человеческого сердца со священным огнём гения.

Бальзаку всегда нравились чувственные женщины, он хотел, чтобы женщины также были умны и рассудительны, чтобы они были способны понимать его произведения, восторгаться ими и, быть может, даже вдохновлять его.

Ему казалось, что Ева Ганская – именно такая. Она была достаточно умна и упивалась возможностью приобщаться к мыслям гениального писателя. Госпожа Эвелина Ганская привлекала Бальзака тем, что она была «создана для любви», но ему нравились также и её начитанность и то, что она носит графский титул, живёт в настоящем замке, к тому же она набожная. Он всегда мечтает о создании своей семьи, о брачном союзе, о супружеском ложе, об успехе и состоянии. Бальзак желает как для своих героев, так и для себя самого не «хижину и любящее сердце, но дворец и возлюбленную».

Графиня Эвелина Ганская, урождённая Ржевусская, принадлежащая к знатному польскому роду, тесно связанному с Россией, после смерти мужа, Венцеслава Ганского, предводителя дворянства на Волыни, оставшись с единственной дочерью Анной, в основном уделяла внимание ей, заботилась об её обустройстве. После замужества дочери госпожа Ганская решила обосноваться со всей семьёй в Верховне – своём великолепном имении на Украине.

У Эвелины Ганской возникли прежние опасения. Она боялась безумств будущего своего супруга, потеряла доверие к нему: «Делай, что угодно, с теми деньгами, которые я тебе дала, милый Норе, но не разоряй меня».

В самый разгар своих финансовых бедствий Бальзак хочет купить за 24.000 франков прекраснейшую коллекцию книг о театре. Или же просит свою «дорогую графиню» привезти из России для их брачного ложа с колоннами горностаевое покрывало; она наотрез отказывает.

Крупная помещица возмущена, видя такие безумства. Она весьма горячо упрекала Бальзака за его разорительные покупки в антикварных лавках. Ему присущи нелепые траты на белый будуар, на трости с драгоценными камнями. Великий писатель был большим расточительным ребёнком. Как человек, Бальзак по-прежнему изумлял, а также шокировал своих поклонников страстными увлечениями, чудачествами и расточительностью. Однако мы не вправе подвергать осуждению странности и причуды, присущие Бальзаку, как парадоксы гения. Сила гения в его превосходстве.

«Господа, Европа сейчас теряет гения», – сказал Виктор Гюго, когда Бальзак находился на смертном одре.

Жизнь Бальзака завершилась подобно роману «Человеческая комедия». Сколько раз он рассказывал, как человек всю жизнь мечтал о любви, и вот, наконец, кажется, достиг счастья, но лишь только он протягивает руку, чтобы схватить его, счастье ускользает. Так кончились «Шуаны», «Луи Ламбер», «Альбер Саварюс».

Достигнуть цели, умирая, как античный гонец! Видеть, как счастье и смерть одновременно вступают на твой порог! Завоевать любимую женщину, когда любовь уже гаснет! Не быть в силах наслаждаться, когда право быть счастливым наконец приобретено! Это было уделом уже стольких людей!

Бальзак уже давно предчувствовал, что такая судьба уготована и ему, и в предсмертные дни он своим светлым умом, который так любил и умел определять тайные причины событий, увидел во всей её суровой простоте самую суть прожитой жизни. Он умирал, сгорев в огне своих желаний, истратив все силы в воображаемых действиях своих героев, умирал жертвою своего творчества. Несчастное детство и юность породили у него сверхчеловеческое честолюбие. Он хотел всего: любви, богатства, гениальности, славы. Несмотря на расстояние, казалось бы, непреодолимое, между отправной точкой и целью, он всего достиг.

«В воскресный вечер 18 августа 1850 года он лежал, простёртый, в украшенном им самим доме, убранство которого походило на его мечты о чудесах «Тысячи и одной ночи»; волшебница Чужестранка ради него покинула свой дворец и океаны хлебов: он стал средоточием того мира, который сам населил, в который вдохнул душу и которому суждено было пережить его», – так завершается замечательная книга Андре Моруа «Прометей, или жизнь Бальзака».

Думается, что в этих заключительных словах с истинной оценкой гения заключается и секрет немеркнущей славы титана.

ЮРИЙ МАМЕДОВ

А душа моя разъята

Жизнь, как горькая затяжка,
Кривит угол рта.
Подскажи, зачем так тяжка
Эта маета?

Канула куда-то радость –
Есть ли в жизни прок?
Угнездились в сердце жалость,
Скорбь и холодок.

Что теперь цветенье сада,
Щебетанье птиц,
Коль душа моя разъята,
Скомкана, как лист?!

Предок наш, ломая спину,
Собирал коренья,
А потом писал картину
До самозабвенья.

Рос, мечтал, творил, лелеял
Помыслы благие,
Но в пылу страстей развеял
Чары дорогие.

Все ж его мы чтим и любим,
Веруя в спасенье,
Хоть себя порою губим
В умопомраченье.

Жизнь течет рекою строгой,
Мы же, словно льдины,
То плывем своей дорогой
Где-то у стремнины,

То, просторами скитаясь,
Исчезаем в водах,
Облаками отражаясь
В поднебесных сводах.

Где оазис – там прохлада,
И не жди беды.
Но опять бьет канонада
Прямо у воды.

И кипит вовсю работа,
Как сизифов труд...
Нет, не видится исхода
Из локальных смут.

Так куда ведет дорога
Нас из никуда?
Пьет хмельной настой из рога
Фатум – тамада.

Высечет огонь из слова –
Только б убедил,
Что забрезжит радость снова
У святых могил.

Что наш дом не лиха стоил,
И не даст приют
Мыслям, что и лгут, и спорят,
Душу предают.

Чудо ли опережаем,
Совершая взлеты?
Иль, к полетам привыкая,
Приземляем своды!

Ведь всегда мечта былая,
Древняя, к полету
Нас влечет и мы, взлетая,
Рвемся к небосводу.

А под аркой горизонта,
Стоит позабыться,
Ждем вестей, как будто с фронта,
Чтоб навек проститься.

Не в бою – на мирных нивах
(но по чьей указке?),
Бьем несчастных и счастливых,
Прорастаем в каски.

Круг замкнется, но едва ли
Мы найдем причину,
Почему так низко пали,
Выпрямляя спину.